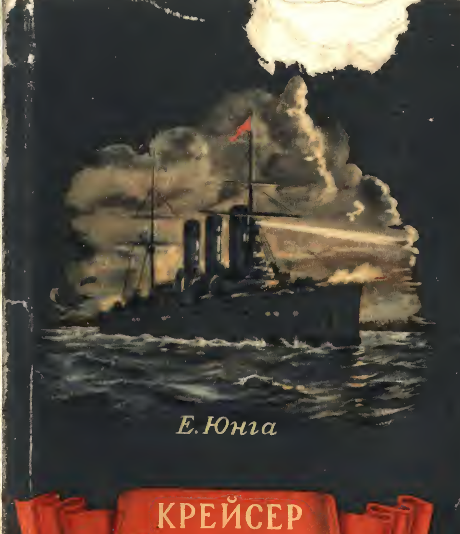

Е. Юнга

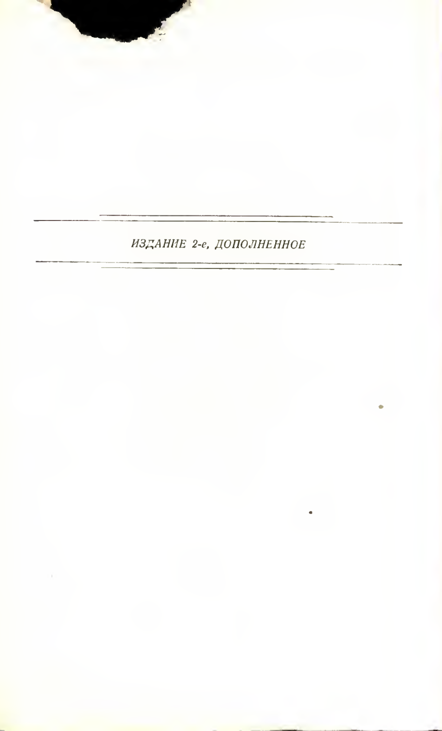
КРЕЙСЕР "АВРОРА"

Е. Юнга

КРЕЙСЕР "АВРОРА"

ВОЕННО-МОРСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОЕННО-МОРСКОГО МИНИСТЕРСТВА СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1950

ИЗДАНИЕ 2-е, ДОПОЛНЕННОЕ

Год за годом все дальше отодвигаются в прошлое великие события, которыми началась Эра социалистической революции. Однако время подобно искусному гранильщику драгоценных камней: оно шлифует исторические события, заставляя их неугасимо сверкать в памяти людей. Озаренный их вечным блеском, как прежде, в дымке праздничного ноябрьского вечера над Невой в Ленинграде возникает силуэт высокого корабля. Обводы его корпуса, мачты, баковое орудие и три тонкие длинные трубы окаймлены гирляндами электрических огней. На фасаде мостика, словно на груди воина, пламенеет рубином иллюминованный орден Красного Знамени. И каждый, кто видит обведенные световым штрихом строгие контуры, узнает бессмертный корабль революции.

Это — крейсер «Аврора», название которого прекрасно, как первоначальное значение слова, дошедшего к нам из времен глубокой старины: «Аврора» значит утренняя заря, алый и золотистый свет вдоль горизонта перед восходом солнца.

ВАЖНЕЙШИЕ ДАТЫ БИОГРАФИИ КОРАБЛЯ

1897 год, 23 мая [1] В погожее весеннее утро на стапелях верфи Нового Адмиралтейства в Петербурге заложен трехвинтовый крейсер первого ранга. В честь парусного фрегата, который прославился обороной Камчатки в 1854 году, крейсеру присвоено название: «Аврора».

Среди гостей, приглашенных на церемонию закладки нового корабля, присутствует семидесятилетний отставной моряк Фесун, бывший мичманом на фрегате в дни героической защиты Петропавловского порта. Ветерану с «Авроры» есть что вспомнить. Моряки с интересом выслушивают его рассказ о боевой истории и кругосветном вояже фрегата.

— Сия история, — так начинает свое повествование убеленный сединами последний из могикан парусного флота, — весьма поучительна и полезна для всех, кому дороги честь русского моряка и слава отечественного флота...

---

[1] Все даты до Великой Октябрьской социалистической революции даны по старому стилю.

ФРЕГАТ „АВРОРА“

ВЫХОД ИЗ КАЛЛАО

> Видит око далеко, а ум еще дальше... На иную хитрость хватит и простоты.
>
> *Русские пословицы*

День начался, как обычно, перекличкой рынд. Приятная слуху моряка мелодия плыла над дремавшими кораблями, над оцепенелым рейдом, над погруженным в глубокий предрассветный сон приморским городком, постепенно затихая, словно удаляясь к далекой цепи гор, снежные гребни которых розовели отсветами невидимой зари.

С последним ударом колокола, в просвете двери, ведущей из каюты командира на балкон кормового выступа фрегата «Аврора», выросла плотная, чуть сутулая фигура капитан-лейтенанта Изыльметьева. Обветренное загорелое лицо командира корабля казалось спокойным, но долгое напряжение оставило на нем свои следы. Он, как и весь экипаж фрегата, почти не спал с тех пор, когда стало ясно, что командование англо-французской эскадрой намерено задержать «Аврору» на рейде главного перуанского порта Каллао. Тропическая гавань оказалась ловушкой.

Прислонясь к дверному косяку и глубоко вдыхая охлажденный за ночь солоноватый воздух, Изыльметьев любовался бухтой и ее окрестностями. Сквозь листву

прибрежных рощ и прозрачную дымку испарений виднелись пестрые крыши города. Над океаном зарослей высился подобно маяку белый шпиль колокольни. Синеватые волны сумрака еще наполняли долину за городом. Рядом с набережной, отражаясь расплывчатым силуэтом на светлевшей глади бухты, уставился на «Аврору» квадратными зрачками орудийных полупортиков французский фрегат «Лафорт».

Изыльметьев пристально оглядел чужой корабль. Очарование штилевого утра мгновенно исчезло. Вид французского фрегата напоминал о вынужденной стоянке в промежуточной гавани под прицелом ста двенадцати пушек соединенной эскадры.

Это была третья стоянка за восемь месяцев похода «Авроры» из Кронштадта в северные моря Тихого океана, где крейсировала эскадра адмирала Путятина — фрегаты «Диана» и «Паллада», корвет «Оливуца», транспорты «Иртыш», «Байкал» и «Двина». Только шесть кораблей несли дозорную службу вдоль береговой черты русских дальневосточных границ, протянувшихся на три тысячи миль по азиатскому материку на север от Квантунского полуострова до Берингова пролива и на полторы тысячи миль побережья так называемой Русской Америки, от мыса Барроу на Аляске до форта Росс на параллели нынешнего Сан-Франциско. Между тем надвигалась война, вошедшая в историю под наименованием Крымской.

Изыльметьев услышал о неизбежности войны еще восемь месяцев тому назад, летом 1853 года, когда был вызван к морскому министру. Под строгим секретом министр сообщил командиру «Авроры» о предстоящем выступлении Англии и Франции на стороне Турции и о неизбежности нападения союзников на дальневосточные границы России. Британские и французские купцы давно зарились на богатства огромного русского хозяйства, разбросанного на островах северной части Тихого океана и побережьях двух величайших материков. Соединенная англо-французская эскадра в двадцать семь вымпелов, из них десять фрегатов, уже обосновалась в гаванях Южной Америки и Сандвичевых островов, чтобы с первого дня военных действий обрушиться на шесть кораблей русского отряда, из которых три корабля были всего лишь транспортными судами.

Приказ, врученный Изыльметьеву после разговора с морским министром, предписывал в месячный срок снарядить к походу в Тихий океан фрегат «Аврора», построенный в 1835 году на Охтенской верфи в Петербурге. Восемнадцать лет фрегат числился в составе эскадры Балтийского моря, вместе с нею проводя большую часть времени на якорной стоянке Большого Кронштадтского рейда, и, наконец, дождался счастливого случая совершить дальнее плавание. Моряки в точности выполнили приказ: ровно через месяц, 21 августа, заново оснащенная «Аврора» отсалютовала из сорока четырех пушек Кронштадту и вышла в кругосветный вояж к устью Амура на соединение с эскадрой адмирала Путятина.

Многое довелось испытать экипажу в течение восьмимесячного плавания. Непогоды сопровождали корабль от Кронштадта до Портсмута. Испорченная провизия и тухлая вода вызывали заболевания среди команды в течение всего перехода по Атлантическому океану. Моряки измучились, хотя почти вся команда не впервые шла «в дальнюю», как назывались тогда кругосветные плавания.

Лишь только фрегат бросил якорь на рейде залива Рио-де-Жанейро, на палубу «Авроры» поднялся русский консул. Поздравив соотечественников с блестящей победой русского флота (пока «Аврора» преодолевала тысячемильное пространство штилевых широт в Атлантике, весь мир облетела весть о разгроме адмиралом Нахимовым турецкого флота в Синопском бою), консул предупредил командира, что основные силы англо-французской эскадры сосредоточены в Гонолулу, на Гаваях.

Цынга и дизентерия были спутниками «Авроры» в последнем переходе из Рио-де-Жанейро вокруг известного штормами мыса Горн. Кратчайший путь от Магелланова пролива к родным берегам лежал через Тихий океан мимо Гавайских островов. Однако зайти в Гонолулу теперь, после предупреждения, сделанного русским консулом, было уже нельзя. А впереди еще лежал долгий путь через Тихий океан — девять тысяч миль безбрежной пустыни. Необходимо было дать передышку людям, пополнить запасы провизии и питьевой воды, произвести ремонт рангоута и такелажа, поврежденных бурями. И Изыльметьев решил взять курс на

ближайшую гавань. Это была перуанская бухта Каллао близ экватора.

На рассвете шестьдесят второго дня плавания от Рио-де-Жанейро моряки увидели снежную цепь Кордильеров, живописные долины, купы лимонных рощ, уютную гавань, берега которой манили желанным отдыхом...

Увы, штилевая бухта Каллао оказалась вражеским логовом. На ее рейде, укрытые от глаз сигнальщиков с «Авроры» до самой минуты входа в гавань, стояли два фрегата — флагманские корабли англо-французской эскадры и трехмачтовый пароход-разведчик.

Двусмысленность положения была очевидна. Два месяца «Аврора» не имела связи с берегом. Какие события произошли в мире за это время?.. Если война объявлена, фрегату придется выдержать неравный бой.

Оценив обстановку, Изыльметьев нашел выход: не меняя курса, произвести положенный орудийный салют, а в случае враждебных действий англо-французских кораблей развернуться и на отходе из гавани открыть по ним огонь всем бортом.

Командир послал экипаж к орудиям и на реи.

Не успели развеяться над водой дымки холостых выстрелов, грянул ответный салют: суда союзной эскадры приветствовали нежданного гостя.

«Аврора» пронеслась мимо них, не уменьшая парусов, и кинула якорь возле самого берега, под прикрытием городских зданий. Изыльметьев избрал такую, на первый взгляд, невыгодную позицию вдали от выхода в океан, уверенный в том, что англичане и французы не осмелятся открыть стрельбу по «Авроре», так как иначе их ядра неизбежно будут попадать в город.

Предосторожность оказалась не лишней. В тот же день на «Авроре» стало известно, что командование англо-французской эскадрой поджидало курьера с депешей о начале военных действий против России.

Торопясь выбраться из ловушки, Изыльметьев объявил стоянку авральной и ввел боевые вахты. Орудийная прислуга не отлучалась от пушек, готовая и днем и ночью принять неравный бой, а остальная команда во главе с офицерами исправляла повреждения в такелаже и рангоуте, грузила провизию и готовила абордажное оружие.

На восьмой день стоянки, рано утром, когда к борту «Авроры» пристали лодки портовых торговцев фруктами, английский пароход «Вираго» внезапно снялся с якоря и ушел в океан. Причина его отплытия вскоре выяснилась. О ней рассказали лодочники, слыхавшие от моряков французского фрегата «Лафорт» о ссоре командующих союзной эскадрой — английского контр-адмирала Прайса и французского контр-адмирала Февриде Пуанта. Прайс уговаривал коллегу задержать «Аврору» в порту до получения депеши из Европы, а тогда принудить русский фрегат спустить флаг. Де Пуант не осмелился. Тогда раздосадованный Прайс поручил командиру «Вираго» итти в Панаму и дожидаться там курьера из Европы, а сам на фрегате «Президент» занял позицию в пятидесяти метрах от ворот гавани, чтобы силой пушек флагманского корабля помешать выходу «Авроры» до возвращения парохода.

Словно не предполагая о замысле Прайса, на «Авроре» старательно готовились к плаванию: ладили стеньги, чинили паруса, размещали в загородках доставленный перуанцами живой скот, найтовили[1] в трюме бочки с пресной водой и даже находили время для гребных учений.

Так приказал командир. Особенности Каллао — постоянная штилевая погода в бухте и неизменный туман по утрам над рейдом — подсказали Изыльметьеву рискованный выход.

Отплытие было назначено на одиннадцатый день стоянки: на рассвете его старший офицер обещал закончить все приготовления к походу.

И вот оно наступило — штилевое утро 14 апреля 1854 года.

Серая лавина, клубясь на вершинах холмов, окружавших бухту, скатывалась к взморью и расплывалась над ним. Природа не подвела. Извечный враг мореплавателя — туман — на этот раз был кстати.

Отрывисто звякнула рында — вахтенный пробил получасовую склянку, — и в ту же секунду позади Изыльметьева глухо прозвучали шаги.

---

[1] Найтовить—связывать веревкой, прикреплять наглухо. Обычно перед выходом корабля в плавание грузы и предметы, которые могут при качке перемещаться, принайтовливают.

Командир обернулся.

Перед ним стоял старший офицер.

— Ну что, Павел Акимович? — спросил Изыльметьев, настороженно смотря в осовелые от бессонницы глаза помощника.

— Команда на палубе, гребцы в катерах, — коротко доложил тот.— Людям велено разуться. Лейтенант Дмитрий Максутов назначен мною на головной катер, а мичмана Фесун и Михайлов с гардемарином Колокольцевым к наблюдению за двумя катерами каждый. Весла обмотаны ветошью.

— А каковы намерения англичан?

Старший офицер пожал плечами.

— Сигнальщики, безотрывно наблюдая за «Президентом», рапортуют, как и намедни: британские комендоры бодрствуют у лафетов.

— В добрый час, Павел Акимович. Как только туман набежит на британский фрегат, подав буксир в катера... приступайте к гребному учению, — сказал командир, усмехаясь в отвислые усы, и, накинув дождевик, последовал за старшим офицером наверх.

Туман над рейдом сгущался. Домики и хижины Каллао, шпиль колокольни, умытая росой листва тропических зарослей, французский фрегат на пути между «Авророй» и противоположным городу берегом бухты растворились в полутьме, сквозь которую не могли проникнуть первые лучи солнца. Перья флюгарки на мостике, отсырев, обвисли вдоль штока: ветер отсутствовал. Гнилостная сырость холодными каплями покрывала стекло компасной картушки и желтеющие начищенной медью поручни. Прозрачные струйки стекали по фалам рей, штагам и вантам на палубу. На ней за пушечными станками и у мачт лежали босые матросы Издали было похоже, что они спят, прикорнув там, где их застал сон после окончания ремонта и погрузки, но Изыльметьев видел множество глаз, обращенных к нему.

Экипаж фрегата был готов повиноваться приказу своего командира.

Полускрытые набегавшими клубами тумана у бортов на воде гавани темнели семь десятивесельных катеров, переполненных гребцами. Спуск шлюпок не вызвал беспокойства среди вахтенных «Президента»: каждое утро

спозаранку русские моряки с похвальной аккуратностью практиковались в гребле.

Изыльметьев навел подзорную трубу на выход из гавани. По ту сторону бухты, за песчаной косой, играли солнечными бликами океанские просторы. Наметанный глаз моряка сразу подметил теневые полосы ряби, проведенные дуновением бриза. Попутный ветер поджидал «Аврору», чтобы наполнить силой движения ее паруса.

Используя минуты, пока туман подбирался к английскому кораблю, командир спустился с полуюта и, переходя от одной группы матросов к другой, повторял почти слово в слово то, о чем говорил им накануне:

— Помните, ребята, неосторожность может привести к ненужному пролитию крови. Прикусите языки и не спускайте глаз с британца. Как только туман обложит его, без шуму, но столь же ловко, будто на смотру перед адмиралом, занимайте места по нумерам: марсовые по реям и салингам, ставьте бом-брамсели, баковые — выпускайте буксир и выбирайте якорь. Срок малый, туману, по примеру прошлых дней, на склянку, не более, но покойный Василий Михайлович Головнин, будучи капитаном «Дианы», управился в четверть часа, уйдя из-под носа неприятеля с мыса Доброй Надежды, невзирая, что шлюп обретался в дальнем углу гавани, а всей-то провизии на нем было — только рыба, какую наловили сами матросы. А нам — стыд не уйти. Провианту предостаточно, рацион отменный, фортуна сопутствует: в бухте мгла, в океане ветер... Выручайте, ребята, постарайтесь...

Матросы наперебой обещали постараться, и командир вернулся на корму, удовлетворенный осмотром корабля. Старший офицер учел каждую мелочь. Палуба под вымбовками шпиля на баке была устлана пеньковыми матами, чтобы заглушить топанье ног, когда матросы примутся выбирать якорь; несколько моряков-первогодков, еще не отвыкшие от деревенской жизни, безотлучно находились в коровнике, то и дело задавая корм скоту, чтобы занятые жвачкой животные не выдали мычаньем маневр «Авроры», когда та будет проходить мимо флагманского корабля сэра Дэвиса Прайса.

Клочья тумана, задевая стеньги мачт английского фрегата, вязли в решетчатом сплетении снастей, висли

на реях, кружились над амбразурами бортов, наслаивались на палубе и надстройках.

Непроницаемая стена поднялась над портовыми воротами.

Английский фрегат исчез.

Тотчас раздался приглушенный топот сотен босых ног. Едва различимые в сумраке, окутавшем «Аврору», матросы в полном безмолвии карабкались по вантам, разбегались по реям, спешили на бак, налегали на вымбовки, выбирали якорь, волокли буксирный канат, подавая его на катера, подошедшие к бушприту.

Вновь, будто ничего не изменилось, зазвенела рында, и на ее голос откликнулись колокола неприятельских фрегатов.

Из-за борта не долетал ни один звук. Всплески обмотанных ветошью весел были неслышны.

Теперь все зависело от гребцов: успеют ли они, пока туман держится в гавани, одолеть расстояние в полмили, разделявшее корабль и ворота бухты?

Склонясь над компасом, Изыльметьев корректировал направление. Матросы, расставленные цепочкой от полуюта до бака, где наблюдал за буксиром старший офицер, шепотом передавали друг другу поправки, сделанные командиром. Боцман, примостясь на штагах бушприта и нагибаясь над ближайшим катером, сообщал поправки мичману Фесуну, а последний предупреждал о них командующего буксирной армадой лейтенанта Максутова.

В томительной тишине длился путь через затянутый мглой рейд.

На исходе двадцатой минуты, усиливаясь с очередным взмахом весел, раздались резкие голоса: то переговаривались комендоры «Президента». Туман скрадывал расстояние: казалось, что англичане разговаривают в двух шагах от «Авроры».

Моряки затаили дыхание.

Голоса звучали все глуше, неразборчивее и вскоре затихли.

Вздох облегчения пронесся над фрегатом. Самое опасное место осталось позади.

Взмокшие, ослепленные потом, гребцы вели «Аврору» через портовые ворота.

Даль впереди понемногу прояснялась. Наконец, солнечные лучи, прорвав толщу тумана, сверкнули в набухших влагой верхних парусах.

— Катерам возвратиться к борту! Пошел все к боканцам! — негромко, но отчетливо бросил командир с мостика вниз долгожданные слова.

Приказание было исполнено с быстротой, которая всегда вызывала почтительное изумление нашими моряками под всеми широтами. Понадобилось ровно шесть минут, чтобы все буксирные суда были закреплены на боканцах, а громоздкий буксирный канат лежал на баке в полном порядке. Еще полторы минуты ушло на то, чтобы поставить в помощь бом-брамселям нижние паруса.

Мелодично пропела рында: путь во мгле через рейд на буксире гребных катеров, подъем их и постановка парусов заняли полчаса.

Созывая экипаж, боцман засвистал на все лады в дудку.

— Спасибо, ребята! — говорил Изыльметьев, шагая вдоль строя. — Отдыхай трое суток, кроме вахты. Но всякий знай свой долг, ежели настигнет погоня. Главное дело,— напомнил он комендорам, — не горячись, а стреляй хладнокровно, как на ученьи.

— Авось попотчуем! — отозвались комендоры.

Строй одобрительно загудел.

— Держи интрепели[1] под рукой, — наставлял командир. — Коль неприятель надумает приблизиться, невзирая на ядра, свалимся на абордаж.

Он вернулся на мостик и, поблагодарив офицеров за точное исполнение приказа, повернулся к рейду.

Туман над бухтой редел, открывая мачты кораблей и кварталы города. На палубе английского фрегата, корпус которого выдавался из-за берегового уступа у входа в гавань, сновали люди. В овале подзорной трубы было видно, как возбужденно жестикулировали англичане.

Берега Каллао отступали назад. К полудню на месте лимонных садов смутно виднелась за кормой синеватая каемка, а над ней, будто гряда облаков, белели снежные шапки вершин Кордильеров.

Чуть накренясь, «Аврора» скользила по океанской дороге на северо-запад, к далеким родным берегам.

[1] Абордажное оружие, похожее на топор.

БОЙ У НИКОЛЬСКОЙ ГОРЫ

...Зададим гостям пирушку,—
Зарядим картечью пушку...
Из солдатской песни

— ...Нечего лезть на рожон там, где предостаточно только лавировки, чтобы ею сберечь силы для решительного боя, — завершил беседу в утреннее чаепитие старый штурман Степан Нилыч, обращаясь к сидевшему напротив него мичману.— То-то господа британцы с французами помышляли взять гавань голыми руками да безнаказанно разорять камчатские берега... От меня поклон вашему батюшке припишите, вместе служили под командою Федора Петровича Литке.

Он поднялся и вышел из кают-компании.

Мичман Фесун смущенно посмотрел вслед старому штурману, ибо в числе других молодых офицеров сгоряча сетовал на командира за то, что последний предпочел воспользоваться туманом и не померялся силами с английским фрегатом.

Время подтвердило разумность действий капитан-лейтенанта Изыльметьева. Погони не было. Прайс не осмелился преследовать «Аврору». Под всеми парусами она ушла от берегов Южной Америки.

Зато переход через Тихий океан оказался самым тяжелым за все месяцы кругосветного вояжа.

Избежав неравного боя или постыдного плена, моряки попали из огня в полымя. На корабле началась эпидемия цынги. Закупленные в Каллао недозрелые лимоны не помогли. Сто пятьдесят человек — треть экипажа — не вставали с коек; тринадцать—умерли и были погребены в океане. Цынга не пощадила командира, а заодно с ним приковала к постели и корабельного врача. В бурях и встречных ветрах миновал второй месяц плавания от перуанского порта. Перед фрегатом, за угрюмыми черными кручами Курильской гряды, катило седые валы Охотское море. Известив о том больного Изыльметьева, старший офицер лаконично доложил, что воды и провизии нехватит на переход к устью Амура, что избитый штормами корабль дал течь и матросы с трудом откачивают воду, что вернее всего зайти в бли-

жайший отечественный порт — Петропавловск-на-Камчатке, дать людям отдых, а фрегату необходимый ремонт.

Командир последовал совету помощника. 19 июня, пройдя от Каллао девять тысяч миль за два месяца и шесть дней, «Аврора» достигла Авачинской губы и отдала оба якоря напротив камчатской столицы.

Фесун на всю жизнь запомнил очарование первых часов стоянки у далеких, на краю света, но родных берегов. Вид их подействовал на экипаж, как чудодейственное целебное средство: даже те, кто был изнурен недугом и опух от цынги, притащились на верхнюю палубу, чтобы полюбоваться бревенчатыми домишками Петропавловска, подышать воздухом жаркого камчатского лета, подивиться снежному конусу Вилючинской сопки над прекраснейшей в мире бухтой.

Первым гостем с берега был военный губернатор Камчатки Завойко. Он прежде всего поздравил моряков,— «Аврора» совершила кругосветный вояж за десять месяцев, хотя обычно плавание от Кронштадта до Камчатки длилось более года, — а затем сказал, что получил письмо от русского генерального консула в Соединенных Штатах о том, что война с Англией и Францией официально объявлена.

— Ваше присутствие здесь весьма кстати. Силы камчатского гарнизона ничтожны: десять пушек малого калибра, при них сто двадцать пять человек, большая часть коих писаря и денщики,— заключил Завойко свою речь к морякам.— Я послал за помощью на Амур, но даже если она не прибудет, полагаю, как бы ни многочисленен был враг, сделать для защиты порта и чести русского оружия все, что в силах человеческих возможно, и драться до последней капли крови.

Было решено снять с «Авроры» орудия правого борта и установить их на подступах к городу. Днем и ночью моряки фрегата, гарнизон и жители Петропавловска возводили земляные насыпи в местах, отведенных под батареи, выгружали с корабля длинноствольные орудия и на себе волокли их к брустверам.

Спустя месяц прибыло подкрепление. Транспорты «Иртыш» и «Двина» доставили из залива Де-Кастри триста пятьдесят солдат сибирского линейного батальона. «Иртыш», высадив людей, снялся обратно, «Двина»

осталась в порту. Завойко распорядился передать часть ее орудий на береговую батарею.

После того подсчитали наличные силы.

Петропавловск располагал гарнизоном, добрую половину которого — рекрутов, присланных из Де-Кастри, денщиков и писарей, — еще предстояло обучить стрелковому делу. Более ста авроровцев находились в городском госпитале. Восемьсот семьдесят девять вооруженных людей и шестьдесят три орудия на батареях и судах — это было все, что могли защитники порта выставить против неведомого количества пушек и десанта неприятельской эскадры.

«Аврора» и «Двина» стали в линию баталии на фертоинг [1]. Прикрытые двумя батареями фрегат и транспорт в свою очередь прикрывали ворота порта и подступы к городу.

В полдень 17 августа, когда с маяка предупредили о появлении в море неизвестных судов, Петропавловск был готов к встрече с противником.

* * *

События последующих дней неизгладимо запечатлелись в памяти Фесуна. О них ежеминутно напоминал и не свойственный кораблю беспорядок. Жилые помещения левого борта, в том числе каюта, отведенная мичману, были повреждены ядрами неприятельских кораблей, вторую неделю осаждавших порт и город.

На столе перед Фесуном лежало незаконченное письмо отцу, чьи рассказы о давнем вояже на Камчатку еще в детстве определили жизненный путь мичмана.

Письмо начиналось так [2]:

«...Приготовившись, мы ждали недолго. В одиннадцать часов с дальнего маяка сделан сигнал: «в море

[1] Фертоинг — способ стоянки на двух якорях, при котором судно во всяком положении при разворачивании от воздействия ветра и волны находится между двумя якорями, из которых один брошен по направлению прилива, а другой — на отлив или по направлению сильных ветров. При таком способе постановки судно стоит то на одном якоре, то на другом и, разворачиваясь, описывает меньший круг, чем при обычной постановке на один или два якоря.

[2] Опубликовано в журнале „Морской сборник" № 10—12, 1854 г.

Зак, 428

видно эскадру военных судов», потом сигналом показано, что их шесть. Тотчас же в городе ударили тревогу, мы собрались на фрегат, а губернатор со штабом отправился на Сигнальный мыс, на передовой пост. Команда на фрегате стала по орудиям. В половине пятого часа мы увидели входящий в губу трехмачтовый пароход. Рассматриваем, двадцать труб обращены на него, и что же: американский флаг! Двигаясь малым ходом и вне выстрелов батареи, на пароходе бросали лот, но лишь только от порта отделилась для опроса шлюпка, правя на пересечение курса парохода, как он, поворотив назад, полным ходом пошел к выходу и в районе Поворотного мыса соединился с ожидающей его эскадрой... Рассмотревши повнимательнее, мы узнали, несмотря на закрашенные полосы, наших старых знакомцев: соединенную англо-французскую эскадру, стоявшую вместе с нами на рейде Каллао.

Наконец, настал день 20-го августа, день первого нашего сражения, а следовательно, достопамятный для каждого из нас. В шесть часов заметили на эскадре приготовления к съемке с якоря; в восемь часов пароход, взяв с каждой стороны по адмиральскому фрегату, а третий за корму, буксировал их к сигнальной батарее. В девять часов пять минут началось сражение.

Батарея Красного Яра, имевшая самое небольшое число орудий, полтора часа выдерживала непрерывный огонь фрегатов и отвечала на него так, что все мы были в восхищении. Как и должно предвидеть, все это не могло долго длиться, несмотря на крайние усилия команд, несмотря на бесстрашие. Платформы засыпаны землей выше колес, станки и тали перебиты, ворочать и действовать ими в таком положении не было возможности, тем более что неприятель уже свозил десант к Красному Яру. Командир батареи мичман Попов, не находя возможным защищать вверенный ему пост против шестисот человек неприятельского десанта, имея поврежденными орудия и следуя приказанию, отданному на этот случай, заклепал их и отступил.

Французы, вскочив первыми на Красный Яр, битком наполнили батарею и при восторженных криках подняли французский флаг. Только что он развился, как бомба с английского парохода, ударясь в самую середину толпы, произвела в ней страшное замешательство.

Прежде чем бедные французы успели опомниться от ошибки своих милых союзников, наши транспорт и фрегат открыли по ним меткий батальный огонь. Все это было соединено с движением подоспевших — с фрегата моей партии, от порта второй стрелковой партии поручика Губарева, партий Михайлова и Попова, которые с криком «ура» бросились вперед. Неприятель, несмотря на многочислие его, начал отступление бегом и с такою быстротою, что прежде чем подоспели наши стрелковые отряды, он уже был в шлюпках и вне выстрелов.

Между тем и неприятельские корабли не зевали. Подавшись вперед, они открыли по батарее № 2 сильнейший огонь. Командир этой батареи лейтенант Дмитрий Максутов был изумительно хладнокровен. Когда неприятель действовал бомбическими орудиями на дальнем расстоянии, батарея была молчалива и спокойна. Временами острое словцо возбуждало смех. Максутов не горячился, не тратил даром пороха, выжидая, когда раздосадованный неприятель подтянется ближе.

К вечеру пароход попытался выйти из-за мыса, но возбудил только смех флотских орудийных комендоров. Они ожидали его появления, приговаривая: «Иди, иди, дружок, авось удовольствуем так, что более не захочешь». И действительно, только показался нос жданного гостя, раздался батальный огонь «Авроры», засвистели ядра, и в ту же минуту все кончилось: пароход полным ходом уходил назад.

В начале седьмого часа сражение было прекращено, неприятель отошел вне выстрелов. У нас ударили отбой. Люди получили время отдыха, а мы стали готовиться к завтрему: губернатор объявил нам, что, по его мнению, теперь должно ожидать решительного нападения на «Аврору», и он надеется, что мы постоим за себя...»

...Перед взором мичмана возникали картины штурма: день, меркнущий в клубах порохового дыма, разрывы бомб на батареях, множество трупов в красных мундирах, раскиданных на песчаном берегу у Никольской горы, точки голов вокруг подбитых и тонущих шлюпок, изломанные ядрами стеньги вражеских кораблей, щепы рангоута в бухте, кипящей всплесками... Эхо битвы — грохот залпов двухсот девяноста восьми орудий эскадры противника и отвечавших им шестидесяти трех пушек береговых батарей, «Авроры» и «Двины» — еще разда-

валось в ушах Фесуна. Хмуря обожженные порохом брови, он усердно дописывал:

«...Вечер 23-го числа был прекрасен, такой, какой редко бывает в Камчатке. Офицеры провели его в разговорах об отечестве, в воспоминаниях о далеком Петербурге, о родных, о близких...

Рассветало. Сквозь туман серого камчатского утра можно было видеть, что пароход в движении. В пять часов у нас ударили тревогу. В семь с половиной туман прочистился, и пароход, взяв адмиральские фрегаты на буксир, повел их к перешеечной батарее. Подойдя на пушечный выстрел, «Лафорт» отдал буксир и, став на шпринг в самом близком расстоянии, открыл жестокий батальный огонь. Весь перешеек изрыт так, что нет аршина земли, куда не попало бы ядро. Батарея отвечала сначала с успехом: второе ядро, пущенное с нее, перебило гафель, третье — фока-рей, следующие — крюйс-стеньгу, фоковые ванты и многое другое, не говоря о корпусе. Но земляная, открытая, небольшая батарея уже более часа выдерживала огонь тридцати пушек огромного калибра. Станки перебиты, платформы засыпаны землей и обломками, одно орудие с оторванным дулом, три не могут действовать, более половины прислуги ранены и убиты, остается одна пушка... ее наводит сам Максутов, стреляет — и большой катер с неприятельским десантом идет ко дну. Крики отчаяния несутся с судов. Французский фрегат, мстя за своих, палит целым бортом. Ураган ядер и бомб носится над батареей, она вся в дыму и обломках... При повторных криках «виват!» с неприятельских судов Максутов падает с оторванной рукой. Капитан посылает меня заменить его. Подхожу к оставшемуся орудию. Прислуга его идет за мной, но и неприятель не мешкал: он делает залп за залпом, и в несколько секунд орудие подбито.

Двадцать три гребных судна и два десантных бота, полные народу, устремились к берегу.

...Вы были в Камчатке, а следовательно, знаете Никольскую гору. Имея большую высоту, она почти неприступна, все тропинки на ней чрезвычайно круты, в особенности же спуски к озеру...

Заняв гору, неприятель рассыпался по всему ее протяжению до перешеечной батареи; другая часть его уже

выстраивалась против батареи на озере и осыпала всю лощину градом пуль...

Капитан наш велел свести с фрегата часть первой стрелковой партии; вверяя мне командование, он поручил, взобравшись на гору, ударить на десант с тыла в штыки.

Подойдя к неприятелю на ружейный выстрел, я рассыпал отряд и начал действовать; слыша у себя на правом фланге «ура» партии прапорщика Жилкина и заметив значительное скопление французов в лощине, скомандовал: «Вперед, в штыки!..»

...Сбросив неприятеля с горы, все стрелковые партии, усевшись на обрывы, поражали удаляющихся ружейным огнем.

В час ударили отбой... Между убитыми неприятельскими офицерами найден начальник всего десанта: так должно полагать по оказавшимся при нем бумагам. Трофеями было множество ружей и холодного оружия, семь офицерских сабель и английское знамя...»

Мичман гордо поглядел на знамя, принесенное им на фрегат после боя с вражеским десантом, обмакнул перо в пузырек и поспешно отодвинул прибор, услышав заглушенный расстоянием голос старшего офицера:

— Нумера к орудиям! Третья и четвертая партия, стройся!

Тревожно заголосила рында.

Напялив фуражку, Фесун помчался в нижнюю батарею.

Комендоры уже заняли места у орудий. Узкие полосы света, проникая сквозь квадратные люки полупортиков, падали на лица людей и заготовленные с вечера груды ядер.

День нехотя разгорался. Выскобленная матросами до янтарной желтизны, еще не успевшая просохнуть после скачивания верхняя палуба курилась испарениями. Фрегат был прибран, как перед смотром. Каждая частица его блестела чистотой, лишь сквозные пробоины в грот-мачте и фальшборте да наспех подвязанные ванты, штаги и фордуны, порванные осколками бомб, напоминали о недавнем сражении наполовину разоруженной «Авроры» с флагманскими кораблями соединенной эскадры. Команда верхней батареи толпилась у орудий, выжидательно посматривая на мостик, где застыли, вы-

тянув подзорные трубы в сторону внешнего рейда, Изыльметьев, старший офицер и штурман Степан Нилыч. Туманные полосы лениво тянулись по склонам холмов, окружавших Авачинскую губу, ползли над мысами, медленно растворяясь в солнечных лучах и открывая панораму Никольской горы, где трое суток тому назад высаживался вражеский десант. Будто ураган промчался над Никольской горой: многие деревья были надломаны, искалеченные кусты пригнулись к земле. Повсюду на сучьях висели лоскутья мундиров. Над ними вилось воронье. На берегу валялись обломки резных украшений кормы английского парохода, сбитых ядрами второй батареи. Треугольная тень Сигнальной горы колебалась на ряби гавани. Теплый ветерок обвевал нахмуренные лица моряков, обращенные к противоположному берегу залива.

Там, за мыском, скрывающим вход в Тарьинскую губу, третьи сутки отстаивалась, исправляя повреждения, англо-французская эскадра. С марсового салинга «Авроры» виднелись только верхушки мачт. Сигнальщики фрегата и транспорта неотрывно наблюдали за губой и, едва усмотрели движение в ней, дали знать командиру.

Это и явилось причиной тревоги.

Рында неумолчно звонила, оповещая Петропавловск о приближении вражеских кораблей.

Первым выбрался на просторы залива флагманский французский фрегат «Лафорт», следом корвет «Эвридика» и бриг «Облигадо»; за ними показались суда английского отряда — фрегат «Президент», корвет «Амфитрида» и фрегат «Пайк», присоединившийся к эскадре на второй день осады. Шествие замыкал пароход «Вираго».

Наведя подзорную трубу на головной корабль, старший офицер неожиданно взволновался:

— Не обманывают ли глаза мои? Противник держит курс к Поворотному мысу!..

Недоверчивое молчание было ответом на его слова. Моряки заранее приготовились к худшему. Казалось невероятным, чтобы вражеская эскадра, насчитывавшая на семи боевых кораблях впятеро больше артиллерии, чем защитники Петропавловска, и втрое превосходя камчатский гарнизон по количеству людей, сняла осаду,

даже не пытаясь взять реванш за потерю четырехсот пятидесяти человек из десантных отрядов!

Однако старший офицер не ошибся. То, что Изыльметьев принял за линию баталии перед штурмом, оказалось походной кильватерной колонной. Соединенная эскадра покидала Авачинский залив.

Командир выждал, пока шедший головным «Лафорт» исчез за Поворотным мысом, и тогда обратился к изумленному экипажу:

— Поздравляю, ребята. Заряжай холостыми!

Комендоры обрадованно засуетились у орудий.

— Пли всем бортом! — донеслось с мостика.

Пушки фрегата грянули победный салют...

* * *

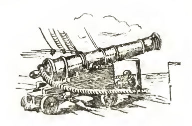
На этом кончается краткая боевая история фрегата «Аврора». Двумя годами позже героической обороны Петропавловского порта, когда была завершена Севастопольская страда и заключен мир, фрегат прощально отсалютовал дальневосточным берегам и, обогнув мыс Доброй Надежды, возвратился в Кронштадт.

Была на исходе эпоха дальних плаваний парусных кораблей.

На тридцать шестом году своего существования фрегат вместе с другими ветеранами кругосветных вояжей девятнадцатого века был поставлен на прикол, разоружен и вскоре отдан на слом.

Началась эпоха парового флота.

На берегу Невы, на стапелях верфи Нового Адмиралтейства были заложены иные корабли, среди них броненосный крейсер, которому предстояло стать провозвестником героических революционных дел великого русского народа.

ВАЖНЕЙШИЕ ДАТЫ БИОГРАФИИ КОРАБЛЯ

1900 год, 11 мая

По наклону густо просаленного фундамента стапельной площадки скользят к реке спусковые салазки, на которых находится корпус нового корабля. Снопы искр из-под салазок отмечают его путь, пока разогнавшийся на стапеле корпус не врезается в податливую толщу Невы. Вздымая буруны и брызги, чуть покачиваясь, он мчится на простор устья между Новым Адмиралтейством и Васильевским островом.

Хорошо различимы выведенные славянской вязью буквы названия только что спущенного корабля — «Аврора». Спуск состоялся, но предстоят еще годы кропотливого монтажа механизмов, вооружения, отделки помещений, прежде чем спущенный на воду крейсер распрощается с Невой и начнет жизнь на море.

Заарканив корпус стальными тросами, буксирные суда ведут его к заводскому причалу.

1903 год, 16 июля

На «Авроре» развевается только что поднятый военно-морской флаг. Список судов Балтийского флота пополнился именем нового бронепалубного крейсера. Его водоизмещение 6 731 тонна, длина 123,7 метра, ширина 16,8 метра, осадка 6,4 метра. Мощность трех паровых машин 11 610 лошадиных сил, скорость 20 узлов. Артиллерия крейсера состоит из восьми 152-миллиметровых орудий, двадцати четырех 75-миллиметровых, восьми 37-миллиметровых, двух десантных пушек и трех торпедных аппаратов (одного надводного и двух подводных). Экипаж «Авроры» — 570 человек. Это быстроходный для своего времени корабль, целиком построенный руками русских мастеров.

Крейсер «Аврора»

1904 год, январь—февраль «Аврора» — в первом дальнем походе. Она включена в состав отряда, посланного в Порт-Артур для усиления Тихоокеанской эскадры. Корабли прошли уже половину пути, когда началась предательским нападением Японии на Порт-Артур русско-японская война.

Известие о вероломном нападении японского флота на Порт-Артур настигло моряков, когда корабли находились в сомалийском порту Джибути (Восточная Африка). Командование отрядом крейсеров получило из Петербурга предписание возвратиться на Балтику, где спешно снаряжалась для посылки на Дальний Восток эскадра адмирала Рожественского.

1904 год, 5 октября У острова Лангеланд, возле входа в балтийский пролив Большой Бельт, «Аврора» присоединилась к эскадре Рожественского и с тех пор делила с ней тяготы похода к Цусиме.

1905 год, 14 мая Долгий путь вокруг Европы, Африки и Азии почти завершен. За Корейским проливом, куда эскадра пришла спустя семь месяцев после выхода из Балтики, отделенный всего лишь двухсуточным переходом, поджидал корабли Владивосток. Позади были томительные задержки на промежуточных стоянках из-за скверного качества ремонта большинства кораблей и тысячи неполадок, сопровождавших эскадру от Балтики до Цусимы. Впереди, на пути к Владивостоку, в Корейском проливе, лежал остров Цусима.

Бой в Корейском проливе у Цусимы был неизбежен. Неравный бой неподготовленных к совместным действиям кораблей с японским флотом, который намного превосходил силы русской эскадры. Бездарность командования окончательно обрекла эскадру на поражение. Дорогой ценой пришлось морякам расплатиться за гнилость самодержавия, за отсталость руководителей царского флота, но команда «Авроры» с честью выдержала тяжкое испытание.

В КОРЕЙСКОМ ПРОЛИВЕ

СМЕРТЬ КОМАНДИРА

...Мечутся дикие чайки,
Что-то встревожило их.
Чу... загремели раскаты
Взрывов далеких, глухих...

Из песни о «Варяге»

Небо плакало...

Дождевые шквалы серыми тенями метались над морем. Гонимые порывистым ветром по гребням мутных волн, холодные косые струи хлестали по надстройкам корабля, каскадом лились с крыши боевой рубки и пенистыми потоками сбегали по наклону палубы к чавкающим шпигатам. Тускло отсвечивали стволы орудий, металлические поручни трапов.

Тяжело переваливаясь на зыби, крейсер «Аврора» шел Восточно-Китайским морем.

Время от времени вахтенный сигнальщик простуженным голосом выкрикивал с мачты над рубкой очередное донесение, и тогда люди в бушлатах и клеенчатых плащах, стоявшие на мостике, разом вскидывали бинокли и подолгу не сводили глаз с горизонта.

Сквозь пелену ненастья расплывчато темнели массивные силуэты высокотрубных броненосцев, шедших двумя кильватерными колоннами слева от крейсера. По другую сторону его лениво колыхались на волнах грузные туши транспортов.

Эскадра адмирала Рожественского приближалась к входу в Корейский пролив.

Черным горбом вырастал из тумана за транспортами далекий гористый остров.

— Цусима, — сказал старший штурман, опуская бинокль. — Местечко не из райских. Вечная слякоть, а вокруг бесчетное множество рифов и банок. Хотя сам остров и невелик: тридцать семь миль в длину, восемь в ширину, тем не менее имеет удобную для стоянки бухту с достаточными глубинами, что немаловажно при его выгодном расположении на стыке пролива и моря.

— Весьма важно, — отозвался командир. — Путь к Владивостоку через пролив наикратчайший, и полагать, что он свободен,— напрасно тешить себя. Японцы скорее всего не нападают на эскадру, поджидая свои главные силы, а те, возможно, стерегут нас у Цусимы. Бой, я положительно уверен, будет здесь, и кто знает, чем завершится наша встреча...

Он вздохнул.

Долгое молчание нарушил протяжный голос сигнальщика.

— Корабль на правом траверзе, — доложил сигнальный кондуктор, указывая биноклем в сторону острова.

Неподалеку от Цусимы, прикрытый громоздким корпусом транспорта «Анадырь», серым пятном выступил из туманной мглы силуэт крейсера.

— Все он же, «Идзуми»! — буркнул штурман.

Командир внимательно рассматривал двухтрубный силуэт. Неприятельский разведчик увязался за эскадрой с утра и, прячась в тумане, по пятам крался за ней. До него было не дальше сорока пяти кабельтовов. В окулярах бинокля виднелись щупальцы орудийных стволов. Командиру показалось, что они медленно шевелятся.

Ветер тотчас примчал эхо выстрела. За кормой концевого транспорта возник столб зеленовато-бурого дыма. «Идзуми», избрав наиболее безопасную для себя позицию, начал пристрелку по колонне торговых судов.

— До чего же этот купец мешает... — Командир, досадуя, махнул на «Анадырь» и отдал приказ открыть огонь через транспорт.

Длинный ствол баковой шестидюймовки плавно прочертил полукруг и уставился на «Идзуми».

Гул выстрела покатился над морем. Сквозь перекаты замиравшего эхо послышались крики тысяч людей на кораблях крейсерского отряда, охранявшего колонну транспортов: моряки увидели колеблемый ветром малиновый язычок пламени над палубой вражеского разведчика. Снаряд угодил ему в надстройки и вызвал пожар.

Волоча за собой хвост дыма, японский крейсер ретировался в туман.

— Пока отвязался. Надолго ли? — тихо проговорил командир, направляясь в боевую рубку.

Войдя в нее, он взглянул на часы и достал из кармана объемистую записную книжку — личный дневник, куда вносил все, что не годилось для корабельного журнала.

Так было заведено с первого дня похода, в то хмурое октябрьское утро, когда крейсер присоединился к третьему отряду кораблей эскадры адмирала Рожественского. Общение с дневником стало насущной потребностью командира «Авроры» капитана первого ранга Егорьева. Он аккуратно, не пропуская ни одного события, связанного с жизнью эскадры, поверял свои впечатления записной книжке. Много любопытного хранили ее страницы, немало горьких мыслей он высказал в ней, с беспощадной откровенностью записав еще на стоянке у острова Мадагаскар:

«Все вести для нас печальны: констатируется гибель порт-артурского флота и близкая возможность окончательного падения крепости. В возможность успеха нашей эскадры не верится, так как на Востоке почти ничего не осталось от нашего флота. Военные суда наши почти незаметны в огромном числе транспортных судов. В общем, если исключить четыре однотипных броненосца, преобладает удивительная разнотипность. Каждое другое судно составляет положительный уникум, годный для сохранения в музеях в назидание потомству. Однотипные семь миноносцев, которые уже успели износиться в прошлом году в походе в Порт-Артур, ныне, после ремонта Кронштадтского порта, снова пришли в такое состояние, что вряд ли кто из них дойдет до неприятеля... «Урал», «Терек» и «Кубань»... громаднейшие щиты для японских артиллеристов. Попадания в них будут сейчас же видны японцам, так как после

первого произойдет огромнейший пожар... Транспортов масса, и наша эскадра похожа на конвойных большого верблюжьего каравана...» [1]

Одно утешало Егорьева: «Аврора». Он со всей страстью истого моряка привязался к этому кораблю. Правда, верфь растянула постройку на шесть лет, зато корабль удался на славу!..

Увы, не «Аврора» решала исход неминуемого боя с японским флотом.

Перелистывая густо исписанные страницы дневника, Егорьев добрался до записи, которую сделал сегодня утром:

«14 мая. Рассветает рано. Признаки рассвета уже в четыре часа. Немного погодя осмотрели не совсем ясный горизонт; ничего не открыв, продолжаем итти девятиузловым ходом.

Около шести часов утра «Нахимов» доносит, что на горизонте с правой стороны видит неприятельское судно. Через полчаса госпиталь «Кострома», идущий сзади, доносит, что видит четыре неприятельских судна. Итак, японцы напали на наш след сзади и справа и стараются распознать расположение наших судов, но решительного пока еще ничего не предпринимают. В восемь часов утра и с «Авроры» на правом траверзе замечен силуэт двухмачтового двухтрубного японца в расстоянии от нас в девяносто два кабельтова...»

Перед командиром вытянулся сигнальный кондуктор.

— «Донской» доносит,— доложил он: — неприятельские крейсера обходят транспорты.

Егорьев сунул записную книжку обратно в карман и быстро вышел на мостик.

Горизонт несколько прояснился. Вдоль стены тумана скользили вдогонку эскадре японские корабли, по всей вероятности намереваясь вклиниться между строем крейсерского отряда и колонной транспортов.

— Сигнальте контр-адмиралу, — приказал Егорьев, разгадав их маневр: — Прошу разрешения «Авроре» атаковать противника.

---

[1] Дневник Егорьева под названием „Вокруг Старого света в 1904/5 году“ опубликован в журнале „Морской сборник“ № 8 и 9, 1915 г.

Разноцветные флажки гуськом поползли вверх по мачтовым фалам.

— Вдвоем против четырех? — удивился штурман, едва сигнальщик вслух разобрал ответ командующего отрядом:

— «Авроре» и «Олегу» прикрыть транспорты.

Егорьев поспешил вернуться в боевую рубку.

— Право руля! — скомандовал он усатому кондуктору, стиснувшему рожки штурвала.

Красиво развернувшись, «Аврора» легла в кильватер «Олегу».

— Одерживай... Так держать! — отрывисто ронял командир, прислушиваясь к далекому гулу. Уханье и грохот, нарастая, катились над морем с той стороны, где глаз с трудом различал очертания броненосцев. Там уже завязался бой главных сил русской эскадры и японского флота.

— Сорок два кабельтова! — сообщили с дальномерного поста расстояние, разделявшее «Аврору» и неприятельские крейсера.

Егорьев кивнул артиллерийскому офицеру:

— Начали!

Согласно рявкнули шестидюймовки, и зачастили, перебивая одна другую, скорострельные пушки.

Неумолчно вторил «Олег».

Противник отвечал из всех орудий.

Корпус «Авроры» вздрагивал и сотрясался.

Раздирающий треск на миг оглушил всех, кто был в боевой рубке. Рыжие клубы удушливого дыма хлынули в просвет двери.

— Пристрелялись!— прохрипел, задыхаясь, старший штурман и кинулся к двери, чтобы прикрыть ее.— Надо бы отвернуть нам! На правом шкафуте горит!

Штурмана прервал сигнальный кондуктор:

— Неприятель на левом траверзе! Четыре крейсера!

— Итого восемь. Теперь, должно быть, возьмут в два огня, — невозмутимо предположил командир и обернулся к рулевому кондуктору.

Он хотел распорядиться о перемене курса, но не успел.

Снова раздался взрыв и сводящее скулы скрежетание раздираемого металла: снаряд попал в правый

ходовой трап. Обломки поручней и щепы ступенек, взлетев над рубкой, забарабанили в крышу.

В то же мгновение Егорьев, не сгибаясь, рухнул к ногам штурмана. Он был убит наповал. Осколок того самого снаряда, который начисто снес ходовой трап, насквозь пронизал голову командира «Авроры».

...Бой при Цусиме продолжался.

ДВОЕ ПРОТИВ ДЕВЯТИ

...Мачты высокие сбиты,
Броня пробита на нем,
Борются стойко матросы
С морем, с врагом и огнем...

Из песни о «Варяге»

В рамке светового прямоугольника открытой двери виднелась кафельная палуба корабельного лазарета, на ней ряды накрытых простынями тюфяков, забинтованные головы раненых и обожженных матросов; позади них, возле крохотного столика под иллюминатором, примостился на раскладном табурете седой человек в испачканном кровью халате.

Страшные видения пылавших и тонувших кораблей все еще витали перед усталым взором старшего врача Кравченко.

Восемьдесят девять искалеченных человек вповалку лежали неподалеку от него, а десять моряков, и в их числе командир корабля, зашитые в парусину, с привязанными к ногам старыми колосниками, уже обрели вечный покой на дне Корейского пролива, близ острова Цусима.

Внимая протяжным стонам раненых, готовый тотчас притти на помощь тем, кому станет невмоготу, Кравченко наспех записывал в тетрадь:

«...В два часа двадцать минут справа из-за гористого островка Цусима вынырнул надоедливый «Идзуми». По нему открыли огонь «Олег», «Аврора» и «Мономах». «Авроре» сильно помешал «Анадырь», и она смогла выпустить по «Идзуми» только несколько снарядов из шестидюймового носового орудия через «Анадырь»; семидесятипятимиллиметровые орудия должны были

вовсе бездействовать. «Идзуми» отошел в туман на этот раз с пожаром.

В два часа двадцать пять минут на «Донском» подняли сигнал: «Неприятельские крейсера обходят транспорты».

Сзади, с юга, из мглы показался уже виденный отряд из четырех крейсеров. Транспортам грозила участь быть отрезанными. Тотчас же быстроходные «Олег» и «Аврора» вышли вправо и бросились вдвоем на четыре неприятельских судна, с которыми и завязали бой, сблизившись на расстояние сорока двух кабельтовов. Огонь, открытый левым бортом, был перенесен затем на правый. Маневрирование японских крейсеров имело целью отрезать нас от транспортов или отжать в сторону от броненосцев и поставить в два огня. Благодаря быстроходности «Олега» и «Авроры» это японцам первое время не удавалось.

На разные лады жужжали и пели над нашими головами неприятельские снаряды; много их падало под самым носом, между «Авророй» и «Олегом»; затем они принялись ложиться недолетами близ правого борта, один за другим.

В это время с левой стороны из мглы вынырнул второй отряд крейсеров. Откуда-то взялся и «Идзуми», уже справившийся с пожаром.

Нас живо взяли в два огня!

Трах, трах! — ударило несколько снарядов в переднюю часть судна, в передний мостик: все окутал удушливый черный дым. Когда он рассеялся, из разных мест одновременно послышались стоны раненых, крики: «Носилки сюда, скорее носилки!»

Крейсера сблизились с неприятелем уже на двадцать пять кабельтовов. Еще наш снаряд... Еще...

Какой-то крупный снаряд пролетел совсем низко над палубой, кувыркаясь. Еще наш!.. — градом посыпались, застучали осколки.

По всему судну вполголоса передавалась печальная весть: «Командир приказал долго жить». У уцелевшего левого трапа на полубак показались носилки, осторожно спускаемые санитарами. Лицо лежавшего было прикрыто тужуркой... но вот она сползла и открыла мертвенно-бледные черты командира. На голове алела предательская струйка крови... Несколько минут спустя,

сильно прихрамывая, без фуражки, с забинтованной головой, прошел в сопровождении своего ординарца старший офицер крейсера А. К. Небольсин, раненный во время тушения пожара. Он поднялся в боевую рубку и вступил в командование крейсером. Кругом продолжали сыпаться вражеские снаряды. Вот у правого борта, точно от взрыва мины, поднялся огромный столб воды — дрогнула «Аврора»...

Мы вели бой с девятью крейсерами...

В самом начале второго крейсерского боя несколько крупных снарядов, разорвавшихся при падении у правого борта, осколками изрешетили помещение правого перевязочного пункта. Комендоры и прислуга семидесятипятимиллиметрового орудия № 3 были спасены благодаря коечной защите из двойного ряда коек: последние оказались пропоротыми почти насквозь крупными осколками.

В борту у ватерлинии оказалось двенадцать небольших пробоин, через которые верхняя и нижняя ямы носовой кочегарки быстро заполнились водой. Получился крен четыре градуса.

Много вливалось воды через пробоину в три квадратных фута в помещение нижней лебедки. Семидесятипятимиллиметровое орудие № 9, находившееся в кают-компании на правом борту, уже после третьего выстрела вышло из строя, будучи подбито залетевшими осколками; оно так и осталось с углом возвышения, т. е. с дулом, поднятым кверху.

Настоящая разделка «Авроры» началась лишь тогда, когда она попала под первый перекрестный огонь и сблизилась с неприятелем на двадцать четыре кабельтова. Правый борт пострадал гораздо больше левого.

Первый снаряд, ударивший в левый борт, сделал пробоину в восемь квадратных футов, много мелких, изрешетил паровой катер, испортил элеватор для подачи семидесятипятимиллиметровых снарядов, вследствие чего с самого начала боя у ближайших орудий пришлось прибегнуть к ручной подаче, далеко не такой быстрой. Сотрясением воздуха свалило с ног всех, но, несмотря на массу осколков, ни один человек не был ранен.

Следующий снаряд семидесятипятимиллиметрового калибра пробил правый борт и, не разорвавшись, упал в

батарейной палубе у орудия № 7, откуда и был тотчас же выброшен за борт комендором Кривоносовым. Почти тотчас же рядом разорвался более крупный восьмидюймовый фугасный снаряд, нанесший много бед. Удар, пришедшийся как раз в стык верхней палубы, заставил содрогнуться весь крейсер: замолкли орудия № 21 и № 7 — одно в батарейной, другое на верхней палубе; в борту зияла пробоина в двадцать квадратных футов. Наверху, у орудия № 21, тяжело ранило четырех... А в батарейной палубе, у орудия № 7, переживались в это время тяжкие минуты. Взрывом разбросало патроны, вспыхнул пожар. Одна горящая пачка патронов была сброшена в патронный погреб. Каждую секунду мог последовать взрыв. Каким-то чудом с пылавшей пачкой успели справиться находившиеся в погребе люди...

Когда шестидюймовый фугасный снаряд разорвался у правого входного трапа на полубак, последний весь окутался черным, нестерпимо удушливым дымом... Но дым пронесло. Вся прислуга орудия была разбросана. Переранены были все. Выброшенный из патронов бездымный порох, раскинутый по всему полубаку, вспыхивал то там, то здесь желтыми огоньками. Орудие получило хорошие зазубрины на память, но из строя выведено не было. Тяжело раненный комендор Зиндеев отказался итти на перевязочный пункт.

Около трех часов один за другим разорвались два крупных фугасных снаряда (шестидюймового калибра) над правым бортом позади переднего мостика. Осколки, отразившись по всем направлениям, частью пронизали палубу над центральным и правым перевязочными пунктами, частью застряли в командирской походной рубке, забитой углем, в сетке переднего мостика, забитой втугую смоченным брезентом, разрушили коечные траверзы, погнули чугунные колосники, обратили в щепы баркас.

Принесенные шестидюймовые патроны раскидало, вышибло из них бездымный порох, который загорелся вспышками. Пылали ростры, коечные траверзы, остатки баркаса... Отовсюду бежали с помпами, шлангами моряки трюмно-пожарного дивизиона. Снова разорвался снаряд, и дождем посыпались мелкие раскаленные осколки...

Восьмидюймовый снаряд, разорвавшийся в воде близ самого борта, перебил правый якорный канат, своротил клюз, сделал у ватерлинии две пробоины по два квадратных фута; все отделение носового минного аппарата тотчас же заполнилось водой. Двери пришлось задраить наглухо. Железные переборки выдержали и не дали воде распространиться дальше.

Следующий снаряд восьмидюймового калибра, разорвавшийся в полубаке, как раз над центральным перевязочным пунктом, несмотря на массу произведенных разрушений, ранил тяжело только одного. Этот снаряд пронизал весь крейсер насквозь, сделав в правом борту пробоину в двенадцать квадратных футов, а по дороге десять пробоин по полтора квадратных фута, развернув при этом железные переборки до неузнаваемости. Тяжело раненный матрос Устинов был высоко подброшен волною воздуха.

Легкие поранения перевязывались из индивидуальных пакетов, находившихся в жестяных ящиках с красным крестом, расставленных всюду по палубам на видных и заранее указанных команде местах. Пожары удачно тушились.

Единственный дальномер был испорчен почти в самом начале боя: его длинная труба беспомощно вертелась вокруг оси в разные стороны на марсе. Во многих местах была перебита и проводниковая передача, перестали действовать электрические приборы (циферблаты Гейслера), кое-где были сбиты прицельные оптические приборы.

Все трубы крейсера были изрешечены, пробоин от мелких осколков нельзя было сосчитать. Передняя труба держалась чудом: в нее попали два больших снаряда, сделавших две пробоины по сорок пять квадратных футов; средняя труба имела пробоину в двадцать четыре квадратных фута. Повреждение труб сразу уменьшило тягу и сильно увеличило расход угля.

Один из снарядов, ударившись в стеньгу фокмачты, сбил ее; над полубаком пронеслись, крутясь и извиваясь, словно змеи, концы оборванных стальных штагов; ранило несколько человек, в том числе упрямого Дмитриенко, отказавшегося итти на перевязочный пункт. Сбитая стеньга, повиснув вертикально, грозно раскачивалась из стороны в сторону — вот-вот сорвется... В самом конце

боя снаряд, прилетевший с левой стороны, снес стену за правый борт...

Дневной бой близился к концу.

До сих пор попадания приходились главным образом на переднюю и среднюю часть судна. Но небольшой семидесятипятимиллиметровый снарядик, прилетевший с левого борта и разорвавшийся в корме, натворил много бед. Разорвавшись о тумбу тридцатисемимиллиметрового орудия, находившегося на заднем мостике, он снес орудие за борт, пустил веером в разные стороны осколки, взорвал ящик с патронами, перебил много народу и произвел пожар.

Уже загорелся и грозил взорваться другой ящик с патронами. Тяжело раненный в ноги и руки Борисов ползком добрался до него и вытолкнул за борт. Перед тем Борисов стоял часовым под флагом. Его ранило, а винтовку вырвало из рук и превратило в нечто неузнаваемое: от деревянных частей винтовки остались только жалкие щепы, а дуло, замок были частью пробиты, частью изогнуты спирально, дугообразно, так что ружье и узнать было нельзя.

Стоявший рядом с Борисовым на заднем мостике дальномерщик Храбров отделался удивительно счастливо. Воздушная волна сбросила было его за правый борт. Судорожным движением он ухватился по дороге за какой-то штаг и висел уже за бортом. Обратный размах судна вследствие качки заставил его, уже обессилевшего, отклониться в другую сторону и упасть не в воду, а на палубу.

Сигнальщик Мекерин, увидав, что сигнальный флаг заело, полез очищать его на правый нок фока-реи и с четверть часа возился там, расправляя фалы, пока не спустил сигнала. В это время был сильный огонь, кругом рвались снаряды; не только сотрясением воздуха, но и проносившимися над головой обрывками стальных штагов могло каждую минуту снести смельчака за борт. Между тем Мекерин проделывал все, будучи незадолго перед этим изранен на переднем мостике мелкими осколками.

В то время как строевая команда ночью после боя могла на несколько часов забыться тяжелым сном, нестроевая, т. е. машинисты и кочегары, бессменно до утра продолжала свою работу.

Команда, находившаяся в машине, помещавшейся ниже уровня воды, была защищена сверху задраенной наглухо броневой палубой, а по бокам угольными ямами со слоем угля сажени в две вышиной. Здесь, в кочегарках, машинах, кипела работа. Об опасности некогда было думать: надо было моментально исполнять приказания, которые через каждые две-три минуты передавались из боевой рубки. Глухо доносились выстрелы. Часто были слышны удары в борт от снарядов и осколков, последние давали впечатление рассыпавшейся дроби.

Собственно в машину попаданий не было. В носовую кочегарку было. Помещение ее наполнилось удушливыми газами. Два кочегара, Герасимов и Егорченко, находившиеся ближе других (к месту взрыва), полузадохлись и упали в обморок. Осколки содрали обшивку одной паровой трубы и повредили самую трубу. Если бы они ударились чуть сильнее, труба разорвалась бы и все люди сварились.

После крупных пробоин в передней и средней трубах тяга сильно упала, и уже нельзя было держать пар так хорошо, как раньше.

Вода, затопившая через двенадцать небольших пробоин у ватерлинии правые верхнюю и нижнюю угольные ямы, дала четыре градуса крену. Этот крен вызвал у команды, находившейся в машинах, весьма неприятное ощущение. Разобщенные с внешним миром, люди не знали, в чем дело, где пробоины, насколько опасны они. При поворотах крейсера крен резко увеличивался, и моряки должны были невольно схватываться за поручни, чтобы не попасть в машину под быстро и со страшной силой вращавшиеся мотыли, эксцентрики, думая в то же время о том, не перевертывается ли судно. Строились разные предположения, но никто не думал покидать свой пост и выбегать наверх узнавать, в чем дело.

Воду из угольных ям приходилось выкачивать беспрерывно. Впоследствии, чтобы уравнять крен, пришлось затопить две угольные ямы на левом борту.

Страшно томила жажда.

На каждую машину было заготовлено по десять ведер, но вода скоро сделалась горячей и противной на вкус. На жару, однако, жалоб не было слышно. Тропики

приучили нас и не к такой температуре. Энергично действовавшие простые и электрические вентиляторы нагнетали какую-то отравленную гадость, удушливые газы; временами их примесь резко усиливалась, тогда все чувствовали тошноту, сладкий вкус во рту и какую-то странную слабость. Тем не менее, по общему отзыву инженер-механиков, команда работала поразительно спокойно, ловко, умело. Не было даже обычных повреждений при спешке по неосторожности — отрывов пальцев и т. п. Машины работали без отказа, давая все, что они должны были дать...

Работавшая на боевой вахте без смены с двенадцати часов дня до двенадцати часов ночи команда сильно переутомилась. Люди чуть не валились с ног. Но были и такие, которые простояли и двадцать восемь часов.

Вот, например, образец скромной, не бьющей в глаза деятельности этих тружеников: машинист Богаевский должен был при беспрерывных переменах ходов то открывать, то закрывать главный детандер. На индикаторной площадке была адская жара от цилиндра высокого давления. Всякий раз, слезая оттуда, Богаевский прямо метался от жары вперед и назад и совал свою голову под струю холодного воздуха из вентиляционной трубы. Через минуту-две приходилось опять лезть к детандеру. Когда же Богаевскому предложили подсмениться, он отказался.

Да будут же помянуты хотя одним добрым словом эти незаметные герои, исполнявшие свой скромный долг.

Бой окончился...»

Сновали матросы, очищая корабль от обломков, восстанавливая ходовые трапы, заделывая пробоины в бортах и в дымовых трубах, расправляя исковерканные и смятые стальные листы, смывая кровь на изрытой осколками верхней палубе.

Почерненные пороховым дымом лохмотья флага, изодранного осколками снарядов, реяли по ветру под гафелем.

...Прорвав огненное кольцо неприятельских крейсеров, «Аврора» уходила обратным курсом — на юг, к Филиппинским островам, туда, где морякам предстояло узнать обо всем, и прежде всего страшную правду о судьбе эскадры.

НА РЕЙДЕ МАНИЛЫ

...Ни слова в ответ не промолвил,
Лишь к небу он поднял глаза:
Была в них великая клятва
И будущей мести гроза...

Из песни времен русско-японской войны

Нескончаемо тянулась первая неделя стоянки трех крейсеров на рейде Манилы, начатая унизительной процедурой интернирования.

Едва «Аврора», «Олег» и «Жемчуг» — все, что осталось от второй и третьей эскадр,— отдали якоря в штилевом Манильском заливе, на борт кораблей поднялись представители американских властей на Филиппинских островах. Американцы предложили разоружить суда и воздержаться от посещения берега. Впрочем, запрет касался лишь нижних чинов и вполне соответствовал намерениям командующего крейсерским отрядом контр-адмирала Энквиста: возможно дольше скрывать от личного состава правду об исходе боя у Цусимы, подобно тому, как было скрыто от матросов известие о кровавом побоище девятого января на Дворцовой площади в Петербурге, где три тысячи безоружных людей были расстреляны, изрублены, растоптаны, искалечены за то, что посмели «докучать» царю жалобой на голодную жизнь. Только офицеры знали истину: царский флот на Тихом океане перестал существовать. Тринадцать боевых кораблей были потоплены вместе с командами, четыре сдались в плен. Шесть тысяч человек погибли в течение двух дней в мутных водах Желтого моря и Корейского пролива.

Контр-адмирал Энквист делал все, чтобы держать экипаж крейсерского отряда в неведении о событиях, происходивших за пределами трех русских кораблей. Офицерам было вменено в обязанность не допускать общения матросов даже с манильскими торговцами, доставлявшими на суда провизию и фрукты. За предосторожностями, которые ежедневно с большой изобретательностью принимал командующий, и официальным нежеланием расстраивать людей пересудами о трагической участи второй и третьей эскадр таилось иное. Энквист опасался проникновения в кубрики вестей о событиях в России. Весь мир, кроме нижних чинов

«Авроры», «Олега» и «Жемчуга», был осведомлен о том, чем жила и болела с первых дней 1905 года необъятная Российская империя; о позорном итоге боя при Цусиме и не менее позорном поражении царской армии под Мукденом, о массовых стачках на заводах, о крестьянских восстаниях, особенно потрясавших страну после авантюры самодержавия и кровавой бойни, учиненной у Зимнего дворца.

Каждое утро, когда команда флагманского крейсера выстраивалась на верхней палубе при обычной церемонии подъема флага, контр-адмирал тревожно всматривался в угрюмые лица матросов. Сотни глаз отвечали Энквисту одним и тем же вопросом. Люди догадывались о судьбе эскадры. Их угнетала тоска по родным местам, нудная стоянка на пустынном рейде вдали от берегов, а главное — томило незнание истины. Спросить о ней было некого. Офицеры отговаривались отсутствием сведений.

И все же, несмотря на заговор молчания, правда проникла в жилые палубы. Энквист просчитался: он не учел того, что режим военного госпиталя на берегу, куда были свезены раненые в бою, несколько отличался от тюремного режима царского флота и что матросы непременно найдут общий язык с обслуживающим госпиталь персоналом. Так и получилось.

Первым, на исходе седьмых суток стоянки «Авроры» на рейде Манилы, выписался из госпиталя сигнальщик Мекерин. Он возвратился на корабль под вечер, когда уже замолк гул молотков, и матросы, прекратив по сигналу боцманов ремонтные работы, пошабашили до следующего дня.

Мекерина обступили, справляясь о здоровье, расспрашивая о Маниле.

Сигнальщик охотно отвечал.

— А про наших, может, что слышал? — поинтересовались в кубрике.

Мекерин с изумлением посмотрел на товарищей и вполголоса протянул:

— Неужто до этой поры офицеры не говорят?! Громадная беда стряслась, братцы. Продали нас адмиралы Рожественский и Небогатов. Сами в плен посдавались, а эскадру почти всю погубили. Тысяч шесть нашего народу потоплено.

Матросы медленно сняли бескозырки.

— Сказывали в госпитале про другое, что в газетах писалось, — еще тише продолжал сигнальщик. — Будто мастеровые в Петербурге к самому царю ходили прошение подавать, чтоб жизнь облегчил... Придвигайтесь, братцы, поближе...

Он быстро зашептал:

— Облегчил их царь... Без разбору: старых и малых порубали да постреляли под окнами у него... Нынче по всей России-матушке народ взбунтовался... барскую землю делит...

...А в это время на другом конце земного шара Владимир Ильич Ленин писал в статье, посвященной разгрому у Цусимы:

«Самодержавие именно по-авантюристски бросило народ в нелепую и позорную войну. Оно стоит теперь перед заслуженным концом. Война вскрыла все его язвы, обнаружила всю его гнилость, показала полную разъединенность его с народом, разбила единственные опоры цезарьянского господства. Война оказалась грозным судом. Народ уже произнес свой приговор... Революция приведет этот приговор в исполнение».

ВАЖНЕЙШИЕ ДАТЫ БИОГРАФИИ КОРАБЛЯ

1906 год, февраль—август Позорный для царизма итог русско-японской войны значительно убыстрил рост революционных настроений в стране, в армии, на флоте, в частности, среди моряков «Авроры».

Весть о разгроме, постигшем флот, глубоко всколыхнула всю страну от Тихого океана до Черного моря. Сокрушительный удар, нанесенный царскому самодержавию в Корейском проливе, вскоре отозвался грозным эхом восстаний на броненосце «Потемкин», на крейсерах «Память Азова» и «Очаков», на канонерке «Донец» и других судах русского флота.

Немногие корабли эскадры Рожественского, и в числе их «Аврора», вернулись на Балтику после вынужденной — до подписания мирного договора — стоянки на рейде Манилы. Участники сражения в Корейском проливе были списаны на другие корабли, в береговые экипажи, либо демобилизованы. Так распорядился морской министр в ответ на рапорт-телеграмму из Шербурга командира крейсера капитана 2-го ранга Барщ, извещавшего о революционных настроениях команды.

В телеграмме командира «Авроры» сообщалось:

«Получены сведения от французской сыскной полиции: команда русских военных кораблей в Алжире и Шербурге закупила большое число револьверов. Так как обыски на корабле не дают результатов, желательно внезапно осмотреть вещи команды при отправлении ее в экипажи в Либаве».

Подробности обыска неизвестны, однако весь рядовой состав был списан с «Авроры». Напуганное восстанием

на броненосце «Потемкин», царское правительство демобилизовало участников Цусимского похода. Моряки расстались с «Авророй» у причалов верфи Нового Адмиралтейства, где крейсер залечивал раны, полученные в неравном бою у Цусимы.

1907 год, сентябрь

Документы свидетельствуют, что меры, принятые царским правительством к искоренению революционных настроений на флоте, привели к обратным результатам. Новобранцы, пришедшие на крейсер взамен списанных участников Цусимского похода, оказались далеко не благонадежными слугами царизма.

Помощник командира Балтийского флотского экипажа извещал командира «Авроры», что матрос крейсера Сергей Мороз участвовал в стачке на станции Тихорецкая в декабре 1905 года.

Ростовский уездный воинский начальник предупреждал, что зачисленный в состав экипажа «Авроры» крестьянин Михаил Ковалев поддерживал знакомство с членами ростовской группы РСДРП.

1908 год, 11 сентября

В этот день в большевистской газете «Пролетарий» было напечатано письмо группы матросов крейсера «Аврора», бежавших за границу. В письме матросы объяснили причину своего бегства.

«Мы, бывшие нижние чины флота, службу свою несли на крейсере 1-го ранга «Аврора», а в настоящее время находимся за пределами России.

Причины этому следующие:

На судне «Аврора» находятся следующие начальствующие лица: командир судна капитан 1-го ранга барон Фрейзен, старший офицер капитан 2-го ранга Бутаков, лейтенант Эйман, ревизор лейтенант Федосеев, старший врач Гапон, младший механик подпоручик Александров. При вышеупомянутом составе офицеров мы, нижние чины, не могли перенести того издевательства, что мы претерпели от этих «благородных» воинов, которые позволяют себе над нами всякого рода издевательства... Может быть, для кого-нибудь телесное наказание отменено, но для г. Бутакова оно существует. Тащит нижнего чина в свою каюту... и там делает, что ему угодно. Натешившись над ним вдоволь, делает ему строгий наказ: если ты скажешь слово, я тебя загоню

туда, куда Макар телят не гонял. По выходе из каюты у матроса изменяется лицо до неузнаваемости, так как по нему гуляли благородные кулаки начальника. После такого испытания в голову приходят такие мысли: дальше служить или руки на себя наложить?.. Эти-то «патриоты» заставили нас покинуть свою дорогую родину и скрываться за пределами России в числе более 20 человек. Просим прощения перед своей дорогой родиной! Мы делаем это сознательно, спасая свою жизнь, иначе у нас не было никакого выхода; служить своей родине мы были не в силах, так как нас давили цепи. Дальше всего этого мы не могли перенести...

Долг службы перед своей дорогой родиной мы с человеческим достоинством выполним во всякое время. Еще раз просим прощения перед своей дорогой родиной и просим всех своих соотечественников наложить клеймо на этих опричников. Губят они наши рабочие молодые силы, но и свою «патриотическую» шкуру не спасут. Больное место уже назревает, в скором времени прорвется. Может быть, придется возвратиться на родину, то только для мщения.

Шлем братский привет дорогой нашей родине».

Этим письмом, напечатанным в газете «Пролетарий», была впервые установлена связь моряков «Авроры» с большевиками. Год от году она крепла.

1909 год, сентябрь

После двух лет, проведенных на Балтике, в отряде Морского корпуса, «Аврора» вместе с крейсерами «Богатырь», «Олег» и «Диана» уходит в дальнее практическое плавание по Средиземному морю и Атлантическому океану.

1911 год, март

Совершая второй учебный поход с корабельными гардемаринами и учениками школы строевых старшин, крейсер по приглашению итальянского правительства посетил гавань города Мессины на острове Сицилия. Морякам «Авроры» в торжественной обстановке были вручены золотые медали для передачи русским кораблям, которые три года тому назад, в день катастрофического землетрясения, потрясшего Сицилию, самоотверженно оказали помощь жителям города Мессины, разрушенного почти полностью. Ночью, спустя несколько часов после вручения медалей, в городе вспыхнул большой пожар. Ветер гнал

пламя на вновь отстроенные кварталы. Едва в гавани заметили огонь, почти вся команда «Авроры», кроме вахтенных, была послана на берег и поспешила к месту пожара. Моряки находившихся в порту итальянских военных кораблей прибыли в город, когда русские матросы уже локализовали пожар.

Наутро газеты Мессины посвятили команде «Авроры» восторженные статьи. Перед уходом корабля в гавани собралось почти все население города. Жители Мессины горячо благодарили русских моряков за бескорыстную помощь.

1911 год, июль

Командир «Авроры» в отчете о состоянии корабля доносит командующему флотом, что беспокойство вызывает почти вся команда, так как «большинство нижних чинов — из рабочих, а не землепашцы».

1911 год, 5 сентября

За несколько часов до ухода «Авроры» в третье практическое заграничное плавание командир крейсера списал с корабля несколько матросов. Причина списания выяснилась на суде по делу «О военно-революционных организациях среди нижних чинов команд учебного судна «Двина», линейного корабля «Слава», крейсера «Аврора» и др.».

Вот что было сказано в обвинительном акте:

«5-го сентября 1911 года командиром крейсера «Аврора», перед уходом этого крейсера в заграничное плавание, были списаны на берег, как уже сказано выше, машинист Максим Кириллов и матрос Александр Егоров, причем капитан 1 ранга Лесков, на запрос Главного Морского Штаба о причинах списания Кириллова, донес секретно 28 того же сентября за № 22 из Неаполя, что «еще в прошлом заграничном плавании у машиниста М. Кириллова была найдена брошюра революционного содержания», после чего за ним был установлен надзор, который выяснил, что «Кириллов имеет склонность заводить разговоры с отдельными членами команды на революционные темы...» Впоследствии секретною надписью от 13 марта 1912 года за № 14 капитан 1 ранга Лесков сообщил, что Кириллов[1] перед списанием его на берег, желая остаться на корабле, обратился к священ-

[1] Дальнейшая судьба машиниста М. Кириллова, уличенного рапортом командира „Авроры" Лескова в провокаторских действиях, осталась неизвестной.

нику с просьбой походатайствовать за него, обещая в свою очередь доносить обо всем, что будет происходить в команде, и между прочим сказал, что самые неблагонадежные в политическом отношении матросы на крейсере, это: кочегар 1 ст. Жиленков и матрос Александр Егоров.

Осмотром вещей Жиленкова, присланных с крейсера «Аврора» из-за границы, и вещей Петровского обнаружены: у Жиленкова — а) пустой конверт с адресом на его имя из Тулона, с датою 2-10-10 и б) письмо из Парижа на его имя на крейсер «Аврора» от 10 ноября 1911 г., начинающееся словами: «Здравствуй, приятель...» и далее: «пиши попрежнему в Англию», за подписью «твой Павел Петров». У Петровского — а) брошюра, содержащая в себе биографические сведения об Ирине Каховской, Женевское издание 1910 г., б) стихотворение, начинающееся словами: «Кто кормит всех и поит» и т. д. и в) пустой конверт розового цвета с написанным на нем адресом на имя Осипа Петровского.

Кроме того, обыском в вещах матроса запаса флота Тихона Николаева, служившего ранее на крейсере «Аврора» и проживавшего затем на своей родине в деревне Ашвидовой, были обнаружены — а) листок с стихотворением «Каменщик», размеченным для шифра, за подписью «Богодуховский» и б) брошюра «Николай Палкин» гр. Л. Н. Толстого, Берлинское издание 1900 года...»

В обвинительном акте особо подчеркивалось существование революционного кружка среди матросов «Авроры».

«...Запасной матрос Тихон Николаев показал, что в ноябре 1910 года он состоял на крейсере «Аврора» учеником строевых старшин, что среди матросов «Авроры» образовался кружок... Цель этого кружка — подготовить матросов к вооруженному восстанию...»

Суду были преданы пятьдесят девять человек. Моряки обвинялись в том, что, находясь в 1910 и 1911 годах в составе команд учебных судов «Двина», «Николаев» и «Адмирал Корнилов», линейных кораблей «Слава», «Цесаревич» и «Андрей Первозванный», крейсеров «Аврора» и «Рюрик», они вступили в сообщество, образовавшееся на учебном судне «Двина», линейном корабле «Слава» и

крейсере «Аврора», «стремившееся к насильственному посягательству на изменение в России существующего государственного строя, причем в качестве членов этого сообщества хранили и распространяли преступную литературу и участвовали в тайных собраниях, где обсуждали вопросы о восстании. Начало восстания намечалось на 1912 или 1913 год. План восстания состоял в том, чтобы овладеть судами, затем захватить Кронштадт и Петербург и заменить правительственную власть своими выборными... Обвиняемые показали: «Дело вооруженного восстания в Балтийском флоте поставлено так прочно, что оно подобно стоглавой гидре, у которой если отрубить одну голову, то вместо нее вырастет другая», ибо «пропаганда во флоте покоится не на отдельных организациях, которые можно выхватить и покончить с ними, а на общем недовольстве...»

Царский суд свирепо расправился с моряками.

1912 год, март

«Аврора» — в третьем заграничном походе после Цусимы. Посетив гавань столицы Таи (Сиама) — Бангкок, крейсер на обратном пути в Европу зашел в Батавию на острове Ява и дважды пересек экватор.

1914 год, декабрь

Пятый месяц «Аврора» — на передовых позициях Балтийского морского театра. Морякам крейсера поручено исследовать шхерный проход из Финского залива в Ботнический. Это — очень ответственное задание, выполнение которого связано с большим риском. Малейшая оплошность может привести к тому, что корабль окажется на камнях. Пробираясь в непроходимых, на первый взгляд, водных коридорах, кружа в бесконечном лабиринте шхер, иногда разворачиваясь буквально на месте, «Аврора» с помощью опытного лоцмана первой прошла не изученным до тех пор шхерным фарватером, соединяющим оба залива. Риск оправдан: найден новый путь для флота, защищенный естественной преградой от нападения неприятельских подводных лодок.

1915 год, ноябрь—декабрь

Большевистские традиции моряков крейсера «Аврора» были закреплены в годы первой мировой империалистической войны. В самый разгар ее, к зиме 1915 года, почти во всех частях и на многих кораблях Балтийского флота, базировавшихся на Кронштадт, Гельсингфорс и Ревель,

в том числе на крейсерах «Аврора», «Диана», «Россия», «Рюрик», существовали революционные кружки, группы, а в ряде мест низовые коллективы, созданные большевиками. Один из руководителей флотских большевиков, И. Д. Сладков, разработал и составил шифр для связи с кораблями. Каждый корабль имел условное название: например, «Аврора» — «Аня», «Рюрик» — «Антон», «Россия» — «Родион», «Диана» — «Даша» и т. п.

1916 год, август—сентябрь Революционное движение среди моряков Балтийского флота все более выливалось в правильные организационные формы — подпольных коллективов, которыми руководили большевики. В августе — сентябре 1912 г. В. И. Ленин писал А. М. Горькому из Кракова: «...А в Балтийском флоте кипит! У меня был в Париже (между нами) специальный делегат, посланный собранием матросов и социал-демократов. Организации нет,— просто плакать хочется!! Ежели есть у Вас офицерские связи, надо все усилия употребить, чтобы что-либо наладить. Настроение у матросов боевое, но могут опять все зря погибнуть». Спустя 4 года, в августе 1916 г., большевистская организация существовала почти на всех кораблях Балтийского флота.

«В Кронштадте большевиками был создан «Главный коллектив кронштадтской военной организации», который находился в тесной связи с Петроградским комитетом партии... В августе 1916 года начальник петроградской охранки доносил, что в «Кронштадтском коллективе дело поставлено очень серьезно, конспиративно, и участники — все молчаливые и осторожные люди. Коллектив этот имеет представителей и на берегу» («История ВКП(б). Краткий курс», стр. 165).

Выполняя указания Петроградского комитета большевиков, «Главный Кронштадтский коллектив» выпустил несколько листовок-прокламаций, обращенных к морякам. В одной из них говорилось:

«Товарищи! Мы плоть от плоти и кость от кости народной.

Наше место с народом, в его рядах. Никакие силы не могут нас одолеть. Сметая всех насильников и угнетателей, мы проложим дорогу к вечному миру и свободе. Так дружно, товарищи, за дело! Долой преступную войну! Долой монархию! Да здравствует вторая русская революция!..»

Одновременно с «Главным Кронштадтским коллективом» существовал и так называемый «Руководящий судовой коллектив», который занимался революционной работой непосредственно на кораблях и который возглавляли известные всему флоту большевики И. Д. Сладков и Т. И. Ульянцев.

Несмотря на массовые аресты, произведенные охранкой в августе—сентябре 1916 года, оба коллектива не прекратили своей деятельности. День ото дня они готовили массу моряков к вооруженному восстанию против царизма.

1916 год, ноябрь

Два года крейсер провел в дозоре на передовых позициях. Котлы корабля сдали, механизмы нуждались в капитальном ремонте: сказались почти непрерывные плавания. Количество миль, пройденное крейсером за двенадцать лет после Цусимы, равно расстоянию двойного похода вокруг света.

В середине ноября «Аврора» вошла в устье Невы и ошвартовалась у причала Франко-Русского судостроительного завода (ныне завод им. Марти). Там моряки узнали обо всем, что тщательно скрывали от них командир крейсера Никольский, старший офицер Огранович и ротные командиры.

...Неудачи на фронте не прекращались, хозяйственная разруха продолжала нарастать... Почти прекратился подвоз продовольствия в Петроград и Москву... Предприятия закрывались, росла безработица. Положение рабочих стало невыносимым. «Все более широкие массы народа приходили к убеждению, что выход из невыносимого положения только один — свержение царского самодержавия» («История ВКП(б). Краткий курс», стр. 168).

Всего за несколько часов до подхода крейсера к заводскому причалу 130 тысяч петроградских рабочих, по призыву Петроградского Комитета РСДРП (большевиков), объявили забастовку в знак протеста против предстоящего суда над арестованными матросами — членами Кронштадтской большевистской организации. Это было наглядным свидетельством единства стремлений моряков и рабочих, руководимых большевиками. Влияние этого факта на авроровцев несомненно, как и предоставленная приходом на ремонт в Петроград возможность узнать о положении в стране.

Моряки «Авроры» неожиданно для себя попали в самую гущу событий, происходивших в стране.

1917 год, февраль

Страна бурлила... Одна за другой вспыхивали забастовки на фабриках и заводах. К исходу февраля забастовки в Петрограде слились в единую всеобщую стачку против царизма и войны. Рабочие Франко-Русского завода присоединились к стачке.

Тогда и произошло то, что круто изменило судьбу всех моряков крейсера.

Повседневное общение с петроградскими рабочими способствовало росту революционных настроений команды и окончательно убедило моряков в правоте всего, о чем говорили большевики: и о положении в стране, и о неразрывной связи моряков с народом, о верности их ему, о единстве интересов моряков и рабочих. Жандармские сводки указывали, что «Аврора» поддерживает связь со всеми судами Балтийского флота и является центром революционной подготовки.

Моряки «Авроры», как и весь народ, были готовы к вооруженному выступлению против царизма.

ВЕЛИКИЙ ПОЧИН

У ПРОХОДНОЙ БУДКИ

...Этажи
уже
заёжились, дрожа,
клич подвалов
поднимается по этажам...
В. Маяковский

Мрачен февраль 1917 года в Петрограде. Короткий ненастный день меркнет, не успев разгореться. Сырая мгла, сгущаясь, всю ночь обволакивает верхние этажи города, ползет под горбатыми мостами замерзших каналов, по широким просекам вымерших проспектов, стелется на скользком граните набережных Невы, Мойки, Фонтанки. Утро вроде вечерних сумерек. Уныло блестят мокрые стекла зданий. Ни единого огонька в окнах и уличных фонарях. Всюду безлюдно и тихо. Изредка промчится, громыхая, пустой трамвай, задребезжат в трубах водостоков подточенные сыростью куски льда, упадет с карниза на тротуар сосулька, рассыплется тысячью брызг-иголок, захрустят они под ногами прохожего,— и опять тишина, такая необычная в рабочих кварталах у Московской и Нарвской застав, на Выборгской стороне и на окраинах Коломенского района, возле торгового порта.

Питер бастует.

У проходной будки Франко-Русского судостроительного и судоремонтного завода жмутся к створкам ворот озябшие люди: делегаты бастующих рабочих Коломенского района. Они посланы к морякам крейсера «Аврора», ошвартованного у причала заводской гавани.

*

Двое из них — степенные, седоусые — вполголоса препираются с давнишним знакомым — сторожем Игнатычем. Сторож уговаривает делегатов разойтись по домам. Пока не поздно. Иначе попадутся на глаза караульному офицеру. Тот упрашивать не станет: арестует, вот и кончен разговор. Все равно никак не попасть на корабль. Дорога к нему через заводской двор, а завод с вечера охраняется сводным батальоном пехоты Семеновского и Кексгольмского полков. Батальон подчинен командиру крейсера Никольскому.

Третий делегат — в солдатской шинели без хлястика, фронтовик, демобилизованный по инвалидности, — прильнул к щели между створками.

В щель видны бугры лежалого снега на захламленном дворе, грязные корпуса цехов, скованная льдом квадратная гавань, над ней серая глыба, увенчанная тремя огромными — выше заводских крыш — трубами: крейсер «Аврора». Возле сходни, спущенной с корабля на причальную стенку, неподвижно стоит вахтенный. Поминутно заслоняя его, мимо щели шагает солдат с винтовкой на плече.

— Ходют, топчутся... — ворчит человек в шинели. — А флотских не видать. Эх, кабы подсобили они...

— Эх, кабы, — отзывается сторож. — Флотских нынче с корабля ни-ни. И в цех не пускают. Командир запретил.

— Не надеется, значит, на матросов, — догадывается один из седоусых делегатов.

— Потому семеновцев и затребовали, — добавляет второй. — Верные слуги царевы. В пятом году Москву кровью залили, а теперь до нас добираются.

— Может и так, — соглашается сторож, — а только слыхал я от солдат, будто, кого арестуют, всех велено на крейсер вести, в карцер. Вот и говорю по-хорошему: уносите ноги.

Делегаты хмурятся.

— Пустое болтаешь, Игнатыч, — говорит человек в шинели. — Не пойдут флотские против народа. Наша жизнь собачья, а их и вовсе... Беседовали мы с ихними машинистами в цеху. Люди на манер новорожденных: ничего не знали, по морю плавая. Господа правду-то хоронили, а теперь у матросов глаза открыты. Сами видят: довоевались — и жрать нечего!

Толчок в спину прерывает человека в шинели.

Скрипят створки ворот, пропуская дежурного пехотного офицера в форме гвардии Семеновского полка. За офицером, держа ружья наизготовку, появляются солдаты.

— Агитируешь, любезный? — ехидничает офицер. — Взять!.. И этих!

Он указывает на седоусых рабочих.

Окружив делегатов, солдаты уводят их на заводской двор.

Скрипя, сходятся наглухо створки ворот.

В туманной мгле одиноко чернеет фигура сторожа у проходной будки.

Тишина...

СОВЕЩАНИЕ В ТУННЕЛЕ

...Вчера — четыре,
сегодня — четыреста.
Таимся,
а завтра
в открытую встанем,
и эти
четыреста
в тысячи вырастут...

В. Маяковский

Дверь, соединяющая машинное отделение с коридором гребного вала, приотворена. Возле нее, настороженно вслушиваясь в тишину, стоит человек в промасленной блузе. Он держит перед собой обточенную деталь и, не глядя, водит по ней куском ветоши. Взгляд человека устремлен вверх, к паутине трапов, к выходу из машинного отделения на среднюю палубу.

Переносные электрические люстры, свисая с трапов, слабо озаряют разобранную машину. Всюду беспорядок и грязь, так не свойственные военному кораблю, веет холодом металла, громоздятся бесформенные тени.

«Аврора» — на капитальном ремонте. На исходе февраль 1917 года. Четвертый месяц обмерзшие тросы держат корабль у стенки. Извиваясь, тянутся через заводской двор в жилые палубы электрические кабели: ток подается с берега, судовая динамомашина бездействует. Разворочены главные машины и вспомогательные меха-

низмы, погашены огни в топках; оставлен в действии лишь котел, питающий живительным теплом трубы парового отопления. Непригляден и внешний вид крейсера. Краска на бортах облупилась; кое-где на месте снятых для замены листов зияют квадратные дыры; на реях и марсовой площадке выделяются полоски почернелого снега. Верхняя палуба грязна, будто после угольной погрузки. С утра до сумерек дымят на ней, насланвая копоть, кузнечные горны; на беседках, спущенных за борт, копошатся, дробно сверлят корпус и вколачивают в него заклепки заводские котельщики; снуют по крутым трапам судовые машинисты, кочегары, слесари. Не отличить друг от друга, похожи, как близнецы: вчерашние мастеровые, ныне матросы машинной команды крейсера «Аврора», и рабочие механического цеха Франко-Русского завода.

Привычной за три месяца ремонта суетой живет корабль. И вдруг — стачка... Гаснут горны, не слышно дробного стука пневматических молотков. Пустынно на причалах, стынет у флагштока на корме вахтенный, а в уютном салоне командир «Авроры» капитан первого ранга Никольский распекает представителей заводской администрации за то, что они допустили стачку. Представители оправдываются. Дело не в грошевой прибавке. Они согласны заткнуть пятаком рты рабочим, но стачка политическая. Ею охвачены крупнейшие предприятия страны. Полиция бессильна. Действуйте, господин каперанг, слово за вами...

И Никольский действует. Он запрещает команде сходить на берег, не только в город, но даже в цехи, где судовые машинисты обычно помогали слесарям ремонтировать снятые с корабля детали, и спешит вытребовать на территорию завода несколько рот Семеновского полка. На солдат-кексгольмцев надежда плоха, как и на матросов «Авроры»: и те и другие настроены в пользу бастующих. Особенно авроровцы. Три месяца общения с берегом сыграли свою роль: моряки в курсе событий, происходящих в стране, и не будут усмирять рабочих. Впрочем, командир не намерен считаться с настроениями команды. Он уверен в привычке матросов повиноваться, и поэтому решается выполнить приказание командующего Петроградским военным округом: любыми средствами подавить стачку в прилегающем к заводу районе.

По распоряжению Никольского семеновцы приводят арестованных делегатов на корабль и сдают боцманмату Серову. Боцманмат вталкивает рабочих в карцер, но не успевает сделать это незаметно для команды.

Гремит засов, и вдруг, точно колокол громкого боя, зовущий команду на боевые посты, кубрики облетает негодующий голос матроса Осипенко:

— «Аврору» превращают в пловучую тюрьму!

Серов пытается припугнуть матросов, однако видит перед собой множество зажженных возмущением глаз. Побелев, он мчится в каюту старшего офицера, провожаемый яростными выкриками:

— Доносчик!

— Корабль — не тюрьма! Не бывать этому!

— Мы матросы, а не тюремщики!

— Не отпустите — сами освободим!..

Расходясь по кубрикам, моряки впервые без опаски, во всеуслышание припоминают многое, что накопила память за годы их службы в царском флоте. Разве можно забыть увечье машиниста Попова, которого изуродовал унтер Пищальников, или историю кочегара Орловского? От удара в ухо у машиниста лопнула барабанная перепонка, а унтер отделался тем, что в течение пяти месяцев получал пониженное жалованье. Фельдфебель Тебеньков зверски избил кочегара, но покровительствовавший Тебенькову старший офицер Огранович сумел повернуть дело так, что Орловский был отдан под суд и приговорен к году тюрьмы... за «избиение» фельдфебеля!..

Чаша терпения переполнена. Чье лицо не горит от пощечин, от горькой обиды за гнусные унижения, изобретаемые каждодневно и ежечасно Ограновичем и его подручными? То гусиный шаг с баком воды на вытянутых руках, причем если пролита хоть капля, унтер угостит затрещиной и заставит начать маршировку сызнова; то стояние смирно всю ночь напролет возле койки храпящего фельдфебеля; то приседания и повороты кругом на месте, пока не закружится голова и не упадешь к ногам ухмыляющегося кондуктора. Были дни, когда на шканцах «стреляли рябчиков», т. е. находились под ружьем без права пошевелиться по два часа одновременно шестьдесят человек — девятая часть экипажа

«Авроры». Не счесть матросских обид: хлеб с запеченными в нем жуками и червями; воровство ревизора, выдающего на камбуз для команды вместо первосортного топленого масла настолько скверное сало, что коки называют его вазелином; обед, о котором сложена поговорка: «варится суп из двух перловых круп, в нем крупинка за крупинкой гоняются с дубинкой»; цинизм судового врача и подражающих ему фельдшеров, методы лечения которых определены ходячей на крейсере фразой: «зубную боль лечат касторкой, а болезни живота иодом»... Длинен матросский счет. Шумят кубрики.

С площадки средней палубы слышится громкий, торопливый возглас:

— Белышев! Где Белышев?..

Вниз по железным ступеням не сходит, а скатывается в машинное отделение корабельный плотник Тимофей Липатов.

Его обступают машинисты.

— Что стряслось, браток?

Липатов рассказывает о событиях наверху.

Вспыльчивый южанин Минаков изо всех сил швыряет напильник в стену.

— Хватит!..

Чья-то пахнущая металлом и смазкой ладонь на полуфразе зажимает рот машинисту.

— Не кипятись, — отведя руку, мягко урезонивает Минакова сухощавый, совсем молодой человек небольшого роста, в синей робе и надвинутой на большие уши бескозырке. — Глотку надорвешь без толку.

Минаков дрожит от возбуждения.

— Белышев! Шура!.. — почти стонет он. — До каких пор терпеть? Что задумали господа?!

— А мы свое задумаем, — холодно отвечает Белышев.

Машинисты вплотную придвигаются к нему.

— Скажи, Шура...

Они ждут, готовые на все, не сводя взглядов с человека, признанного вожаком машинной команды: друзья, товарищи, люди разных ремесел, но одного класса, про-

летарии, которым нечего терять, кроме цепей. Еще три года тому назад сошлись дороги и завязалась дружба токаря текстильной фабрики в Нерехте Белышева, уральского шахтера Неволина, одесского судоремонтника Минакова, слесаря Краснова из Вязников, питерских, московских, ивановских мастеровых — Лукичева, Бабина, Хаберева, Белова, Старинова, Фотеева, мобилизованных во флот перед войной. Они принесли с собой в кубрики, на дно трюмов машинного и котельного отделений ненависть к грабительской войне, затеянной капиталистами и помещиками, к полицейскому произволу и мордобою, узаконенным в царском флоте. Многое не однажды поднимало машинистов на протест, но во-время произносимые Белышевым отрезвляющие слова помогали претерпеть каждодневные надругательства, внешне смириться и копить силы для предстоящей расплаты. Моряки ревниво оберегают своих вожаков. Сколько ни стараются отыскать их шпионы старшего офицера, но в списке политически неблагонадежных авроровцев так и не значатся два человека: среди строевых на верхней палубе — плотницких дел мастер, коренастый тамбовец Тимофей Липатов; внизу, в душных коробках машин и кочегарок, — потомственный токарь Александр Белышев.

— Костя, сбегай за Ивановым, — обращается Белышев к трюмному машинисту Старинову и, вынув из кармана свечу, зажигает ее.— Айда в туннель, товарищи. На виду толковать негоже. Ты, Алексей, — наказывает он Минакову, — присмотри за трапом. Чуть что, кликнешь.

Машинисты и Липатов гуськом ныряют в коридор гребного вала.

Едва туннель поглощает их, в машинное отделение вбегают запыхавшиеся Старинов и электрик Иванов.

Минаков машет на дверь туннеля.

Электрик, удивляясь, лезет туда вслед за Стариновым.

Туннель тесен. Потрескивая, чадит свеча. Тень колеблемого дыханием пламени пляшет на влажных стенках. Машинисты сидят на корточках у гребного вала.

— Протестовать на словах — попусту яриться, — убеждает Белышев. — Добром арестованных не отпустят. Что, скажешь, Тимофей?

Липатов немногословен.

— За кубрики строевых ручаюсь. Кипят люди. Серов намедни опять человека измордовал в кровь. Сигнальщика Ведякина. Невтерпеж!

Белышев оборачивается к электрику:

— Помнишь, о чем была речь в механическом цехе? Не передумал? Берешься?

Иванов согласно кивает.

— Толковали мы вот о чем, — разъясняет Белышев другим. — На вечерней молитве, как пожалуют в церковную палубу командир с прочими, после слов — «и благослови достояние твое» — первым делом перерезать провода и впотьмах навалиться на их благородия. Подходяще?

Машинисты и Липатов одобряют.

— Пощады не давать ни самодуру Никольскому, ни живоглоту Ограновичу, как они нам не дают. Управимся с ними и освободим заводских.

— А потом?

— Полундра! — гулким шепотом предупреждает Минаков.

Задув свечу, Белышев наклоняется к Липатову:

— Передай Алонцеву, чтобы оповестил радиотелеграфистов, и предупреди Векшина: ему, как вестовому, удобно, пусть повидает Бахмурцева. К Марушкину в кочегарку я погодя сам спущусь.

— Передам.

Липатов бесшумно выбирается из туннеля и едва успевает прошмыгнуть под трапом к запасному выходу.

— Воистину в преисподней обретаетесь! — раздается над головами машинистов.

— Шпик долгогривый! — цедит сквозь зубы Минаков.

В машинное отделение спускается корабельный священник Покровский — правая рука Ограновича по надзору за командой. Сложив щепотью пухлые пальцы, он размашисто крестит разобранные механизмы и подозрительно осматривает все и всех.

Машинисты на своих местах. Каждый занят порученным делом. Сверчками поют напильники в ловких руках, вторят молотки.

Ремонт в полном разгаре...

ПОСЛЕ ВЕЧЕРНЕЙ ПОВЕРКИ

...Завтра, значит.
Ну, не сдобровать им!..

В. Маяковский

И опять тишина. В ней печально бренчит гитара, заунывно поет машинист Брагин:

...Трупы блуждают в морской ширине,
Волны несут их зеленые.
Связаны руки локтями к спине,
Лица покрыты мешками смолеными,
Черною кровью запачкан мундир —
Это матросы кронштадтские...

Душно в кубрике. Морозный воздух из вентилятора не освежает. Койки, растянутые у подволока, пусты. Машинисты сидят вокруг стола.

... В сером тумане кайма берегов
Низкой грядою рисуется.
Там над водою красуется
Царский дворец Петергоф...
Где же ты, царь?.. Покажись, выходи
К нам из-под крепкой охраны!
Видишь, какие кровавые раны
В каждой зияют груди?..

Тоскливым взором Минаков обводит кубрик, прислонившихся к стене возле двери Белышева и Лукичева, распростертого на палубе Власенко, долго и надрывно ругается.

Песня угнетает.

...Трупы плывут через Финский залив,
Серым туманом повитый..

Простонав, умолкает гитара. Это Белышев вырвал ее из рук Брагина.

— Не растравляй сердца людям и не приваживай унтеров: шляются вокруг да около, в отсеках и на палубе!..

— Один конец. Всем нам вахту нести, где братва лежит — потемкинцы, очаковцы, азовцы...

Лукичев с презрительным сожалением глядит на Брагина.

— Чего ноешь?.. Господа-то меж двух огней очутились. Дождемся утра, увидим, на чьей стороне сила.

— Дождемся... как Осипенко дождался!

Машинисты еще ниже клонят головы: нет ничего горше, чем мысли о поражении. И не вытравить из памяти событий, происшедших нежданно-негаданно всего-навсего несколько часов назад.

..Незадолго до вечерней молитвы, ко времени которой было приурочено восстание, в жилых палубах появились вооруженные офицеры. Сопровождаемые кондукторами, они обошли кубрики и, пригрозив рано или поздно расправиться с зачинщиками, вернулись в кают-компанию.

Стало ясно: план восстания выдан. Слишком много людей знало о нем: почти вся команда.

И все же Никольский решил не играть с огнем.

Как только ушли офицеры, в машинный кубрик ворвался комендор Евдоким Огнев.

— Уводят! Арестованных уводят!

Смяв оцепление унтеров, матросы ринулись к трапам на верхнюю палубу. Действительно, на льду гавани виднелись в кольце солдат три человека: семеновцы уводили рабочую делегацию в город.

Послышались торжествующие возгласы:

— Ура! Наша взяла!..

Строевой матрос Осипенко рванулся на ют, где сгрудились вокруг Никольского и Ограновича офицеры и кондукторы. Следом за Осипенко хлынули строевые боцманской команды, кочегары, электрики, машинисты, комендоры. В ту же минуту отрывисто захлопали выстрелы.

Будто отброшенные невидимым напором, матросы подались обратно. Белышев прыжком укрылся за орудие: это спасло его. Пластом рухнул, раскинув руки, и навсегда замер Осипенко. Машинист Фокин, как слепой, заметался из стороны в сторону и, не найдя иного пути спасения от пуль, выбросился с пятисаженной высоты на лед гавани. Оставляя за собой кровавый след, хромая, побрел к тамбуру машинист Власенко. Его подхватили Бабин и Липатов.

С причала зачастили залпы: по сигналу Никольского открыла стрельбу рота семеновцев. Сбивая краску с надстроек, на палубу посыпались пули.

Белышев, сгибаясь, перебежал к трапу и прыгнул вниз, туда, где машинисты хлопотали над стонущим Власенко. Изодрав на куски тельняшку, Лукичев втугую забинтовал ногу раненого. Власенко притих.

Тишину прорезал трубный звук: горнист сзывал команду на парадный сбор. Колесо корабельного распорядка продолжало крутиться.

Матросы мрачно повиновались.

Став рядом с Белышевым в строй, Неволин подтолкнул соседа и незаметно повел взглядом на мостики.

Оттуда на моряков смотрели наведенные кондукторами пулеметы.

— Стройся по ротам! — прокричали унтера.

Машинная команда привычно подравнялась на пазах юта.

Смеркалось. Время вечерней молитвы истекало. Люди закоченели на морозном ветру. Белышев и Лукичев плечами подпирали изнемогшего Власенко.

Совсем стемнело, когда из кормового тамбура выбрались командир корабля и старший офицер.

Вспыхнув, заскользил вдоль оцепенелого строя тоненький луч электрического фонаря.

Двухчасовой обыск судовых закоулков и матросских рундуков закончился ничем. Ни агитаторов с берега, присутствие которых заподозрил Никольский, ни запрещенной литературы не было обнаружено. Не оказалось посторонних людей и в строю.

— Разойтись! — приказал Огранович.

— Взять койки! — заорали боцманматы.

Под прицелом пулеметов матросы вернулись в жилые палубы. Лязгнули закрываемые наглухо снаружи двери.

День был завершен. Впервые за всю историю крейсера традиционная вечерняя молитва не состоялась.

Настала ночь, полная неизвестности и сомнений; нависла гнетущая тишина в кубриках. Никто из матросов не смыкает глаз. Все думают об одном: неужели прав Брагин, суля расправу и гибель вместо счастья и радости?..

— Не хорони прежде срока! — вскипает Хаберев, зло уставясь на Брагина. — Давеча строевые, возвратясь из экипажа с Поцелуева моста, что передавали? Весь Питер бастует. Никому за господскую войну мучиться неохота! Царю полный расчет подходит, а ты что нам пророчишь?.. Лукичев в аккурат приметил: меж двух огней господа. Мы их отсюда пуганем, а рабочий класс с берега!

— Пуганешь, когда они пулеметы расставили против тамбуров, — уныло огрызается Брагин. — Сунься!

— И сунемся, дай опомниться! — отвечает Бабин. — Думаешь, разок промахнулись, так пары спустим?.. Нам сейчас высокое давление полагается держать. Подшуруй, Матвей, гони до марки!

Белышев отчеканивает:

— Отступать некуда. Сами знаете, что в цехах говорено: ждут нашей поддержки рабочие. Им без нас и нам без них — не совладать с господами. Сломит каперанг с жандармами заводских, за «Аврору» примется. За вчерашнее, за то, что нагнали страху на их благородия, не помилуют нас Никольский с Ограновичем. Кого миловали господа, когда верх брали? Мало матросов на морском дне лежит, на Лисьем носу? Мало наших товарищей в каторгу сослано, в тюрьмах сгинуло? Что же и нам в петлю влезать, дожидаясь, покуда веревку намылят?.. Брагин, скажи, что выбираешь — пулеметы иль петлю?

— Смерть едина.

— Брешешь! — резко говорит Белышев.— Накинут на шею, вздернут под нок — из петли не выскочишь, а пулеметами завладеть можно... Нынче же, сообща, всей командой.

Машинисты, оживляясь, присоединяются к Белышеву.

За ночь решение принято: при первой возможности захватить пулеметы.

НА РАССВЕТЕ

...туда,
на помощь
к восставшим рабочим, —
одно желанье,
единая мысль...

В. Маяковский

Мучительно долог последний час.

Возвещая новый день, горнист начинает играть сигнал побудки, когда предрассветная мгла еще чернеет в иллюминаторах.

— На молитву! — скликают, распахнув двери, унтера и боцманматы.

День начался. Сквозь строй вооруженных кондукторов, расставленных в коридорах, пятьсот человек друг за другом переступают комингс церковной палубы.

Топоча сапогами, из-за ширмы походного алтаря выбирается корабельный священник Покровский. Его бе-

гающий взгляд обращен к двери, откуда с минуты на минуту должны показаться командир и старший офицер.

Один за другим протискиваются сквозь ряды механики, мичманы, лейтенанты. Каждый из них держится настороже.

— Раздайсь! — вполголоса гудит старший боцман, приказывая матросам расступиться.

Быстрым шагом идут на свои места Никольский и Огранович.

Командир на ходу кивает Покровскому.

Торопливое бормотание плохо слышно в духоте церковной палубы. Острый запах пота перешибает сладковатый запах ладана и аромат дорогих духов старшего лейтенанта Эриксона.

Покровский скороговоркой бормочет слова молитвы и внезапно, как бы запамятовав, запинается.

Лукичев подмигивает Белышеву.

Щека Никольского дергается.

Руки офицеров тянутся к расстегнутым кобурам.

Огранович, поведя плечом, косится на команду.

Матросы неподвижны.

Будто понукаемый пристальным взором командира, Покровский с опаской выдавливает слова, которые должны были вчера вечером послужить сигналом к восстанию:

— ...И благо-слови до-стояние твое...

Наспех дочитав молитву, он прячется за ширму алтаря.

Глядя поверх матросских голов, Никольский объявляет:

— Всей команде, хотя сегодня и не суббота, мыть краску! Я вас отучу бунтовать!..

Оборвав, он уходит.

Старший офицер подает знак унтерам и боцманматам. Те разводят матросов по отсекам.

Последним шагает отделение боцманмата Серова. Ему доверены коридоры офицерских помещений и кают-компания.

— Понимать должны, что есть бунт в военное время. За такие дела вашего брата брезентом накрывают и в расход списывают, — запугивает Серов. — Назови, ребята, зачинщиков. Доложу его благородию, вам и выйдет прощение.

Матросы помалкивают, прислушиваясь к раздраженному голосу Ограновича.

Боцманмат поспешно притворяет дверь в кают-компанию.

— Старшой попа драит за молитву, — шепчет, пробегая мимо строевых, вестовой Векшин

— Дмитриев! — окликает боцманмат, заметив улыбку на лице одного из матросов. — Чего скалишься? Вали мыть ванную! Там посмеешься!..

Матрос берет ведро с каустиком и направляется в офицерскую ванную.

В ней нет никого.

Он тотчас заглядывает в иллюминатор, чтобы увидеть происходящее за пределами корабля. Где же рабочие? Придут они на помощь или нет?..

Сумеречный день еще борется с ночью. Черным провалом зияют за площадкой заводского двора настежь раскрытые ворота. От них движутся к причалу толпы людей. С каждым мгновением они приближаются к «Авроре». Поддевки рабочих перемешались с шинелями солдат Кексгольмского полка. Впереди всех, неся красный флаг, семенит хорошо знакомый морякам сторож Игнатыч.

Дмитриев шумно отвинчивает барашки иллюминатора.

Поток свежего воздуха врывается в духоту помещения.

Нарастают призывные возгласы:

— Солдаты с нами, а вы, матросы?

— Ура авроровцам! — раздается у борта.

— Ура! — что есть мочи кричит Дмитриев и, охнув от нестерпимой боли в спине, мгновенно оборачивается.

Серов, незаметно прокравшись в ванную, тычет серебряной — за выслугу — дудкой в зубы матросу и, оттолкнув его, захлопывает иллюминатор.

— Ты что?.. В карцер!

Дальнейшее происходит неожиданно даже для самого Дмитриева.

Еще не осознав своих действий, он отвечает Серову увесистым ударом кулака.

— Вот тебе сдача, Иуда!

Обалдевший боцманмат плюхается на табурет. Матрос смаху нахлобучивает на голову ненавистного держиморды ведро с едким раствором каустика, вырывает из кобуры Серова револьвер и выскакивает в коридор.

Отовсюду бегут моряки. Эхо неумолчно повторяет в длинных коридорах корабля:

— Урррааа!..

У порога кают-компании на пути Дмитриева оказывается визжащий старший офицер. Судорожно цепляясь за дверь, Огранович пытается вырваться из рук вестового Векшина и машинного содержателя Фотесва.

— Себя жалеешь, а кто в Осипенко стрелял? — сурово спрашивает матрос. — Отойдите, братки, чтобы ненароком не задело.

Он целится в Ограновича.

— Не тронь! — кричит Векшин. — Не марай палубу! На лед вытащим!

— Это правильно, только не упустите, — предостерегает Дмитриев и, стиснув рукоятку револьвера, торопится па верхнюю палубу.

На ней вся команда. Оба мостика переполнены матросами. Пулеметы захвачены в тот момент, когда кондукторы повернули их к причалу, чтобы открыть огонь по рабочим и солдатам-кексгольмцам. Застигнутые врасплох за утренним чаем офицеры выведены из кают-компании и столпились на юте. Обезоруженный караул семеновцев окружен машинистами. Моряки стыдят солдат.

— Посторонитесь! — предупреждает Лукичев.

Предупреждение весьма своевременно.

Из кормового тамбура выносится разъяренный Никольский.

Лукичев, изловчась, вышибает из его руки браунинг.

— Отвоевали, ваше благородие, — язвит Бабин, подхватывая с палубы револьвер.— Покомандовали, слазьте.

Никольский ошалело крутит головой.

Несколько рук тянутся к его погонам.

— Не сметь! — Он трясется от ярости. — Матросы, приказываю разойтись! Не позорьте флот!

— Заткнись! — гневно отвечает Липатов. — Не мы, а вот такие, как ты, опозорили флот еще у Цусимы!

Брагин, ухватив Никольского за плечи, одним рывком срывает с него погоны.

— Иди!

Никольский упирается. Моряки стаскивают его по трапу на лед.

Вестовой и машинный содержатель выволакивают на палубу Ограновича.

Старший офицер хрипло молит о пощаде.

— Ты нас щадил?— наклоняется к нему Дмитриев.— Ты помиловал Осипенко?.. Становись к расчету.

Ограновича также стаскивают с корабля на лед.

Подряд раскатываются два залпа.

— Поняли, ваши благородия? — глядя в побелевшие лица офицеров, грозно спрашивает Лукичев. — Помните и не забывайте...

Общим вниманием завладевает седоусый токарь, председатель забастовочного комитета Франко-Русского завода.

— Товарищи! — обращается он к матросам. — В сарае за механическим цехом спрятаны автомобили. Директорские. Нам бы парочку пулеметов приспособить на них. Всем народом просим: подзаймите. Надо с городовыми и жандармами управиться. Позасели, подлецы, на чердаках возле Сенной и не дают ни проезду, ни проходу людям.

— Выводи автомобили, отец. Вместе поплывем. Одна дорога у нас, — под одобрение всех моряков говорит Белышев. — Пускай знают господа, с кем мы, пускай запомнят «Аврору»!

Липатов берет из рук сторожа красный флаг и, сняв с древка лоскут кумача, крепчайшим морским узлом привязывает его к фалам гротмачты.

Моряки, рабочие и солдаты дружно берутся за фалы.

Спустя минуту флаг революции победно реет под гафелем крейсера «Аврора».

ВАЖНЕЙШИЕ ДАТЫ БИОГРАФИИ КОРАБЛЯ

1917 год, 26 февраля В этот день, на рассвете, за сутки до свержения царского самодержавия, моряки «Авроры» с помощью рабочих Франко-Русского судостроительного завода и солдат Кексгольмского пехотного полка захватили корабль в свои руки и подняли над ним флаг революции.

«...быстрый переход войск на сторону рабочих решил судьбу царского самодержавия...

Февральская буржуазно-демократическая революция победила» («История ВКП(б). Краткий курс», стр. 169).

Однако впереди был еще долгий путь борьбы против капиталистов и помещиков, за советскую власть, тернистый путь к социалистической революции.

1917 год, март Коломенский районный комитет Петрограда принял в члены Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) трех матросов с крейсера «Аврора» — минного машиниста Александра Белышева, машиниста Николая Лукичева и плотника Тимофея Липатова. Это были первые партийные большевики на корабле.

1917 год, 23 мая По инициативе ячейки большевиков общее собрание команды приняло резолюцию с поддержкой требований, выдвинутых моряками Балтийского флота: передача власти Советам, конфискация земли и передача ее крестьянам, перевод бывшего царя Николая II в Кронштадт. Авроровцы предложили своим депутатам в Петроградском Совете, чтобы те огласили эту резолюцию на засе-

дании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Но депутаты-эсеры отказались выполнить решение команды. Тогда большевики потребовали переизбрания депутатов.

1917 год, май Корабельный плотник большевик Тимофей Липатов избран представителем команды крейсера «Аврора» при Военной организации (комиссии) Петроградского Комитета Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков).

1917 год, 13 июня Депутатами Петроградского Совета от моряков крейсера «Аврора» избраны два большевика, один «левый» эсер и один анархист.

1917 год, 3—5 июля Июльская демонстрация рабочих, солдат и моряков в Петрограде против продолжения империалистической войны. В демонстрации участвуют и моряки «Авроры». После расстрела на улицах столицы мирной демонстрации Временное правительство в союзе с меньшевиками и эсерами обрушивается на большевистскую партию. Большевистские газеты были закрыты, а помещение редакции «Правды» разгромлено, рабочий Воинов убит на улице юнкерами только за то, что продавал «Листок Правды». Присланная на «Аврору» следственная комиссия арестовала восемь матросов. Липатову удалось скрыться.

1917 год, июль Расстрел июльской мирной демонстрации в Петрограде, расстрел таких же демонстраций карательными отрядами Временного правительства в Твери, Нижнем-Новгороде и других городах окончательно разоблачил в глазах моряков «Авроры» предательскую роль меньшевиков и эсеров. Общее собрание команды переизбрало судовой комитет, изгнав из него меньшевиков и эсеров. Резолюция, принятая авроровцами и напечатанная в газете «Правда», стала известна всей стране.

«Рабочий класс, — говорилось в этой резолюции, — всегда может рассчитывать на поддержку революционного флота в борьбе с врагами внутри и извне».

Вновь избранный судовой комитет почти целиком состоял из большевиков. Председателем судового комитета и представителем «Авроры» в Центробалте (руководимый большевиками Центральный комитет Балтийского флота, куда входили представители всех кораблей) был

избран большевик Александр Белышев, его заместителем — большевик Тимофей Липатов.

1917 год, 25 августа Поддерживаемый капиталистами Англии и Франции главнокомандующий русской армией генерал Корнилов, провозгласивший своей программой установление военной диктатуры, послал в Петроград для подавления революционных организаций, и в первую очередь против большевиков, конный корпус генерала Крымова. Центральный Комитет РСДРП (большевиков) обратился к рабочим, солдатам и морякам с призывом выступить на защиту революции.

В этот день матросы с «Авроры» несли охрану Зимнего дворца. Формально охрана была поставлена для обеспечения безопасности министров Временного правительства, фактически для того, чтобы не дать Керенскому и другим соглашателям за спиной народа сговориться с Корниловым.

Между начальником караулов авроровцев машинистом Бабиным и Керенским произошел весьма любопытный разговор:

— Почему вы охраняете Временное правительство, а поддерживаете большевиков? — не без ехидства спросил Керенский.

— Потому,— откровенно ответил Бабин,— чтобы арестовать вас, если вы вздумаете переметнуться к Корнилову.

1917 год, сентябрь Представители «Авроры», во главе с председателем судового комитета тов. Белышевым, явились в Зимний дворец и потребовали у Керенского освободить арестованных после июльской демонстрации моряков крейсера.

— В противном случае, — заявил Белышев, — мы силой освободим арестованных товарищей.

Временное правительство было вынуждено удовлетворить требование команды «Авроры».

1917 год, октябрь Близится день вооруженного восстания народа, которое готовит партия большевиков. Временное буржуазное правительство стягивает вооруженные силы к Петрограду, чтобы разгромить большевистские организации, подорвать силы революции.

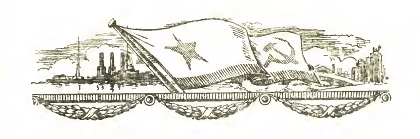
Хорошо зная позицию моряков «Авроры», Керенский, воспользовавшись тем, что ремонт крейсера закончен,

дважды, 21 и 22 октября, приказывает командиру корабля выйти в море на пробу машин после ремонта, а затем следовать в Або. Временное правительство хотело таким образом удалить из Петрограда мощный боевой корабль, команда которого всецело поддерживает большевиков. Однако замысел Керенского был разгадан, и матросы отказались выполнить этот приказ без разрешения Центробалта. Ответ Центробалта был краток: «Пробу произвести 25 октября».

На следующий день, 23 октября, Военно-революционный комитет, созданный по решению ЦК партии большевиков при Петроградском Совете, вызывает представителей крейсера «Аврора» в Смольный.

Общее собрание команды направляет в Смольный двух большевиков — председателя судового комитета Белышева и члена судового комитета Лукичева. Они должны явиться к товарищу Я. М. Свердлову.

НАЧАЛО ЭРЫ

РАЗГОВОР В СМОЛЬНОМ

— Есть!
— повернулся
и скрылся скоро,
и только
на ленте
у флотского
под лампой
блеснуло —
„Аврора".

В. Маяковский

Глубокая осень. Ненастная сумеречная пора, обычная для Петрограда в конце октября. Дождь, туман, серые потемки. Небо черное, низкое, без просвета...

На исходе восьмой месяц с того дня, когда Февральская революция привела в исполнение приговор народа царскому самодержавию, но положение в стране нисколько не лучше, чем при царизме. Выполняя волю русских помещиков и капиталистов, Временное правительство продолжает затеянную царизмом губительную войну. Страна накануне голода. Тысячи женщин и детей Петрограда днем и ночью стоят в очередях, ожидая, когда раскроются двери булочных и посчастливится получить нищенский паек: на душу четверть фунта липкого, будто замазка, хлеба.

Терпение народа достигло предела.

— Сынки! Матросы! — зовут из очереди у хлебной лавки, неподалеку от Смольного института.

Два моряка, идущие в ногу возле панели, замедляют шаг.

Из очереди устремляется к ним изможденная женщина.

— Что скажете, мамаша? — добродушно спрашивает один из матросов.

Женщина медлит, словно не решаясь поведать незнакомым людям свое горе. Капли дождя ползут по ее щекам. Наконец, взгляд ее останавливается на мокрых бескозырках, на которых желтеет известное всему Петрограду название корабля: «Аврора».

— Третьи сутки без хлеба... Помрут с голоду ребятки мои... Когда же конец мукам нашим? — говорит она рыдающим голосом и, не выдержав, выкрикивает:

— Скоро ль за глотку возьмете буржуев и спекулянтов?

Смуглый коренастый моряк сжимает кулаки и, слегка окая, говорит:

— Еще самую чуточку потерпите, мамаша. Теперь скоро. Вот чем разговаривать с ними будем!

Он ударяет кулаком по винтовке и привычным движением плеча поправляет ремень.

— Полный вперед, Шура! Словами горю помогать — пуще бередить его... Эх, мамаша!..

Женщина долго смотрит вслед удаляющимся матросам.

Миновав цепь вооруженных рабочих и солдат, охраняющих на перекрестке подступы к Смольному, они вскоре сливаются с толпой у ворот главного входа, там, где над непрерывным потоком людей реют кумачевые полотнища с лозунгами партии большевиков:

ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ!

МИР НАРОДАМ!

ЗЕМЛЯ И ВСЕ, ЧТО НА НЕЙ И В ЕЕ НЕДРАХ,— ТРУДЯЩИМСЯ!..

Поток людей у главного входа неиссякаем. Командиры красногвардейских отрядов Выборгской и Петроградской стороны, Васильевского острова, Московской и Нарвской застав, делегаты фронта и городов, ходоки из сел спешат на зов Военно-революционного комитета.

Перед ними, в дождевом сумраке октябрьского дня, величественно возвышаются — треугольный мостик фронтона, массивные трубы колоннады, широкий, подобный

борту гигантского корабля, фасад Смольного, где партия большевиков неутомимо собирает неисчерпаемые силы народа...

* * *

Часовой в черной ватной поддевке и засаленной кепке — рабочий-красногвардеец — возвращает морякам пропуска и распахивает дверь в комнату Военно-революционного комитета:

— Проходите, товарищи флотские.

Перешагнув порог, моряки ставят винтовки в угол и осматриваются.

Комната похожа на корабельную штурманскую рубку. На ее стенах пестреют карты фронтов и планы всех районов Петрограда. Напротив двери, в глубине комнаты виден накрытый картой стол. Из-за него, поправляя пенсне, поднимается и быстро идет навстречу морякам человек в кожаной куртке.

— Откуда, товарищи?.. Впрочем, ваши визитные карточки на бескозырках. По какому делу, товарищи авроровцы?

— По вызову Военно-революционного комитета к товарищу Свердлову, — рапортует сухощавый, невысокого роста матрос.

— Я — Свердлов, — называет себя человек в пенсне. — Кто уполномочил вас?

— Команда крейсера «Аврора».

И матрос протягивает аккуратно сложенный документ.

Свердлов читает:

«...в том, что председатель судового комитета крейсера «Аврора» минный машинист Александр Белышев и член судового комитета трюмный машинист Николай Лукичев командированы собранием команды в Смольный в исполнение вызова Военно-революционного комитета...»

— Присаживайтесь.

Возвратясь на свое место, Свердлов задает неожиданный вопрос:

— Кто у вас на крейсере сейчас самый авторитетный человек?

— Да вот Белышев, — указывает на соседа смуглый коренастый Лукичев. — Мы его и председателем на корабле выбрали и в Центробалт.

Пытливо вглядываясь в лицо Белышева, Свердлов осведомляется:

— Ваши политические взгляды, товарищ?

— Член РСДРП большевиков. Первого марта втроем записались: Лукичев, Тимофей Липатов и я.

— Знаю Тимофея Липатова. Это представитель «Авроры» при военной организации нашей партии. Надежный товарищ. Итак, сколько всех моряков на крейсере?

— Пятьсот шестьдесят семь.

— Из них членов нашей партии?

— Тридцать два.

— А настроение других? — допытывается Свердлов.

— Большинство команды за нас. В судовом комитете один беспартийный, один — анархист, остальные — большевики.

— Имеются, конечно, некоторые, скулят по углам, — добавляет Лукичев. — Кому революционная дисциплина не нравится, кто жизнь и свободу не так понял, у таких сообща слабину подбираем и подкручиваем гайки. Да вот давеча, на Обводном, видим: Бабушкин — наш машинист — шагает, а одет не по форме. Сказал ему Белышев по душам: «Что же ты, браток, на буржуев, получается, служишь, чтобы пальцами указывали на твою робу и глумились над нами?.. Сию же минуту на корабль!..» Осознал человек. Сегодня на собрании перед всей командой прощения просил.

Лукичев спохватывается:

— Отвлекся я малость. Не о Бабушкине разговор.

— И о нем, — раздельно говорит Свердлов. — Это чрезвычайно важно. Революционная дисциплина поможет одержать победу над врагами народа. Вероятно, читали, какие небылицы печатаются в кадетских и соглашательских газетах про вас — моряков с «Авроры»?

— Как же, в печенках сидим у буржуев,— усмехаясь, отвечает Лукичев, — потому что в феврале рабочий класс поддержали, помогли народу царя спихнуть.

Свердлов выжидательно смотрит на Белышева.

— Попрошу более подробно информировать о положении на вашем корабле.

Расстегнув бушлат, председатель судового комитета извлекает из кармана пачку протоколов и резолюций.

— Вот постановление команды: «Рабочий класс

...Мы выполним любой приказ Военно-революционного комитета...

С карт. худ. Максимова „Матросы с „Авроры"

всегда может рассчитывать на поддержку революционного флота в борьбе с врагами внутри и извне».

— Эта резолюция была опубликована в «Правде». Я читал ее, — поясняет Свердлов.

Белышев прячет бумаги и решительно заявляет:

— Команда на стороне большевиков. Мы выполним любой приказ Военно-революционного комитета.

— Военно-революционный комитет не сомневается в этом. А что думают ваши офицеры?

Лукичев смеется:

— Болеют... К ним медвежья болезнь прицепилась. С конца февраля то и дело на городских квартирах отсиживаются. Что ни скажешь, они будто молитву читают: «Мы держим нейтралитет, мы вне политики и ни во что не вмешиваемся...»

— Все они тихие до поры,— сдержанно роняет Белышев. — Когда Корнилов лез к Питеру, чтобы снова царя посадить на шею нам, враз ожили. Пришлось напрямки предупредить: сунетесь — на себя пеняйте. Опять притихли, а теперь, когда и не надо, за каждым пустяком в судовой комитет бегут.

— Значит, командиром корабля фактически является судовой комитет?

Оба моряка подтверждают.

Свердлов склоняется над разостланной на столе картой и ведет пальцем по голубой змейке реки.

Моряки внимательно следят за движением его пальца.

— Центральный Комитет нашей партии, — медленно, словно диктуя, произносит Свердлов, — поручил Военно-революционному комитету практическое руководство вооруженным восстанием петроградских рабочих и гарнизона. Промедление смерти подобно, — это слова товарища Ленина. Мы, большевики, обязаны взять государственную власть в свои руки. Иначе Временное правительство штыками юнкеров нанесет смертельный удар революции. Руководство на том или ином участке восстания будет осуществлять одно лицо — комиссар, назначаемый нами из состава самих частей... Вы разделяете точку зрения Цека?

Белышев ни секунды не колеблется.

— Да, товарищ Свердлов.

— Правильно,— присоединяется Лукичев.— Вся наша жизнь на карту поставлена.

— Военно-революционный комитет и его партийный центр по руководству восстанием,— заканчивает Свердлов,—уполномочили меня назначить комиссара «Авроры». Ваша кандидатура, товарищ Белышев, весьма удачна. Вы большевик, облечены полным доверием моряков, избраны командой на пост председателя судового комитета, а судовой комитет — настоящий хозяин крейсера.

Лицо Белышева чуть розовеет.

— Решение партии считаю приказом.

— Ваше имя и отчество?

— Александр Викторович.

— Вашим заместителем будет товарищ Липатов. Ничего не имеете против?

— Подходяще.

Лукичев также не возражает.

Выдвинув ящик стола, Свердлов достает бланк со штампом и, заполняя его, читает вслух, что пишет:

«Мандат.

Дан военному моряку товарищу БЕЛЫШЕВУ Александру Викторовичу, комиссару Военно-революционного комитета на крейсере «Аврора».

Комиссар уполномочен распоряжаться крейсером и действует только по указаниям Военно-революционного комитета».

Свердлов подписывает мандат и, вручив Белышеву, наставляет:

— Учтите, что Временное правительство в эти решающие дни предпримет всяческие попытки удалить «Аврору» из Петрограда.

— Вчера хотели нас выпроводить, — вспоминает Лукичев. — Командир приказ Керенского принес: «Авроре» выйти на пробу машин двадцать второго».

— Мы запросили Центробалт, — прибавляет Белышев, — и получили ответ: «Пробу произвести двадцать пятого»...

— Понятно.

В глазах Свердлова улыбка.

— На двадцать пятое намечено открытие съезда Советов, однако вы не должны быть связаны числом... Впрочем, ссылайтесь пока на это распоряжение Центробалта и не подчиняйтесь никаким приказам Керенского. Мы предупредим товарищей из Центробалта. Ждите оттуда официальную юзограмму без всякого шифра: оста-

ваться в Петрограде и выполнять только наши предписания. Объясните команде, что Военно-революционный комитет поручает крейсеру «Аврора» охранять безопасность открывающегося Всероссийского съезда Советов от провокаций Временного правительства. Когда получите письменное распоряжение Военно-революционного комитета о выступлении, то объявите команде и офицерам, что вы комиссар. Тогда же категорически предупредите командира, что всякий приказ, отданный им без вашего согласия, недействителен. Будьте на-чеку: возможно, «Авроре» придется подняться вверх по Неве. Связь держите с нами и с представителем комитета. Он будет в казармах Второго Балтийского флотского экипажа. Фамилия нашего представителя — Чудновский.

— Есть! Только нам на всякий случай снаряды нужны. Их еще в прошлом году сгрузили в Кронштадте, — предупреждает Белышев, — когда в док становились. Ведь корабль был на ремонтном положении. И сейчас машины не провернуты и не опробованы на ходовых испытаниях, хотя ремонт закончен. Так что для выхода из ковша и сопровождения к месту новой стоянки нам требуются буксиры. А то шлюпками и катерами не вывести.

— Хорошо.— Свердлов делает пометку в блокноте.— Буксирами и снарядами вас обеспечат кронштадтцы. Кстати, катеров много у вас?

— Два паровых.

— Они очень необходимы вам?

— Нет, а что? — не понимая, к чему речь, недоумевает Белышев.

— Сумеете вооружить их пулеметами и провести по реке, например, сюда?

— К Смольному? В любую минуту. Пулеметы на них установлены. Когда прислать?

— Об этом известим вас письменным предписанием Военно-революционного комитета, — отвечает Свердлов, удовлетворенный готовностью катеров. — Весьма вероятно, что обстоятельства потребуют обезопасить Смольный и со стороны Невы... Теперь еще одно важное дело, товарищи.

Он берет со стола листовку, отпечатанную на гектографе.

— Сегодня Военно-революционный комитет составил

письмо для всех армейских и флотских частей: и для тех, которые размещены в Петрограде, и для находящихся вне его. В городе нам просто ознакомить с этим письмом: вызываем сюда комиссаров частей. Сложнее с теми, кто в других местах. Короче говоря, надо немедленно использовать радиостанцию «Авроры». Она в исправности? Радиотелеграфист надежен?

— В исправности, а за старшего радиотелеграфиста Федора Алонцева ручаюсь, как за себя,— уверенно говорит Белышев.

— Тогда вот вам экземпляр.

Свердлов передает Белышеву копию письма.

Головы моряков склоняются к листку. Текст его все равно, что боевой приказ:

«1. Гарнизон, охраняющий подступы к Петрограду, должен быть в полной боевой готовности.

2. На вокзалах должна быть усиленная охрана.

3. Не допускать в Петроград ни одной войсковой части, о которой не было бы известно, какое положение она приняла по отношению к нынешним событиям. Навстречу каждой части надо высылать несколько десятков агитаторов, которые должны разъяснить им, направляющимся в Петроград, что их желают натравить на народ.

Корниловские эшелоны, если таковые не подчинятся увещаниям, должны быть задержаны силой. Надо действовать строго и осторожно и, где окажется нужным, применить силу.

О всех передвижениях войск немедленно сообщать в Смольный институт в Петрограде, Военно-революционному комитету, и присылать туда представителей из местных советов и полковых комитетов для установления связи. Советам необходимо беспрерывно заседать.

Революция в опасности! Но все-таки ее силы несравненно больше, чем силы контрреволюции! Победа наша! Да здравствует народ!

Военно-революционный комитет».

Лукичев горящими глазами смотрит на Свердлова.

— Стало быть, в самом деле начали! Вот это правильно! Только вдруг да не услышат нашу радиостанцию?..

— Сейчас у всех радиотелеграфистов ушки на макушке, — успокаивает Белышев.

— Непременно услышат... — Свердлов крепко пожимает руки морякам. — Счастливо, товарищи. Помните, что Центральный Комитет и Владимир Ильич Ленин высоко оценивают роль крейсера «Аврора» в грядущих событиях.

* * *

Два человека — на каждом матросский бушлат, перехваченный ремнем с патронташами, бескозырка с вычурной вязью славянских букв, за плечом на ремне винтовка — мерной поступью шагают сквозь дождевые потемки по улицам и проспектам угрюмого Петрограда. Путь долог: от Смольного до причалов Франко-Русского завода, где ошвартован крейсер «Аврора», надо пройти через весь город.

Гулко звучат шаги.

ДЕЛО С БРОНЕВИКАМИ

...Лезут?
Хорошо.
Сотрем
в порошок.
В. Маяковский

Утром следующего дня седоусый токарь — председатель рабочего комитета Франко-Русского завода — поднимается на борт крейсера, любовно осматривает заново отремонтированный корабль, а затем, разыскав Белышева, сообщает ему:

— Из Смольного наказывали передать. Три буксира и баржа с гостинцами для Керенского снялись из Кронштадта. К вечеру будут. На ремонт не жалуетесь?

— На совесть сделано, — одобряет Белышев.

— Как же иначе? — Токарь с гордым видом поглаживает усы. — Для себя старались. «Аврора» — корабль нашенский. Буржуям от одного ее виду тошно. Ну, пойду по цехам. Ты скажи ребятам: пусть держат ухо востро. Временное правительство громадный зуб имеет на ваш крейсер.

— Выбьем зуб, не сомневайся, отец.

— Так-то так, — соглашается токарь, — а по сторонам посматривайте, чтобы юнкеришек не прозевать.

— Пускай только вздумают наведаться! — многозначительно говорит Белышев, провожая старика до кормового трапа.

* * *

Прежде чем жалуют незваные гости, происходит вот что.

В полдень, когда буксиры и баржа со снарядами находятся еще на полпути между Кронштадтом и заводской гаванью, назначено заседание судового комитета. На заседании, как принято, могут присутствовать все моряки «Авроры».

Посреди помещения, которое по долголетней привычке на корабле все еще называют церковной палубой, стоят, окруженные густой толпой, Белышев и Липатов. Плотник читает команде воззвание Военно-революционного комитета, напечатанное в газете «Рабочий и солдат», только что доставленной на крейсер:

«Солдаты! Рабочие! Граждане!

Враги народа перешли ночью в наступление. Штабные корниловцы пытаются стянуть из окрестностей юнкеров и ударные батальоны... Замышляется предательский удар против Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Газеты «Рабочий путь» и «Солдат» закрыты, типографии опечатаны. Поход контрреволюционных заговорщиков направлен против Всероссийского съезда Советов накануне его открытия...

Контрреволюция подняла свою преступную голову.

Всем завоеваниям и надеждам солдат, рабочих и крестьян грозит великая опасность. Но силы революции неизмеримо превышают силы ее врагов.

Дело народа в твердых руках. Заговорщики будут сокрушены.

Никаких колебаний и сомнений. Твердость, стойкость, выдержка, решительность.

Да здравствует революция!..»

— Да здравствует революция! — гремит под железными сводами корабельных отсеков.

Быстрым взглядом Белышев обводит переполненное моряками помещение. Сотни людей в бескозырках возбужденно обсуждают прочитанное Липатовым воззвание. Сотни голосов сливаются в неумолкающий ни на секунду гул. Моряки захвачены событиями, которыми живет в этот тревожный день весь Петроград: в Смольном и на заводах, в Зимнем и Мариинском дворцах, в казармах и на улицах, в рабочих кварталах Выборгской стороны и

у витрин фешенебельного Невского, пестрых от множества прокламаций и воззваний... Только неустанные напоминания Белышева о революционной дисциплине и приказ судового комитета — быть на своих местах — удерживают команду на корабле. Морякам невтерпеж. В хаосе фантастических слухов и подлинных событий ускоренными темпами идет окончательное размежевание сил на два непримиримо враждебных лагеря: революции и реакции. Обе стороны готовятся перейти к вооруженным действиям, а кое-где уже начали их.

Так следует понимать оба предписания, полученные Белышевым час назад из Смольного. В первом предписании Военно-революционный комитет предлагает морякам обеспечить вывод «Авроры» из ковша буксирными пароходами и держать наготове пловучие средства, чтобы использовать их в случае нападения контрреволюционных сил на петроградский гарнизон. Второе предписание подобно сигналу боевой тревоги.

Получив второе предписание, Белышев и поторопился созвать судовой комитет.

— Начнем, — предлагает Липатов. — Как будто все на месте. Даже нейтральные не поленились.

Он кивает в ту сторону, где особняком стоят командир крейсера старший лейтенант Эриксон и группа офицеров. Лица командира и офицеров выражают беспокойство, в глазах ожидание.

— Экстренное заседание считаю открытым, — объявляет Белышев, когда вокруг него и Липатова собираются члены судового комитета — старшина сигнальщиков Захаров, машинисты Лукичев, Неволин, водолаз Белоусов, старший радист Алонцев и вестовой Векшин. — Вот какое дело, товарищи... Слушайте, что приказывает нам Военно-революционный комитет:

«Петроградскому совету грозит прямая опасность: ночью контрреволюционные заговорщики пытались вызвать из окрестностей юнкеров и ударные батальоны в Петроград. Газеты «Солдат» и «Рабочий путь» закрыты. Предписывается привести полк в боевую готовность. Ждите дальнейших распоряжений.

Всякое промедление и замешательство будет рассматриваться как измена революции...»

Лязг железной двери над входным трапом заглушает последние слова Белышева.

Громыхая сапогами и прикладом винтовки по ступеням, с верхней палубы торопливо спускается промокший матрос. Он ставит винтовку на свободное место в пирамиде у входа и, не задерживаясь, пробирается к Белышеву.

Это связной. Председатель судового комитета посылал его к телеграфистам Морского Генерального штаба с наказом раздобыть у них постановление Центробалта, адресованное «Авроре».

— Под самым носом у корниловцев раздобыл!

И связной вручает телеграмму Белышеву.

Тот показывает ее членам судового комитета.

— В городе что творится! — продолжает связной, обращаясь к собранию. — Коса на камень. Керенский приказал юнкерам запечатать двери в редакциях «Солдата» и «Рабочего пути», а из Смольного примчались на грузовых автомобилях красногвардейцы, саперы и солдаты Литовского полка! Посрывали печати с дверей, накостыляли по шеям юнкерским часовым и другим корниловцам, какие под руку попались, прогнали их к чертовой бабушке, поставили свою охрану и отправились закрывать буржуйские газеты!.. На Морской солдатские патрули останавливают все автомобили и предлагают господам пешком прогуляться, а ихние автомобили отдают красногвардейцам... Интересуются, когда мы выступим и скоро ли кронштадтцы придут...

— Так чего же мы ждем? — волнуются моряки.

— Прошу слова! — доносится голос Эриксона.

Белышев, члены судового комитета и вся команда вопросительно глядят на старшего лейтенанта.

Он держит в руке листок.

— Имею распоряжение совсем иного порядка, чем то, которое мы выслушали от председателя судового комитета! — громко произносит командир. — Считаю необходимым довести его до сведения всех присутствующих...

— А ну-ка послушаем, — не возражает Белышев. — Слово гражданину командиру!

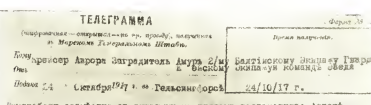
— Объявляю приказ главного начальника округа полковника Генерального штаба Полковникова, — продолжает Эриксон: — «Приказываю всем частям и командам оставаться в занимаемых казармах впредь до получения приказов из штаба округа. Всякие самостоятельные выступления запрещаю. Все офицеры, выступившие,

помимо приказа своих начальников, будут преданы суду за вооруженный мятеж. Категорически запрещаю исполнение войсками каких-либо приказов, исходящих от различных организаций...» Надеюсь, вам понятно, что означает это?

— На всякий чих не наздравствуешься, — отвечает Липатов под одобрительный смех собрания.

— На приказание Полковникова у нас имеется приказание Центробалта. Вот оно.

Белышев поднимает над головой, чтобы видели все, телеграмму, принесенную связным.

ТЕЛЕГРАММА

Форма №

(шифрованная — открытая — по гр. прозду), полученная въ Морскомъ Генеральномъ Штабѣ.

Время полученія.

Кому крейсер Аврора Заградитель Амуръ 2/му Балтійскому Экипажу Гвардейскому Экипажу и командѣ Эзеля

Отъ

Подана 24 Октября 1917 г. въ Гельсингфорсъ 24/10/17 г.

Центробалт совмѣстно съ судовыми комитетами постановилъ: Аврорѣ Заградителю Амуръ 2/муБалтійскому и Гвардейскому Экипажамъ и командѣ Эзеля всѣцело подчинятся распоряженіямъ революціоннаго комитета Петроградскаго совѣта.

Центробалтъ Предсѣдатель (подпись)

Предписание Центробалта о подчинении кораблей и частей Балтийского флота распоряжениям Военно-революционного комитета Петроградского Совета

— Слушайте!.. «Крейсеру «Аврора», заградителю «Амур», Второму Балтийскому экипажу, гвардейскому экипажу и команде Эзеля. Центробалт совместно с судовыми комитетами постановил: «Авроре», заградителю «Амур», Второму Балтийскому и гвардейскому экипажам и команде Эзеля всецело подчиняться распоряжениям революционного комитета Петроградского Совета».

— Разрешите взглянуть? — просит Эриксон. — И на телеграмму Центробалта и на предписание.

Председатель судового комитета передает оба документа соседу, тот следующему. Пропутешествовав через все собрание, листки с предписанием Военно-революционного комитета и телеграммой Центробалта попадают в руки Эриксону.

Командир внимательно разглядывает их и вдруг во всеуслышание заявляет:

— Позвольте, позвольте... Здесь сказано: «Комиссару и в полковой комитет «Авроры»... Что за комиссар на военном корабле? Никаких посторонних представителей не должно быть на борту!

Офицеры многозначительно переглядываются.

Собрание озадачено. Из разных углов раздаются провокационные выкрики тех, кто давно составляет незначительное меньшинство на крейсере — эсеров, меньшевиков и анархистов:

— Никаких контролеров!

— Никаких штатских!

— Почему нам не доверяют?

— Председатель, протестуй! Или ты не председатель?

— А судовой комитет на что?..

Лукичев барабанит кулаком по столу.

— Тише!.. А если не посторонний?

— А кто? Не ты ли, Микола?..

Офицеры откровенно смеются.

Белышев гневно смотрит на них и коротко бросает им в лицо:

— Я комиссар!

Наступает полная тишина.

Он достает мандат, подписанный Свердловым, и протягивает изумленным морякам.

Десятки рук тянутся к документу.

Побывав у каждого, кто присутствует на заседании, помятый мандат возвращается к Белышеву.

— Ловко! — замечает кто-то из офицеров. — Заранее подготовились господа большевики... Палец в рот не клади им!

— Да, не советую, — откликается Белышев. — Надеюсь, гражданин командир, и вам понятно, что означает это?

Эриксон и офицеры поворачиваются к выходу.

— Предупреждаю! — четко произносит вдогонку им комиссар. — Предупреждаю командира, что всякий приказ, отданный им без моего согласия, недействителен. Сейчас приказываю: корабль привести в боевую готовность!..

Опять лязгает дверь с верхней палубы. Расталкивая толпу, к Белышеву пробирается матрос из вахтенного отделения.

— Председатель... Там адъютант прибыл от морского министра. Требует пропустить его до командира. Спрашиваем, зачем, он и разговаривать не хочет.

— В таком случае разверните его на сто восемьдесят градусов и проводите до трапа! — рекомендует марсовый боцманмат Клевцов.

— Нечего с ним церемониться!

— Наслушались господ!

— Нехай проваливает!

— Прекратите галдеж! — призывает Белышев. — Выпроводить адъютанта всегда найдем время. Сначала разузнаем, что ему надо от «Авроры»... Из кубриков нараспашку не выходить. Дисциплина и порядок. Наденьте бушлаты.

Члены судового комитета, а следом вся команда выбираются на верхнюю палубу.

От черной глуби гавани веет холодом. Сыро. В тумане расплывчато громоздятся корпуса заводских цехов, корабельные надстройки, башни Калинкина моста, здания по обе стороны устья Фонтанки.

На юте у трапа зло препирается с часовым человек в офицерской шинели. На щегольских сапогах при каждом движении офицера звенят колесики шпор.

— Отставить! — спокойно командует Белышев. — Возьмите полтоном ниже. Чего орете?

Офицер, побагровев, на некоторое время теряет дар речи.

— Зачем пожаловали? — интересуется Белышев.

— Имею поручение министра вручить письменный приказ командиру крейсера «Аврора».

— О чем?

— А вы кто такой? — осведомляется адъютант.

Глаза Белышева блестят вызовом.

— Председатель судового комитета.

Адъютант усмехается.

— Насколько мне известно, министр не утверждал такую должность ни для «Авроры», ни для других кораблей.

— Революция утверждает, не спрашивая позволения у министров Временного правительства. Давайте приказ!

— Только лично командиру!
— Ладно... Товарищ рассыльный!
Из толпы моряков выступает молодой матрос.
— Зови командира наверх.

Рассыльный бегом устремляется к тамбуру.

Тем временем адъютант пристально рассматривает моряков и корабль.

— Полюбуйтесь, полюбуйтесь, — поняв его мысли, с подчеркнутым радушием предлагает Липатов. — До чего верно пишут кадетские газетки, до чего правильно!.. Какая непролазная грязь, ай-ай... — Он показывает на палубу, на которой ни соринки, на приятную глазу чистоту надстроек и затянутых чехлами орудий. — И убедитесь, будьте любезны, какие же мы оборванцы!.. — Он обводит размашистым жестом моряков, стоящих в застегнутых на все пуговицы бушлатах, и, придвигаясь к адъютанту, возмущенно спрашивает: — Почему вы позволяете всякой шпане семь месяцев брехать про нас?

Адъютант молчит.

— Эге, приятель, здоро́во! — приветствует его, продираясь сквозь толпу, машинист Бабин. — Неужели не признал?

Напыщенная физиономия адъютанта сереет.

— Вспомнил?.. То-то.

Бабин объясняет команде:

— Он же на побегушках у главноуговаривающего был, когда мы караул в Зимнем несли.

— Это когда Корнилов на Петроград наступал? — уточняет Липатов.

— Во-во! — подхватывает Бабин. — Как заступила наша смена, развожу я братву по их постам, вдруг из кабинета сам Керенский выгребает: взгляд орлиный, рука между пуговицами френча просунута. Наполеон!.. С ним адъютант, вот этот...

— Послушайте! — Адъютант повышает голос до крика. — Господин комитетчик, прикажите матросам с должным уважением относиться к министру-председателю!

Белышев предельно вежлив.

— Ничего особенного товарищ не сказал. Напрасно горячитесь.

— Досказывай, Бабин, — просит Захаров. — Очень любопытно знать, об чем ты с Керенским толковал?

Моряки хором присоединяются к старшине, хотя не однажды слышали рассказ машиниста.

— Увидал нас министр, — невозмутимо повествует Бабин, — заулыбался, будто потерянное счастье нашел. За ручку поздоровался с каждым и давай языком горох молотить... Чего только не наговорил!.. Всегда, мол, другом был морякам. А потом закручинился: «Почему, — спрашивает, — охраняете меня, а поддерживаете большевиков?» Вижу в его глазах ехидство: вроде положил нас на обе лопатки. И такое зло меня разобрало, брякнул напрямик: «Потому,—отвечаю,—господин Керенский, чтобы арестовать вас, ежели захотите продать Корнилову трудовой народ!..» Развернулся он на шестнадцать румбов и — полным ходом назад в кабинет...

— Значит, не подружились? — сожалеющим тоном тянет Векшин. — Оплошал ты, браток. Был бы при нем заместо этого адъютанта и пришел бы к нам с приказом... Встретили бы по-свойски... узнал бы тогда кузькину мать! — неожиданно заканчивает он, насмешливо подмигнув на посланца Керенского.

Тот как на иголках...

Спустя минуту из кормового тамбура выходит Эриксон.

Щелкнув шпорами, адъютант представляется и вынимает из-за обшлага пакет.

— Лично вам. Под расписку.

Эриксон приглашает адъютанта в салон.

— Берите приказ, некогда церемонии разводить, — поторапливает Белышев.

Пальцы командира, вздрагивая, надрывают конверт и расправляют бланк.

— Министр приказывает... — Предчувствуя бурю, Эриксон выдавливает из себя слова: — То же самое, что и позавчера... «Авроре» выйти в море на пробу машин и, произведя ее, следовать в Або в распоряжение начальника второй бригады крейсеров.

— Ишь ты! — изумляется Захаров. — Хитро задумано: чтобы не мешали революцию гробить! Так, гражданин адъютант?

Последний, не удостоив его ответом, запугивает Эриксона:

— Министр предупреждает вас, что попытка задержать выход крейсера будет рассматриваться как измена. Последствия вам известны.

На лице Эриксона выражение мученика: словно его донимает зубная боль.

— Господин адъютант, я бессилен. Команда не подчиняется мне.

Белышев строго поправляет:

— Не совсем так. Команда не подчинится вам только в том случае, если вы вздумаете плясать под дудку Временного правительства и настаивать на выходе из Петрограда, а пока вы будете выполнять указания Центробалта, для каждого из нас ваше слово — закон.

— То-есть команда «Авроры» отказывается подчиняться министру? — запальчиво спрашивает адъютант.

— Не одному ему, — попрежнему спокойно уточняет Белышев. — Просто авроровцы не признают Временного правительства. Мы следуем указаниям Центробалта, о чем и передайте.

— И передам! — угрожает адъютант, натягивая перчатку. — С вами будет поступлено как с изменниками!

Многоголосое ворчание проносится над палубой.

— Вытряхайся! — кричит разгневанный комендор Огнев. — Катись... к господину Керенскому!

Моряки сплошной стеной прижимают адъютанта к трапу, готовые разделаться с ним за оскорбление.

Эриксон, улучив момент, исчезает в будке тамбура.

— Стоп, товарищи! — властно произносит Белышев. — Не обращайте внимания. Собака лает, ветер носит... Вон с корабля, господин адъютант! Скажите своему министру, что скоро разберемся насчет изменников!

Звон шпор удаляется. Длинный нескладный посланец Керенского поспешно пересекает заводской двор и скрывается за калиткой сбоку главного входа.

Посмеиваясь, моряки возвращаются в жилые палубы.

— Братва! Председатель! — тревожно окликают с юта.

Белышев стремительно оборачивается.

Часовой, подавшись к входному трапу, указывает в сторону заводских ворот.

Их створки медленно расходятся.

Одна за другой в просвете ворот выплывают зеленые громады двух броневиков.

— Про запас эти штучки держал, не иначе, — догадывается Липатов. — Застращать хочет.

— Живо по кубрикам! Всех в ружье! — не сводя глаз с броневиков, командует Белышев. — Часовые, к офицерскому тамбуру! Не выпускать никого из благородий!

И он, вытащив маузер, взбегает на кормовой мостик.

Переваливаясь на земляных буграх, броневики ползут через двор и останавливаются возле причала напротив «Авроры».

Круглая крышка башенки ближайшей машины откидывается. Над люком встает юнкер в кожаной фуражке и кожаной куртке, перетянутой ремнями новенькой портупеи. Юнкер молод и наряден.

Сложив ладони рупором и явно рисуясь, он по складам выкрикивает:

— Эй, комитетчики!

Белышев откликается в мегафон:

— Что прикажете, господин юнкер?

— Приказываю отчалить и ехать, куда назначено! Даю четверть часа.

На палубе раздается смех.

— Ездят пассажиры вроде тебя! — кричит матрос Шевченко.

Несмотря на серьезность положения, Белышев не может сдержать улыбку: юнкер уморительно несведущ в морской терминологии и в сроках отплытия. Для выхода крейсера из заводской гавани надо потратить не менее часа, и то при помощи буксирных судов.

— Может, подкинешь минут с десяток? — в шутку просят с палубы.

Юнкер сердится.

— Чтобы через четверть часа вашего духу здесь не было!

Став у крыла мостика, Белышев оценивает обстановку. Всюду, — за выступами тамбуров, башнями ору-

дий, надстройками, раструбами вентиляторов,— примостились вооруженные моряки.

— Эй, ты, франт! — гулко зовет Белышев, наведя мегафон на юнкера.— Даем тебе и твоим приятелям пять минут, чтобы выгребли за ворота!

Юнкер мигом исчезает в люке. Резко захлопывается крышка.

Башенки обоих броневиков плавно вращаются и вновь замирают. Их пулеметы нацелены на палубу крейсера.

— Кормовые! — разносится над причалом голос Белышева.— Прицел по господам юнкерам!

Мягко шуршат, спадая на палубу, чехлы. Стволы скорострельных пушек поворачиваются к причалу.

Молчаливая дуэль на выдержку длится меньше минуты. Затем Белышев опять прикладывается к мегафону:

— Господа юнкерье! Предлагаю вам через четыре минуты очутиться у Калинкина моста! Если не возражаете, выкиньте белый флаг!

Крышка башенки головного броневика чуть приподымается. Из люка высовывается, размахивая носовым платком, рука в перчатке.

— Ай да молодцы!— хвалит Белышев.— Ну-ка, марш со двора!

Пятясь, обе машины подаются в глубь заводской площадки и, взвыв сиренами, полным ходом мчатся к воротам.

Комиссар, пряча маузер, сходит с мостика.

— Без угощения обошлось. В другой раз не сунутся... Ты чего, Евдоким? Еще рано смеяться, — укоризненно говорит он комендору.

— Да я об чем... Орудья наши вовсе без снарядов-то! Вхолостую заряжены!..

Громовой хохот долго перекатывается по отсекам и палубам.

* * *

Под вечер буксирные катера швартуют к борту крейсера баржу со снарядами, приведенную из Кронштадта.

Начинается погрузка.

ВЫХОД НА ФАРВАТЕР

...На воду
сумрак
похож и так,—
бездонна
синяя прорва.
А тут
еще,
и виденьем кита,
туша Авророва.

В. Маяковский

К полночи крейсер в полной боевой готовности. Перегрузка необходимого количества снарядов с баржи в корабельные погреба закончена. Курьезная попытка Временного правительства припугнуть моряков броневиками и вынудить команду увести «Аврору» из Петрограда сорвалась, но не исключено, что Керенский осмелится на серьезную провокацию. Моряки держатся на-чеку. Удвоены караулы на крейсере и на ошвартованном неподалеку от него тральщике «Пятнадцатый», дополнительно выставлены посты возле причала и главных ворот, а за воротами — у сквера напротив пожарной части и у Калинкина моста — расхаживают патрули из матросов и рабочих.

Война между народом и Временным правительством вступила в последнюю фазу. Об этом точно извещает третье предписание Военно-революционного комитета, принесенное связным из Смольного около полуночи. Оно адресовано комиссару.

Подозвав к себе членов судового комитета, Белышев знакомит их с предписанием.

Текст предписания таков:

«Комиссару Военно-революционного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов на крейсере «Аврора».

Военно-революционный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов постановил: поручить вам всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами восстановить движение по Николаевскому мосту».

— Временное правительство приказало юнкерам развести все мосты на Неве,— рассказывает связной.— Николаевский, Дворцовый, Троицкий и Литейный уже

разведены. Понимаешь, комиссар, что задумал Керенский?.. Отрезать заводских, чтобы ни один красногвардейский отряд в центр не попал!

— Давайте мне человек двадцать, — вызывается Лукичев. — Выбьем юнкеров с Николаевского моста.

Белышев не согласен.

— Наобум нечего соваться. Кто знает, сколько у моста юнкеришек. Пошлем двадцать, наверняка мало, пошлем сто двадцать, а вдруг тоже маловато? Всех послать? Что будем делать, если корниловцы сюда нагрянут?.. Нет, люди необходимы на корабле. Рисковать «Авророй» никак нельзя. Надо итти вместе с кораблем. В Неву. Нацелить орудия на мост и под их прицелом атаковать и вышибить юнкеров.

Члены судового комитета размышляют.

— Кто поведет? — сомневается Белоусов. — Это ведь крейсер, а не шлюпка. Сноровка нужна, чтобы такой махиной управлять на ходу.

— А для чего офицеры на корабле? — раздраженно восклицает Векшин. — С февраля даром хлеб едят. Они и поведут. Я за то, чтобы итти к мосту.

Липатов, Захаров и Неволин присоединяются к Векшину.

— Разведку на берег все-таки послать не мешает, — настаивает Лукичев.

— Когда войдем в Неву, то на обе стороны пошлем — на Васильевский остров и на Английскую набережную, — обещает Белышев. — Что же, договорились: идем к мосту. Готовьте людей. Пусть поднимают пары и прогревают машины. Это берите на себя вы трое — Белоусов, Неволин и Лукичев. Прожектор нам непременно понадобится, так что, Векшин, оповести электриков. Остальные — рулевая вахта, комендоры, сигнальщики, буксирные пароходы и господа офицеры — за нами: за Липатовым, Захаровым и мной. Кончили разговор!..

* * *

В час ночи пары подняты, машины прогреты. Комендоры, электрики, рулевые давно на своих местах. Корабль готов к плаванию, но выход неожиданно затягивается из-за отказа командира и остальных офицеров подчиниться решению судового комитета. В последний момент Эриксон заявил комиссару, что осадка не только

не позволит крейсеру достигнуть Николаевского моста, но помешает даже войти в Неву.

— За время войны фарватер реки ни разу не углублялся, — объясняет командир причину отказа. — Подлинные глубины неведомы, корабль может сесть на мель.

Довод, выставленный Эриксоном, серьезный. Формально командир прав, на самом же деле, — моряки отлично понимают это,— он хитрит, не желая вести корабль в Неву.

Комиссар снова созывает судовой комитет.

— Как быть?

— Надо сделать промер, — предлагает секретарь судового комитета Сергей Захаров.

— Чем? — желчно бурчит Векшин. — Катера в отлучке, у Смольного. А на шлюпке до утра проканителимся.

— До утра — не до утра, но час потеряем, — сокрушается Липатов.

— Так не будем терять время. Дайте шлюпку, фонарь, лист бумаги и четырех гребцов, — просит старшина. — Берусь промерить фарватер ручным лотом.

Белышев колеблется.

— Рискованно, Сергей. Приметят юнкера на мосту, снимут пулей.

— Постараюсь, чтобы не сняли. Прикажи, комиссар, спустить шлюпку,— сердито повторяет Захаров.— Каждая минута дорога.

Он напяливает бушлат, поднимает воротник и, нахлобучив бескозырку, покидает помещение.

Долгие полтора часа Белышев и почти вся команда, за исключением вахтенных в машинном и котельном отделениях, стынут на верхней палубе под холодным дождем, вглядываясь в ночной мрак, поглотивший шлюпку, и с тревогой прислушиваясь к частым хлопкам ружейных выстрелов где-то в стороне Невы.

Наконец, раздается радостный голос Липатова:

— Шлюпка!

В ответ мигает электрический фонарик.

Десятки рук подхватывают старшину и втаскивают на палубу.

Вскоре Захаров, промокший насквозь, дрожащий от холода и возбуждения, стоит посреди машинного кубрика и протягивает Белышеву лист с чертежом.

— Полный порядок! Глубины вполне нормальные для «Авроры». Даже с запасом.

Окрыленный Белышев спешит в кают-компанию, где сидят, забыв про сон, офицеры и командир.

— За вами слово, граждане.

Он кладет мокрый лист на стол.

— Вот промер. Смело можем итти до самого моста.

Серые лица офицеров насуплены.

Эриксон тихо спрашивает:

— Для чего корабль пойдет к мосту?

— Так я же информировал вас... Юнкера вздумали развести мост, а Военно-революционный комитет предписал нам — крейсеру «Аврора» — всеми средствами восстановить движение.

— Собираетесь стрелять по Зимнему? — попрежнему тихо интересуется Эриксон.

— Об этом загадывать не стоит, — подумав, отвечает Белышев. — Если Военно-революционный комитет прикажет, будем стрелять и по Зимнему... пока Временное правительство не сдастся.

— Иначе говоря, большевики затевают гражданскую войну и предлагают нам принять в ней участие! — негодует Эриксон.

— Эге, куда загнули! — несколько опешив, удивляется комиссар. — Кто развел Николаевский мост — большевики или господа юнкера?.. Большевики требуют: власть Советам, землю и заводы — трудящимся, мир — народам! Так хочет весь народ, а Керенский и те, кто за него, — капиталисты с помещиками — не хотят этого. Значит, надо прогнать их от власти.

— Напрасно агитируете! — нервничает командир. — Ставлю вас в известность от имени всех без исключения офицеров крейсера «Аврора»: мы наотрез отказываемся вести корабль к Николаевскому мосту. В гражданской войне участвовать не желаем! Мы ни за большевиков, ни за Керенского, а за Россию!

— Так ли? — резко прерывает Белышев, глядя в глаза Эриксону. — Россия — это народ, а мы — большевики — с народом. Народ верит нам, а не Керенскому!

— Мы держим нейтралитет, — стоит на своем командир.

— Хотите выждать, чья возьмет?.. Это ваше последнее слово?

— Да!

— Ладно... Часовые! — всердцах кричит комиссар, хватая лист с чертежом и сворачивая его в трубку.

В просвете дверей показываются фигуры двух вооруженных матросов.

— Никого не выпускать из кают-компании и не подпускать к иллюминаторам. Иллюминаторы задраить на броневые крышки.

Повернувшись к сидящим офицерам и уже овладев собой, он жестко договаривает:

— Эх вы, нейтральные!.. Даже определиться не умеете, а еще считаете себя моряками! Подумайте хорошенько, что скажу вам напоследок: или с народом или против народа. Одно из двух. Третьего нет.

Досказав, он поднимается на верхнюю палубу

— Вот комиссар! — кричат отовсюду.

Навстречу ему, окруженные членами судового комитета, идут незнакомый матрос и пожилой бородатый солдат.

— Распоряжением Военно-революционного комитета второй батальон Кексгольмского полка выделен в помощь «Авроре», — рапортует солдат.

— А я из Второго Балтийского экипажа,— представляется матрос. — Из штаба левого сектора, от Чудновского. Для связи. Получили предписание итти к Николаевскому мосту?

Белышев утвердительно кивает:

— Получили. Только обмозгуем, как вывести «Аврору»... Наши офицеры вроде забастовки устроили.

— Им воспитание не позволяет,— иронически откликается бородатый кексгольмец.

— Заставим! — ярится Векшин. — Дайте-ка, я с ними по душам поговорю!..

Он извлекает револьвер.

— Не пугай, они и так напуганы, как мешком из-за угла прибиты, — останавливает Захаров. — Сами доведем, вот увидишь. Не господа рулевую вахту несут, а матросы. Ставлю самых лучших. Согласен, комиссар?

— Действуй, Сергей, — разрешает Белышев.

— Нашему батальону что делать? — напоминает кексгольмец.

— Что?.. Выводите людей на Английскую набережную. Мы наведем орудия на юнкеров, а вы должны прогнать их от моста.

— Одним словом, — заключает связной, — доложу так: только «Аврора» в Неву, кексгольмцы — к мосту. Пошли, пехота!

Оба посланца покидают корабль.

— По местам стоять! — зычно командует старшина.— Со швартовов сниматься! Передать на «Пятнадцатый»! Пусть вытягивается из ковша сейчас же за нами!

Заливаются дудки боцманов, слышится топот ног, перекликаются матросы на буксирных пароходах, которые должны вывести крейсер из заводской гавани. Все происходит, как всегда при отплытии.

Белышев, Липатов и Захаров поднимаются на командный мостик. Впервые в жизни им предстоит самостоятельно вести корабль, да еще в беспросветной темноте октябрьской ночи по извилистому фарватеру узкой Невы. Каждая секунда движения грозит аварией, но другого выхода нет. Предписание Военно-революционного комитета моряки «Авроры» обязаны выполнить до конца.

Таковы мысли Белышева и всех, кто рядом с ним на мостике.

Мелодично тренькает звонок машинного телеграфа. Это старшина перевел ручку указателя хода на «малый вперед». Тотчас слышится ответный звонок, подтверждающий, что приказ понят и что механизмы в машинном отделении приведены в действие.

Два буксирных парохода помогают крейсеру выбраться на невидимый фарватер Невы. Следом ползет тральщик.

Замерев, комиссар прислушивается к словам старшины.

Звонким от напряжения голосом Захаров указывает курс матросу, стоящему у штурвала.

Кто-то настойчиво окликает Белышева:

— Комиссар!.. Председатель!..

На верхней ступеньке трапа возникает силуэт человека с винтовкой.

Белышев узнает одного из часовых, приставленных к офицерам.

— Почему самовольно ушел с поста?

— Дмитриев их на мушке держит, — оправдывается матрос. — Некого было послать до тебя. А командиру чего-то приспичило. Вынь да представь комиссара.

Сжав кулаки, рассерженный Белышев делает шаг к трапу.

— Передай ему... Два раза я упрашивал, в третий не стану. Скажи: некогда. Корабль снялся. Хотя, может быть, он передумал... Ладно, веди сюда.

Чуть погодя на мостик взбирается сопровождаемый конвоиром Эриксон.

— Я согласен довести корабль.

— Значит, разобрались? — любопытствует Белышев.

— Веду по необходимости, — сухо роняет Эриксон.— Не могу допустить, чтобы «Аврора» села на мель. Предупреждаю вас: веду только до моста. Ничего больше делать не буду.

— Ладно, ладно... Утро вечера мудренее.

Расстегнув кобуру маузера, Белышев занимает место возле командира.

Медленно пробираясь сквозь ночные потемки и дождь, крейсер выходит на невский фарватер.

* * *

В предрассветной мгле «Аврора» становится на якорь перед Николаевским мостом. Луч ее прожектора ползет вдоль берега, выхватывая из тьмы фигурки юнкеров и броневик, словно уснувший у входа на мост.

С высоты мостика хорошо видно: юнкера наперегонки бегут по набережной к переулкам, а броневик срывается с места и полным ходом мчится к далекому зданию Сената. Враги не принимают боя. В луче прожектора выступают из мглы фасады зданий на обоих берегах, огромный куб Зимнего дворца.

Туда и нацелены пушки «Авроры».

У НИКОЛАЕВСКОГО МОСТА

А из-за Николаевского
чугунного моста,
как смерть,
глядит
неласковая
Аврорьих
башен
сталь.

В. Маяковский

Рассвет долог. Свежий ветер не в силах развеять плотный туман. Сквозь толщу тумана и нескончаемые сумерки ненастного октябрьского утра поверхность реки невидима. Николаевский мост, перегораживая Неву перед «Авророй», выглядит горбатым чудищем, повисшим в пространстве без всякой опоры. Луч корабельного прожектора теряется в серой мгле. Сверля ее, он не может удержаться на месте: то взвивается под низкие дождевые тучи; то плашмя падает на отполированные осенней слякотью гранитные плиты Английской и Сенатской набережных, на бесконечно длинный фасад Зимнего дворца; то круглым дрожащим пятнышком перемещается по Дворцовому мосту к Ростральным колоннам, на Васильевский остров; то вытягивается желтой дорожкой вдоль Университетской набережной и, постепенно укорачиваясь, ползет к блестящим от дождя древним сфинксам, словно несущим бессменную вахту возле Николаевского моста.

На исходе восьмой час, но дневной свет никак не поборет мглу, окружающую крейсер. Время будто остановилось. Будто всей жизни нехватит, чтобы дождаться рассвета. Ночь кажется бесконечной. Мокнут под непрестанным дождем на пронизывающем штормовом ветру комиссар и его помощники на мостике, люди орудийных расчетов на баке и на корме, электрики на марсовой площадке у прожектора. Никто, даже те, кто свободен от вахты, не смыкает глаз. Бодрствуют все, хотя ночь проведена без сна. Везде — в кубриках и коридорах жилых палуб — слышен говор сотен людей. Авроровцы наготове: бушлаты застегнуты, винтовки в руках или положены рядом. Желтеют надетые поверх бушлатов ленты с патронами, блестят штыки и стволы винтовок, сверкают глаза, в которых один вопрос: скоро ли?.. Каждый на-

электризован собственной решимостью, окрылен первым успехом.

Первый успех значителен. Появление крейсера у Николаевского моста свело на-нет маневр Керенского, приказавшего развести мосты, и обеспечило выгодную позицию на реке в центре столицы. Предписание Военно-революционного комитета выполнено моряками «Авроры» в три часа тридцать минут утра. Как только юнкера, завидев крейсер, бежали в темень, группа корабельных электриков съехала в шлюпке на берег и своими силами привела в действие механизмы разводной части моста. В тот же момент, едва пролет стал на место, с Васильевского острова — навстречу кексгольмцам и морякам Второго Балтийского флотского экипажа — хлынули отряды красногвардейцев Балтийского судостроительного завода, солдаты Финляндского резервного и сто восьмидесятого пехотных полков. Соединясь, они двинулись в центр города. Многие из команды крейсера хотели последовать их примеру, но Белышев именем Военно-революционного комитета запретил покидать корабль. Всем без исключения. Кроме Лукичева. Тот переправлен через Неву и окольными путями ушел в Смольный: доложить, что крейсер «Аврора» держит Зимний дворец под прицелом шестидюймовых орудий.

А время не ждет.

* * *

Четырежды звенит двойными ударами корабельный колокол: восемь часов.

Оставив на мостике Липатова и Захарова, комиссар спускается вниз и, откинув капюшон плаща, неторопливо шагает через отсеки жилых палуб. Приятно побыть в тепле после ночи напролет на ветру под дождем. Озябшее тело, согреваясь, вздрагивает, пытливый взгляд Белышева скользит, не задерживаясь, мимо ответных взглядов — угрюмых, приветливо улыбчивых, выжидательных, — отыскивая знакомые лица машинистов Бабина и Фотеева.

— Берите по десять человек и разведайте, что у Зимнего. Фотеев, иди по Конногвардейскому бульвару к Исаакию. Бабин, ступай к Адмиралтейству по набережной. На рожон не лезьте, но ежели юнкера и прочие корниловцы заденут, спуску не давать!

— Не сомневайся, — заверяет Бабин.— Сумеем представиться: мы с «Авроры»!

Отобрав двадцать человек из массы желающих итти в разведку, машинисты уводят их на верхнюю палубу, к трапу, возле которого покачиваются на волнах спущенные с корабля шлюпки.

Белышев продолжает обход помещений. Обостренный слух ловит обрывки разговоров. Их заглушает громкий, от всей души, смех в кубрике артиллеристов.

Никто внутри кубрика не замечает подошедшего к просвету двери комиссара. Смеющиеся артиллеристы плотным кольцом сидят и стоят вокруг дюжего комендора Евдокима Огнева и его закадычного приятеля Лариона Гурдина.

— Другая сказка про то,— оглядясь и лукаво подмигнув Белышеву, объявляет Гурдин, — как Евдоким в господа попал... Дело было на острове Крите в Средиземном море. Зазвали Евдокима в гости на французский крейсер ихние матросы. Угостили по-свойски, разговор завели о матросской жизни, забыли про время. А никто на «Авроре» не знал, что Евдоким на французском крейсере. Думали, на берегу загулял... Мы гадаем — куда запропал дружок, а тут, откуда ни возьмись, летит по бухте паровой катер под французским флагом. И держит курс к правому, парадному трапу, спущенному для офицеров и адмиралов. Так и есть, французское начальство к нашему с визитом жалует. Порядок на этот счет известный. Сигнальщики доложили вахтенному начальнику. Вахтенный начальник вызвал караул наверх — гостей встречать. Потом послал рассыльного, чтобы предупредил командира, а сам стал у трапа, руку под козырек и замер, как стойку сделал... Вылазит из французского катера — кто?.. Комендор Евдоким Огнев. Честь отдает по всем правилам. А вахтенный начальник гонит его: «Проходи, матрос, проходи!..» И сам под крышу катера норовит заглянуть: где же французское начальство?.. Тогда Евдоким набрался духу и отрапортовал во весь голос, как в иерихонскую трубу подул: «Ваше благородие! Да это меня французики привезли...» Что тут было — ни пером описать, ни в сказке рассказать...

Артиллеристы дружно хохочут.

— Какая же это сказка? — смеется, проталкиваясь внутрь кубрика, Белышев.

— Называется сказкой, потому что нашему брату в господа попасть можно только в сказке или по ошибке,— растолковывает Гурдин.

— Вот погодите, — басит Огнев, — вытряхнем господ и сами себе господа будем.

Улыбки на лицах артиллеристов сменяются суровой решимостью. Взгляды обращены на Белышева: скоро ли?..

— Чего же годить? — недоумевает комендор Минеев. — Когда выступим?

— А разве мы не выступили? — в свою очередь спрашивает Белышев. — Чем плоха позиция для пушек? Или боитесь промахнуться по Зимнему?

— Отсюда?.. Как-нибудь не промажем, — бормочет Огнев. — Только прикажи, комиссар.

— Не я приказываю, а Военно-революционный комитет. Лукичев послан в Смольный. Обернется и скажет, что приказано «Авроре».

Гурдин вздыхает.

— Скорее бы...

Оглушительное дребезжанье сигнального звонка, называемого колоколом громкого боя, пронизывает весь корабль.

Теперь разговаривать некогда.

Вслед за Белышевым, на ходу заряжая винтовки, обгоняя друг друга, моряки торопятся на верхнюю палубу.

Все еще только рассветает. Тусклый октябрьский день занимается над Невой и фасадами зданий на гранитных набережных. Мост и набережные пустынны. Ветер гонит по свинцовой поверхности реки грязно-рыжие барашки зыби.

Комиссар осматривается и, не увидев ничего угрожающего, спешит на мостик, чтобы узнать причину боевой тревоги.

Колокол громкого боя звучит, не умолкая. Он зовет моряков к орудиям, к пулеметам, на боевые посты.

— Гляди, комиссар!

Захаров протягивает руку в сторону устья, где возвышаются в тумане корпуса цехов, стапельные площадки с недостроенными кораблями и напоминающие исполинских аистов с опущенными клювами краны Балтийского завода.

На фоне цехов движутся по Неве, курсом на мост, пять продолговатых пятен.

...С миноносцев и минных заградителей на берег устремляется поток людей в черных бушлатах. Длинной цепью десант растягивается вдоль набережной от Николаевского к Дворцовому мосту

С карт. худ. Жабо „Высадка десанта моряков перед штурмом Зимнего дворца"

— Миноносцы! — опознает Липатов. — Чьи? Керенского или наши?

— Держи карман шире, — саркастически говорит Захаров. — Когда балтийцы за Керенского были?!

Белышев хватается за бинокль. Отчетливо различимы приземистые миноносцы и высокобортные минные заградители. Вздымая буруны на реке и отбрасывая их к гранитным берегам, корабли идут против течения.

— «Прозорливый»!— читает Белышев название головного миноносца.— За ним заградитель «Хопер». Третьим — «Прочный». Четвертым — минзаг «Амур». Концевым — «Рьяный»! Из Кронштадта. Наши! Отставить боевую тревогу!

Один за другим корабли приближаются к Николаевскому мосту. Их палубы переполнены вооруженными моряками, под гафелями развеваются красные флаги, а на стенах боевых рубок и между мачтами протянуты кумачевые полотнища с огромными буквами самого популярного лозунга:

ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ!

Замедлив ход, корабли разворачиваются возле крейсера и поочередно швартуются к Английской набережной: сперва к стенке пристает «Прозорливый», затем минные заградители и остальные миноносцы.

С крайнего корабля выводят за борт шлюпбалки. Несколько моряков прыгают в шлюпку и гребут через Неву к «Авроре».

Белышев сходит к парадному трапу, чтобы встретить гостей.

Из шлюпки выбирается на трап и легко взбегает на палубу крейсера высокий моряк. На его приплюснутой, плоской, как блин, бескозырке название линейного корабля Балтийского флота: «Заря Свободы». У пояса — маузер. Сапоги скрипят, воротник бушлата поднят для защиты от дождя. Лицо молодо, скуласто, в глазах — озабоченность, решимость, уверенность.

Моряк, что есть силы, трясет руки Белышева и всех, кто стоит возле трапа.

— Не опоздали? — беспокоится он. — Мы из машин выжали все до капельки!

— В самый раз подоспели,— деловито информирует Белышев. — Началось намедни, однако дела хватит и для вас и для нас.

— А вы чего не в городе?

Белышев проводит рукой прямую линию от бакового орудия до Зимнего дворца.

— Взяли на мушку временных министров.

— Ясно, — усмехается гость. — Это и есть квартира Керенского?.. Выкурим лису из медвежьего логова!.. Надеемся на аврорины пушки. Нам приказ еще в Кронштадте передали: оцепить Зимний.

— Держите связь с нами, — рекомендует комиссар.— От нас послан человек в Смольный и два отряда на разведку.

— Ага. В таком случае выделю связных.

Кронштадтец козыряет и возвращается в шлюпку.

Множество глаз наблюдает за ней, пока она пересекает Неву. Еще с полпути кронштадтец, сняв бескозырку, семафорит на миноносцы.

— Десант на берег! — следя за взмахами рук человека в шлюпке, объявляет значение семафора сигнальщик Ведякин.

С борта «Авроры» видно: с миноносцев и минных заградителей на берег устремляется поток людей в черных бушлатах. Длинной цепью десант растягивается вдоль набережной от Николаевского к Дворцовому мосту.

— Ну, держись за что придется, Керенский! — торжествуя, восклицают на палубе.

— Пошли, братишки!— с одобрением и нескрываемой завистью произносит матрос Шевченко. — Эх, и нам бы, да с ними! Уважь, комиссар!

Моряки выжидательно глядят на Белышева.

Комиссар непреклонен.

— Не раньше, чем вернется Лукичев. А пока... всем, кто не на вахте, — вниз! Разойтись по своим кубрикам! Быть в готовности!

Он снова взбирается на мостик, нахлобучивает капюшон плаща-дождевика и, став рядом с Липатовым и Захаровым, втайне волнуясь, неотрывно смотрит в туманную мглу за мостом, откуда должен притти Лукичев.

Ненастный день 25 октября занялся над взлохмаченной штормовым ветром ржавой Невой, над повитыми туманом аристократическими особняками набережных, над цехами и кружевными подъемными кранами Балтийского судостроительного завода, над серыми корпусами кораблей у Николаевского моста. В дождевой пелене тускло

отсвечивают штыки на сотнях винтовок десантного отряда, уходящего к Дворцовому мосту; обнаженные стволы орудий крейсера глядят в сторону Зимнего дворца, в лабиринте которого, в одной из тысячи ста комнат укрылись министры Временного правительства. Черными изваяниями застыли комендоры у пушек, часовые у трапа, комиссар и его помощники на мостике.

Моряки «Авроры» ждут приказа.

ВЫСТРЕЛ С НЕВЫ

...А поверху —
город
как будто
взорван —
Бабахнула
шестидюймовка Авророва.
В. Маяковский

Лукичев возвращается только в полдень.

— Военно-революционный комитет приказал передать вот что, — докладывает он, войдя на мостик. — Первое: выделить несколько небольших отрядов и время от времени посылать их на разведку в центр и к Зимнему. Второе: ввести непрерывную вахту на корабельной радиостанции. Третье: отрядить пятьдесят человек для охраны Смольного. Комендантом туда назначен Мальков с «Дианы».

— Мой годок, — обрадованно заявляет Захаров. — Из экипажа на бригаду вместе были назначены в одиннадцатом году. Твердый человек. Серьезный.

— Два наших отряда уже на берегу. Хорошо, пошлем еще два, — говорит Белышев. — А для Смольного назначит Липатов. У него список строевых. Действуй, Тимофей.

— Сейчас выделю.

Липатов достает из кармана бушлата лист бумаги, с двух сторон испещренный фамилиями моряков.

— Кого видел? — интересуется Белышев.

Лицо Лукичева сияет:

— Самого Ленина — вот кого!

Моряки теснее сдвигаются вокруг машиниста.

— Погоди, погоди, какой он? — расспрашивает Липатов. — Такой невысокий, с бородкой и усами, в штатском... Он или не он?

В глазах Лукичева изумление.

— Невысокий, с меня ростом,— верно; в штатском — тоже верно. Однако без бороды и усов.

— Так то не Ленин, — заявляет Липатов. — Я же его на совещании военных представителей в июне видел и на балконе дворца Кшесинской в июле, перед демонстрацией, когда он речь произносил. Издалека, правда, но запомнил.

— Ишь, как обознался ты, Микола, — разочарованно тянет Захаров.

— Ничуть не обознался! — обижается Лукичев. — Своими ушами слыхал его фамилию.

— Расскажи толком, — советует Белышев. — Где ты видел Ленина?

— В Смольном! Прихожу, а там народу еще гуще, чем позавчера, когда мы с тобой к Свердлову являлись. В нижнем этаже и в коридорах не протолкаться. Ордера на винтовки выдают, по сто пятьдесят штук на каждый завод. В семнадцатой комнате никого нет, хотя часовой стоит. Спросил у него, где Военно-революционный комитет. Дал мне другой адрес: комната номер десять. Иду, номера считаю на дверях в коридоре, а навстречу спешит один человек. Поравнялся, прищурился, глянул пронзительными глазами, будто в душу заглянул, и спрашивает: «Вы кого ищете, товарищ?» Голос приветливый, но букву «эр» не так выговаривает, как все. Малость картавит. Не знаю почему, а только высказал я одним духом, что моряки «Авроры» выполнили предписание Военно-революционного комитета и ждут указаний, что делать дальше. «Очень хорошо, очень хорошо, — быстро отвечает он. — Расскажите об этом товарищам в комитете. Они в десятой комнате». Показал мне, где комната номер десять, и хотел итти своей дорогой, однако из-за угла на него какой-то соглашатель в очках наскочил и орет: «Вы рассчитываете и опираетесь на штыки, господин Ленин!» Тут я к месту прирос. Выходит, это и есть Ленин?! Стою и жду: что он скажет... Гляжу, Ленин поглаживает свой громадный лоб, хитро щурится и кладет того соглашателя, который с буржуями полюбовно захотел столковаться, кладет его на обе лопатки... Помню слово в слово: «Не большевики, но весь народ штыками будет защищать завоевания революции...» Повернулся и пошел по коридору, а я смотрю

и смотрю вслед ему... Однако ни бороды, ни усов не было у Ленина.

— Как же так? — недоумевает озадаченный Липатов.

— Очень просто, — догадывается Белышев. — Он же сколько месяцев от шпиков скрывался! Наверно, сбрил бороду и усы, чтобы по ним не опознали.

— А что в городе? — любопытствует Захаров.

— На Невском — тьма-тьмущая. Господа, ихние барышни и дамочки, всякие корниловцы. Жужжат, будто осы, которым в гнездо палку воткнули. Броневики туда-сюда ездят. И наши и Керенского. На мосту у Мойки наш Бабин и патруль из кронштадтского отряда какую-то делегацию из городской думы назад повернули. Душ двадцать господ. С зонтиками. Хотели на «Аврору» пройти, чтобы уговорить нас слушаться Керенского. Бабин показал этим господам на свою бескозырку. «Грамотные? — спрашивает. — Прочли, что здесь написано?.. А если прочли, должны понимать, что говорю с вами от лица команды крейсера «Аврора». Слушайте, что скажу: у нас на корабле такие, как вы, нейтральные соглашатели, под караулом в трюме сидят. Может, за компанию к ним желаете?.. Нет?.. Тогда идите по домам чай пить и не путайтесь под ногами у людей... Кругом марш!..»

— А те? — интересуется Липатов.

— А те, как новобранцы на строевом учении, повернулись кругом, кто слева направо, кто справа налево, и пошли. Обозвали, конечно, Бабина по-всякому, так он в долгу не остался...

— Голос у него подходящий, — смеясь, замечает Белышев. — Еще кого видел?

— Возле Исаакиевской площади, на углу Морской, повстречал Фотеева с отрядом. Орлы! Действуют сообща с красногвардейцами. Заняли вестибюль военной гостиницы «Астория», а в ней полно офицеров и спекулянтов, и не выпускают никого.

— Что же, стеречь нанялись их? — язвит Липатов.

— Пока разберутся, — объясняет Лукичев. — Красногвардейцы у господ документы проверяют и оружие ищут. В одном номере какая-то корниловская гадина пулемет на окне за шторой установила. Нашли.

— Готовь людей для Смольного, Тимофей, — прекращает разговор Белышев. — Я к Алонцеву наведаюсь.

Сойдя с мостика, он идет к радиорубке.

Ее дверь распахнута настежь. В глубине помещения, за столом, заставленным металлическими приборами, примостился на краешке стула, спиной к двери, старший радиотелеграфист Федор Алонцев. Ему очень неудобно сидеть в таком положении, и в другое время он, вне сомнения, давно бы переменил позу, а сейчас, видимо, не до того. Словно не замечая вошедшего комиссара, он одной рукой крепко зажал шнур от наушников, а другой торопливо пишет.

Из-за его плеча Белышев читает прыгающие вкось и вкривь строки радиограммы, которую принимает Алонцев:

«К гражданам России!

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция солдат, рабочих и крестьян!»

Вскочив, Алонцев срывает наушники и оборачивается к Белышеву.

— Прочел, комиссар?.. Ведь это!.. Ведь об этом!.. Дай-ка я тебя обниму, Шура!..

Они троекратно целуются и вместе несут в кубрики, в машинное и котельное отделения, на боевые посты у пулеметов и орудий слова воззвания Военно-революционного комитета, которыми Ленин, как волшебным ключом, открыл людям дверь заветного мира свободы.

Воззвание словно подлило масла в огонь. Многое уже свершилось, многое еще предстоит, а сигнала о выступлении «Авроры» нет и нет. Моряки взбудоражены. Как потом в глаза людям смотреть, когда спросят: «Где же вы были, орлы?» О чем думают комиссар и судовой комитет? Доколе в гляделки играть с Керенским?..

Выждав, пока самые нетерпеливые из команды вволю накричатся, Белышев объявляет приказ Военно-революционного комитета о посылке отряда в Смольный.

— А еще Лукичев расскажет, что видел и слышал в городе. Говори, Николай.

Машинист повторяет рассказ о своем посещении Смольного, о встрече с отрядами Бабина и Фотеева.

Тем временем Белышева дергают за рукав.

— Выйди к трюму, — вполголоса зовет вахтенный из боцманской команды.

— Что-нибудь стряслось? — беспокоится комиссар и настороженно оглядывает помещение.

Никому нет дела до вахтенного. Люди с интересом слушают Лукичева.

Матрос быстро шепчет, наклонясь к Белышеву:

— Полный раздрай у их благородий. Ссорятся. Через вентиляторы каждое слово слыхать... Сидели, сидели, притаясь, и вдруг разругались вдрызг. Чем-то мичман не угодил. Старлейт Эриксон заорал на него: «Мальчишка! Учитесь у старших, как вести себя!» А мичманок в ответ: «Учусь у капитана первого ранга Иванова». Тогда командир обозвал Иванова изменником. Только мичман не полез в карман за словом. «Если, говорит, Иванов изменник, то почему «Аврора» должна поступать под его командование? Ведь нам приказано Керенским выйти на пробу и после нее следовать в Або. В распоряжение начальника второй бригады крейсеров. А как фамилия начальника второй бригады? — И в а н о в...»[1]. Молодец

[1] История капитана 1-го ранга царского флота М. В. Иванова любопытна и весьма поучительна.

Модест Васильевич Иванов, командир крейсера „Россия", перешедший на сторону народа еще в дни Февральской революции 1917 г., принадлежал к небольшому числу тех флотских офицеров, которые заслуженно пользовались уважением и любовью массы рядовых моряков за человеческое отношение к матросу. Поэтому в дни свержения царизма и суровой расправы с его активными приверженцами, когда моряки расправлялись с наиболее реакционными офицерами, известными на флоте своей бесчеловечностью, М. В. Иванов был избран собранием экипажей четырех крейсеров — „Дианы", „России", „Громобоя" и „Авроры" — на должность начальника второй бригады. Монархистски настроенное командование Балтийского флота и Временное правительство предпринимали всяческие попытки, чтобы избавиться от Иванова. Однако популярность последнего среди моряков была такова, что в августе, когда Керенский приказал уволить Иванова в отставку без объяснения причин, команды бригады крейсеров, бригады линкоров и бригады подводных лодок постановили:

мичманок, припер их к стенке. Тут на него все офицеры напустились. Артиллерист кричит: «Молоды, мичман, потому и не разбираетесь! Правительство было вынуждено и обязано удалить «Аврору» из Петрограда. Под каким угодно предлогом. К чорту на кулички, в тартарары, быку на рога!.. Никто из нас не намерен признавать Иванова!..» Дальше я не слушал, за тобой прибежал...

Вслед за вахтенным комиссар незаметно пробирается к выходу из отсека.

* * *

У накрытого брезентом люка, ведущего из батарейной палубы в трюм, нет никого, кроме двух часовых. Они стерегут арестованных офицеров и командира корабля, переведенных из уютной кают-компании в темный трюм по распоряжению судового комитета. Сдвинув бескозырки

„Капитану первого ранга Модесту Иванову предложить остаться начальником бригады, а всякого вместо него назначенного другого выбросить за борт".

М. В. Иванов командовал второй бригадой вплоть до Октябрьской революции. 27 октября (по ст. стилю) он получил телеграмму Центробалта с предложением принять участие в организуемой по указанию В. И. Ленина Верховной Морской коллегии, а 29 октября телеграмму из Петрограда, которая гласила:

„Модесту Иванову. Капитану 1 ранга. Гельсингфорс. Просим немедленно приехать в Петроград в Смольный.

Председатель Совета Народных Комиссаров *В. Ульянов (Ленин)*".

Тотчас сдав бригаду, Иванов поспешил в Петроград. В Смольном его принял В. И. Ленин. Беседа продолжалась полтора часа. 4 ноября Совет Народных Комиссаров утвердил М. В. Иванова председателем Верховной Морской коллегии, а через день, по прямому поручению Владимира Ильича, председатель Верховной Морской коллегии выехал в Гельсингфорс, где находилось командование Балтийским флотом, чтобы убедить офицеров флота работать на пользу советской власти. Поручение было успешно выполнено.

В декабре 1917 года Первый Всероссийский съезд военных моряков, в работах которого участвовал В. И. Ленин, принял постановление:

„За преданность народу и революции, как истинный борец и защитник прав угнетенного народа, производится капитан 1 ранга М. В. Иванов в контр-адмиралы".

Так советская власть, тогда только что упразднившая чины и звания царской армии и флота, волею народа присвоила М. В. Иванову звание первого в советском флоте адмирала. В 1924 г., из-за преклонного возраста, М. В. Иванов вышел в отставку.

набок, часовые прильнули к раструбам вентиляторов, питающих трюм воздухом.

— Послушай, как лаются, — предлагает Белышеву один из часовых. — Мичманок хочет к нам перейти, а командир судом грозит.

Комиссар приникает ухом к раструбу и легко узнает голос мичмана Поленова, самого молодого из офицеров:

— ...ради любопытства. Называется: «Удержат ли большевики государственную власть?» Автор — большевистский вождь Ленин. Точно не помню, но смысл такой: если большевики не дадут себя запугать и сумеют взять власть, тогда не найдется той силы на земле, которая помешала бы им удержать ее до победы всемирной социалистической революции... Всемирной!.. Утопия?.. Не знаю, но убедился в одном: большевики не дают себя запугать и нисколечко не боятся нас. Вдобавок в трюм засадили... Вы как хотите, а я буду проситься из крысиного царства наверх...

— Без пересадки — и в большевистские ораторы! Смотрите, не прогадайте. Прежде чем удержать власть, пусть большевики сначала сумеют взять ее...

— Это Эриксон, — угадывает комиссар и громко приказывает часовым: — Откройте! Сейчас я его обрадую, друга милого-нейтрального...

Часовые сбрасывают брезент с трюмного люка.

— Погоди, комиссар, посвечу.

Наклонясь над квадратным люком, вахтенный опускает в него фонарь-летучку.

В трюме будто вымерли.

Белышев привычно слезает по крутому скобтрапу, прыгает с нижней ступеньки на дощатый настил, неторопливо оглядывает офицеров и, найдя Эриксона, не без иронии говорит:

— Плохая гадалка из вас, гражданин старлейт. Большевики уже взяли власть. Читайте.

Он протягивает ему бланк.

— Читайте вслух!

Запинаясь от удивления, командир оглашает воззвание Военно-революционного комитета.

Комиссар исподлобья наблюдает за офицерами.

Эриксон разводит руками. Худощавый юноша — мичман, вытянув шею, подался вперед. Тучный багроволи-

ный артиллерист нервно теребит пуговицу на кителе, как бы намереваясь оторвать ее.

— Поскольку Временное правительство низложено...— мямлит Эриксон, — ...мы свободны от обязательства по отношению к нему...

Он долго размышляет под пристальным взглядом Белышева, затем вытягивает руки по швам.

— Предоставляю себя в распоряжение новой власти.

— Вы? — обращается Белышев к артиллеристу.

— Я? — тоном крайнего изумления восклицает тот. — Повремению. Стоит ли поступать на службу во флот Иванова?..

— Дело хозяйское. А что скажете вы, мичман?

— Согласен принять вахту.

— Так полезайте на палубу вместе с командиром. Еще кто?

Офицеры мнутся.

— Охотников нет! — вызывающе, словно рапортуя, произносит старший офицер Никонов.

— Нет, так нет,— миролюбиво заключает комиссар.— Тогда придется вам поскучать в трюме. Пока с Керенским управимся.

Он лезет по скобтрапу наверх, где дожидаются командир и мичман, объявляет обоим, что они свободны в пределах корабля, и, приказав часовым снова закрыть люк трюма брезентом, возвращается на мостик.

* * *

За короткое время, пока Белышев находился в кубриках и в трюме, обстановка вокруг крейсера неузнаваемо изменилась. Весь устьевый участок Невы от Николаевского моста до Балтийского завода запружен боевыми кораблями и вспомогательными судами всех типов: миноносцами, тральщиками, подводными лодками, буксирными и пассажирскими пароходами, грузовыми транспортами, баржами, вооруженными паровыми и моторными яхтами. Набережные черны от неисчислимого множества людей в матросских бушлатах. Это прибыл из Кронштадта по вызову Военно-революционного комитета руководимый большевиками сводный отряд моряков Балтийского флота.

— Тысяч десять, не меньше, — утверждает Захаров.

— Молодцы кронштадтцы!— одобрительно подхватывает Липатов. — Не поскупились. Теперь Керенскому крышка!

— А люди в Смольный посланы? — справляется комиссар.

— Как же. Наша эскадра уже обратно гребет.

Липатов показывает на флотилию шлюпок, идущих к «Авроре» через Неву, затем торжественно вручает Белышеву клочок бумаги.

— Алонцев принес. С «Полярной звезды» [1] для Кронштадта передавали.

«Привет Красному Кронштадту,— читает комиссар.— Эскадренные миноносцы «Самсон» и «Забияка» идут к вам на помощь. Проследуют прямо в Петроград...». Чуть ниже этого текста почерком Алонцева приписано: «Вместе с ними идут миноносцы «Деятельный» и «Меткий», посыльное судно «Ястреб».

Члены судового комитета не спускают глаз с Белышева: неужели такая радостная весть не пробьет броню его сдержанности?

Улыбаясь, он повторяет слова своего заместителя:

— Теперь скоро Керенскому крышка!

Захаров спохватывается:

— Кажется, нам семафорят! Ведякин, принимай!

Вахтенный сигнальщик вглядывается в дождевой сумрак и громогласно докладывает:

— Принято... Представитель Военно-революционного комитета предлагает комиссару «Авроры» и председателям судовых комитетов всех кораблей незамедлительно прибыть на «Прозорливый».

— Ответить, что семафор принят к исполнению, — приказывает Белышев и, поручив крейсер Липатову, отправляется на миноносец.

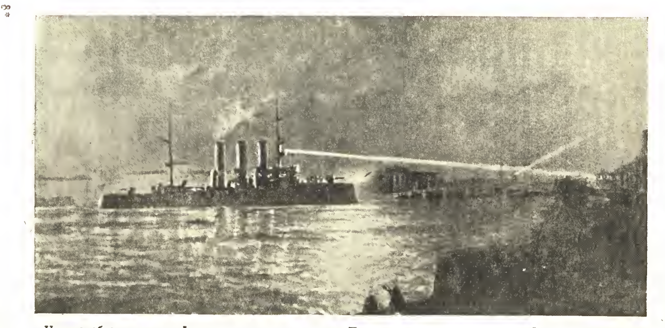
Отовсюду к «Прозорливому» спешат шлюпки с делегатами кораблей. Мешкать некогда. Делегаты везут один наказ: пора кончать с Керенским!..

Спустя час Белышев попрежнему на мостике «Авроры».

— Договорились так, — информирует он членов судового комитета:— Оба тральщика — «Пятнадцатый» и «Че-

---

[1] На паровой яхте „Полярная звезда", стоявшей тогда в Гельсингфорсе, находился Центробалт.

«...Над кораблем, над рекой, над погруженным в тьму Петроградом, сквозь штормовой ветер, перекрывая все звуки, раздается мощный рык шестидюймового орудия. Эхо разносит его вдоль гранитных берегов

С карт. худ. Горшкова „Исторический выстрел крейсера „Аврора“

8*

тырнадцатый» пройдут вверх, за Дворцовый мост. Там станут на якорь между Зимним и Петропавловкой. «Прозорливый», «Прочный» и «Рьяный» займут позицию ниже Дворцового моста. Будут охранять его и не подпускать корниловцев к набережным. Другие корабли остаются на своих местах. Старшим на рейде назначена «Аврора». Представитель Военно-революционного комитета будет сообщать через наших связных, как дела у Зимнего, а мы сигналить остальным кораблям. Сигналы такие. Два огня — красный и белый — значит, ведутся переговоры с Временным правительством, чтобы сдалось. Один белый— Керенский сдался. Один красный — начать обстрел Зимнего из орудий всех кораблей!

* * *

Давно ли рассвело, а день уже угасает. Короткий, ненастный, в дождевых шквалах и штормовых порывах колючего ветра октябрьский день, такой же, как предыдущие, похожий на них, словно отражение в зеркале, и тем не менее не такой.

Сумерки над мостами и набережными сгущаются. Мокрый туман стелется над шершавой поверхностью реки. Глухо, будто за стеной, слышится ружейная и пулеметная стрельба. В коротких промежутках затишья надрывно свистит и воет штормовой ветер.

С утра до вечерних сумерек один за другим переправляются через реку на крейсер и докладывают комиссару о новостях в городе связные из посланных с «Авроры» разведывательных отрядов Бабина, Шевченко, Фотеева и Краснова.

Новостей не счесть. После взятия Военного порта и радиостанции в нем, с которой радиотелеграфистами-авроровцами передано воззвание Военно-революционного комитета к гражданам России— первый официальный документ Советского правительства, переданный по радио,— прошло около шести часов. Заняты оба Адмиралтейства — Новое и Главное, очищены от сторонников Керенского Мариинский дворец и штаб Петроградского военного округа. Зимний дворец в кольце революционных войск. У Александровского сада находятся моряки учебно-минного отряда, Второго Балтийского экипажа,

Гвардейского флотского экипажа, броневой дивизион с пулеметами и Кексгольмский пехотный полк; на Морской улице и под аркой Главного штаба — второй дивизион броневиков, батарея трехдюймовых орудий, отряды красногвардейцев Коломенского района, матросов и солдат разных частей; возле Главного штаба со стороны Мойки и на Полицейском мосту — пехота и красногвардейцы Путиловского завода; у Дворцового моста — солдаты Финляндского полка, отряды матросов машинной школы и учебного судна «Океан», красногвардейцы заводов и фабрик Васильевского острова; вдоль фасада Главного Адмиралтейства, обращенного к Зимнему дворцу,— моряки сводного кронштадтского отряда; на Троицком мосту и набережной Петра Великого — ревельский ударный батальон моряков, отряд с учебного судна «Народоволец», красногвардейцы Выборгской стороны; на Невском проспекте, у Казанского собора, — резервная батарея трехдюймовых орудий, а дальше — до Александровского сада и выхода на Дворцовую площадь — пехотные части; на Адмиралтейской набережной и на Исаакиевской площади — красногвардейцы Балтийского завода, разведывательные отряды с «Авроры» и десант с миноносцев, пришедших из Кронштадта; на Миллионной улице, у Эрмитажа, — солдаты Павловского, Волынского и Преображенского полков, матросы машинной школы и красногвардейцы Выборгской стороны. Все ждут сигнала к штурму.

А силы контрреволюции таковы. К семи часам вечера, помимо гарнизона Зимнего дворца — трех казачьих сотен, женского батальона, шести рот юнкеров, броневика «Ахтырец», самого мощного в Петрограде, и артиллерийской батареи, — Временное правительство располагает вооруженной поддержкой юнкерских училищ. Броневые машины и санитарные автомобили, укомплектованные юнкерами, прикрываясь флагом Красного креста, время от времени проносятся по улицам и проспектам, провокационно обстреливая солдат, красногвардейцев, моряков, безоружных прохожих. Вот что означают ружейные выстрелы и пулеметные очереди, тарахтенье которых слышится на «Авроре». Михайловский замок стал военным центром контрреволюционных заговорщиков. Оттуда юнкера, переодетые в форму солдат пехотных полков, предпринимают вылазки в самые важные пункты города.

Дождь, туман, слякоть, холодный штормовой ветер, но обстановка в Петрограде накалена донельзя.

Близка развязка.

* * *

— Шлюпка с правого борта! — оповещает сигнальщик.

— Где комиссар? — кричат из шлюпки.

Белышев перегибается через выступ крыла мостика.

— В чем дело?

— Комиссар! Белышев! — прерывисто окликает его человек в шлюпке.— Я из отряда Бабина. Представитель Военно-революционного комитета велел передать: в девять часов Керенский и вся компания должны сдаться. Если заупрямятся, тогда на Петропавловке зажгут красный огонь. Не прозевайте. «Аврора» должна выстрелить холостым для сигнала. Чтобы услыхали все. После выстрела будет штурм.

Переведя дыхание, связной продолжает выкладывать новости:

— Наш боцманмат Клевцов и один машинист с «Прозорливого» командированы в Смольный. С поручением от всех отрядов. Доложить съезду Советов и товарищу Ленину: пусть не сомневаются, возьмем Зимний!.. Казаки совсем ушли с площади. В казармы. Не захотели защищать Керенского. А юнкера баррикаду из бревен сложили перед дворцом. «Герои»!.. Сколько на часах-то?

— Без двадцати девять! — откликаются из разных мест верхней палубы и с мостика.

— Так не зевайте, — наказывает связной.

Шлюпка удаляется.

— Распорядитесь поднять двойной сигнал, — обращается к Эриксону комиссар. — Верхний — красного цвета, нижний — белого.

— Слушаюсь, — покорно говорит командир.

Через минуту по невидимым фалам, протянутым с мостика, ползут наискось вверх к носовой мачте раскачиваемые ветром фонари двойного сигнала. Их ждут — не дождутся на кораблях, расставленных вдоль Невы.

— Идемте на бак, товарищи.

Голос выдает Белышева: комиссар волнуется.

— Прошу позволения остаться на мостике... Присутствовать не могу! — вырывается у Эриксона.

Махнув рукой, Белышев первым сбегает на палубу.

Почти вся команда уже на баке. Слова связного моментально облетели корабль. Каждый человек на крейсере, томясь, считает минуты и секунды.

У башни бакового орудия стоят наготове вахтенные комендоры.

— Ты, Евдоким? — спрашивает комиссар, узнав Огнева по исполинскому росту. — Заряди холостым. Для пробы. По Зимнему.

— Дождались-таки! — обрадованно басит Огнев.

Глухо щелкает замок шестидюймового орудия.

Беспросветная мгла стоит над рекой за Дворцовым мостом. В той стороне, где взгляд угадывает темную громаду Петропавловской крепости, ничего не видно. Светового сигнала нет.

Девять часов, но вахтенный из боцманской команды, поглощенный, как все, ожиданием, забыл про свои обязанности. Корабельный колокол, ежечасно ведущий счет времени, молчит.

А время не ждет. Минута за минутой уходят в бесконечность, как волна за волной.

Напряженная тишина висит над крейсером. Сотни глаз, не отрываясь, глядят в темноту в надежде увидеть огонь фонаря. Расплывчатый силуэт Петропавловского собора будто раскачивается перед глазами.

— Чего они там замешкались! — нетерпеливо бормочет Захаров и взбегает по трапу на мостик. Стук сапог старшины по металлическим ступенькам отчетливо слышен в тишине. Кажется, это огромный механизм торопливо отсчитывает секунды.

— Тридцать пять десятого, — извещает старшина, возвратясь обратно. — Что-то стряслось на Петропавловке, не иначе...

— Огонь, огонь! — восклицают на палубе.

Теперь видно всем: во мгле за мостом медленно ползет ввысь красная точка: огонь фонаря, условный знак для «Авроры».

Девять часов сорок минут...

— Пли! — коротко произносит Белышев.

Вместо певучего перезвона колокола-часов — над кораблем, над рекой, над погруженным в тьму Петроградом, сквозь штормовой ветер, перекрывая все звуки, раз-

дается мощный рык шестидюймового орудия. Эхо разносит его вдоль гранитных берегов.

Вспышка выстрела на миг озаряет Белышева, Липатова, Захарова, Лукичева, Алонцева, Огнева и вахтенных орудийного расчета, их наклоненные в сторону Зимнего, словно окаменелые на бегу, фигуры, их лица, на которых застыло ожидание...

Эхо выстрела уже не слышно. Вновь нарастает гул ветра. Он приносит из-за реки перестук пулеметных очередей. Далекие ружейные залпы сливаются воедино с глухим, неумолчным, протяжным ревом тысяч людей:

— Урррраааа!..

Начался штурм.

— Зарядить боевым.

В голосе Белышева спокойствие. Комиссар овладел собой.

Однако общее напряжение на пределе. Ибо то, что для революционных отрядов на берегу послужило сигналом к действию, означает для моряков на кораблях пока лишь предупреждение быть готовыми начать обстрел Зимнего дворца боевыми снарядами. Ночная мгла скрывает величественное зрелище двадцати пяти военных кораблей, орудия и пулеметы которых после светового сигнала с «Авроры» повернуты к одной, трижды ненавистной цели. Лучи прожекторов, шаря по берегам Невы, ненадолго выхватывают из тьмы разрозненные детали панорамы.

Из-за Николаевского моста протянулись гигантские пальцы орудийных стволов крейсера «Аврора», скорострельные пушки миноносцев «Самсон» и «Забияка», только что пришедших из Гельсингфорса, посыльного судна «Абрек», учебного судна «Верный», заградителей «Амур» и «Хопер», посыльного судна «Ястреб»; уставились пулеметы подводных лодок «Ерш» и «Форель», паровых и моторных яхт «Штандарт», «Роксана», «Стрела», «Нева», «Астарта», «Конкордия», «Царевна», «Александрия», «Зарница». С якорной стоянки между Дворцовым и Николаевским мостами нацелились на последнее прибежище Временного правительства миноносцы «Прозорливый», «Рьяный», «Прочный». И совсем в упор глядят сквозь ночь на Зимний дворец пушки миноносца «Деятельный», тральщиков «Четырнадцатый» и «Пятнадц

...Пошел второй час штурма. Неутомимо стучат пулеметы в стороне Зимнего. Друг за другом появляются связные, докладывая комиссару о том, что творится на Дворцовой площади

С карт. худ. Серова „Штурм Зимнего дворца"

тый», прошедших за Дворцовый мост, почти к самым бастионам Петропавловской крепости. Залп всех орудий эскадры, возглавляемой большевиками, готов обрушиться на цитадель Временного правительства, как только на мачтовых фалах «Авроры» полыхнет багровым светом желанный сигнал.

А время не ждет.

Пошел второй час штурма. Неутомимо стучат пулеметы в стороне Зимнего. Друг за другом появляются связные, докладывая комиссару о том, что творится на Дворцовой площади.

— Отбили юнкера атаку! — зло кричит связной из отряда Фотеева. — Им «Ахтырец» помог. Вылез вдруг из-за Александровской колонны и давай чесать-поливать. Наши броневики бьют по нему, а пули отскакивают. У него броня вроде корабельной...

— Накрыли! Накрыли «Ахтырца»! — радостно объявляет очередной посланец. — Митин со «Штандарта» накрыл! Двумя гранатами. Юнкерский пулеметчик заметил его, но промазал. Тут браток и размахнулся. Обе гранаты под самые колеса... «Ахтырец» даже накренился.. Застрял. Ни туда, ни сюда. Теперь нашим полегче...

Скоро полночь.

И вдруг становится нестерпимо тихо. Все умолкло: крики, пулеметные очереди, винтовочные выстрелы. Только ветер неумолчно свистит в корабельных снастях.

— Наверное, ворвались, — предполагает Захаров. — Во дворец!

— Прожектор! Живо! — подгоняет электриков комиссар. — Проведите по набережной!

Луч прожектора, как световая тропка, стелется вдоль берега. В пыльном свете луча виден бегущий к мосту человек.

Это связной из отряда Шевченко.

Став на мосту, он машет бескозыркой.

— На «Авроре»! — складывает взмахи бескозырки и рук в буквы и слова сигнальщик на верхнем мостике. — Больше не стрелять! Наши в Зимнем! Дерутся на лестницах и в коридорах!

— Да здравствует советская власть! — во весь голос отзывается Белышев.

Моряки дружно повторяют слова комиссара:

— Да здравствует советская власть!

Так же во весь голос Белышев зовет:

— Гражданин мичман Поленов! Как вахтенному офицеру приказываю вам записать в корабельный журнал: «Двадцать пятого октября, в девять часов сорок минут вечера, крейсер «Аврора», согласно приказу Военно-революционного комитета, произвел условный выстрел по Зимнему дворцу, для того чтобы заставить Временное правительство сдать власть Советам!»

...А над Невой, над Россией, над погруженным в ночную мглу миром победно гудит штормовой октябрьский ветер.

РАПОРТ КОМИССАРА

...Мы живем
приказом
октябрьской воли.
Огонь „Авроры"
у нас во взоре.
В. Маяковский

Иллюминатор распахнут настежь. В его овале, сквозь дождевую дымку, видны окаймленные фасадами особняков набережные Невы, Николаевский и Дворцовый мосты. Вдалеке протянулся коробчатый массив Зимнего дворца. Золотыми мачтами кажутся шпили Петропавловской крепости и Адмиралтейства. Купол Исаакиевского собора высится над пестрыми, блестящими от дождя крышами.

Каюта судового комитета полна моряков. Это командиры матросских отрядов с «Авроры», которые сражались плечо к плечу с красногвардейцами заводских районов Петрограда и солдатами столичного гарнизона против Временного правительства. Моряки сидят вокруг стола — одни облокотясь на него, другие навалясь грудью — и сочувственно вздыхают, когда комиссар в четвертый раз принимается переписывать рапорт Военно-революционному комитету об участии авроровцев в октябрьских боях. Так распорядился Яков Михайлович Свердлов, но дело без привычки не клеится. Рапорт кажется Белышеву длинным, многие слова лишними.

Наконец, переписав первую страницу начисто, комиссар читает вслух.

— Припиши, что электрики сами свели мост, не дожидаясь мостового механика, — советует Фотеев.

— Ладно, — принимает добавление комиссар и, сделав пометку на полях, откладывает рапорт. — Теперь вместе подумаем, что еще сказать.

Моряки задумываются.

Словно поторапливая их, в иллюминатор каюты врывается раскатистое уханье; сигнальная пушка Петропавловской крепости пробила полдень.

— Говори по порядку, что в Зимнем было? — обращается Белышев к Бабину.

— Да я столько раз говорил... Неужто не помнишь?.. Мы, то-есть кто с «Авроры» и с миноносцев, от Адмиралтейства и Александровского сада нацелились, а красногвардейцы, солдаты, броневики и отряды с других кораблей — от Невского, с набережной Петра Великого, с Миллионной и с Морской из-под арки. На площади никого. Перед дворцовой решеткой баррикады из бревен и корниловский броневик «Ахтырец». Юнкера понемногу постреливали, для собственной бодрости, но как подала голос «Аврора», замолкли. Мы со всех сторон — к дворцу, а тут навстречу, из-за Александровской колонны, «Ахтырец». Тогда строевой со «Штандарта», Митин по фамилии, схватил две гранаты. Кинул их под колеса. Как раз угадал в «Ахтырца». Только одна пуля куснула Митина. В сердце. Наповал. Через пять минут мы второй раз на штурм пошли. Все разом. Юнкера — ходу! Наши — за ними, во дворец, на лестницы. Везде на подоконниках пулеметы, на полу винтовки... Переловили юнкеришек... Добрались до угловой комнаты, нето семьсот первая, нето девятьсот первая, их там пропасть! Зеленого цвета, вся в золоте, занавески из настоящей парчи, стол длиннющий, накрыт зеленым сукном, как на бильярде, а за столом, в креслах, шестнадцать человек. В штатском. Перед каждым — бумага, чернильница и ручка, а сами бледные, как покойники. Никто сначала и верить не хотел, что это и есть временные министры, но швейцар, который привел нас в ту комнату, клянется и божится, что они самые... Мы до них: «Где Керенский?» Они в один голос заладили, что утром ушел из дворца. Куда? Молчат... Кинулись туда-сюда, нигде нет. Удрал!.. Вывели мы временных министров из дворца, и я их с нашим отрядом без пере-

садки в Петропавловку доставил. В Трубецкой бастион. В отдельные номера. Могу по фамилиям назвать.

— Не надо,— отмахивается Белышев. — На что они?..

— Лучше насчет телефонной станции, — напоминает Липатов.

— Неволин отсутствует, ну, так я скажу,— вызывается Векшин. — Нашего личного состава с «Авроры» у телефонной станции было одиннадцать человек, остальные — красногвардейцы и кексгольмцы. Первым делом уговорились отнять автомобили, с каких юнкера высадились, когда захватили ее. Пять человек — Неволин, я и трое красногвардейцев — поползли к подъезду с угла Кирпичного переулка. Юнкера проморгали нас. Мы с Неволиным вскочили в легковой автомобиль, завели его и с полного хода рванули к Невскому. Юнкера вдогонку нам целую очередь из пулемета пустили, однако не попали. За нами другие осмелели и в два счета расхватали машины. Обезножили господ юнкеров. Чуют они — плохо дело, но высунуться не смеют. Мы их с трех сторон зажали. Кексгольмцы подступали с Гороховой, Липатов и еще четверо с ним, которые с крейсера на подмогу нам прибыли, — Бакиновский, Шевченко, Максимов и Пенюгалов, — от Исаакиевской площади, а мы от Невского по Морской. Сняли с баррикад бочки, катим перед собой, прикрываемся ими. В эту пору Липатов отбил у других юнкеров броневик. Мы размышляем, как подобраться к станции, а тут от площади мчится броневик под красным флагом! Поднялись с мостовой — и к подъезду!.. Ворвались, а юнкера труса празднуют: кто погоны сдирает, кто за барышень-телефонисток прячется, кто на чердак и на крышу лезет... Тут смешная история с барышнями приключилась. Поначалу они перепугались, а когда поняли, что вреда им от нас не будет, стали ругаться. Вот, размышляю, так образованные! Да им боцманша Мосеевна с кронштадтского рынку в подметки не годится... Покричали барышни и разошлись. Отказались служить революции. К господам попривыкли. Не больше десятка осталось. Мы их за старших назначили, а сами нацепили наушники и — давай учиться, как телефоны соединять. Связались с казармами, фабриками, Смольным, а потом выключили юнкерские училища и Думу. В общем наладили связь и соображаем, что всем на станции делать нечего. Вызвали охотников в телефонисты. Человек с полсотни нашлось. И четверо с «Авро-

ры». Прочли им, как вести себя, поставили везде часовых, а сами тронулись дальше. Только вышли на улицу, из-за угла машина с Красным крестом. Не успели опомниться, из нее нас на мушку взяли: бах! бах!.. Мы — врассыпную... Минут пять садили по ней из винтовок. Потом подбежали, а на сиденьях — юнкеришки. Уже не дышут. Прикрывались, подлецы, Красным крестом. Выкинули их на мостовую, а машину к «Авроре» пригнали.

— С броневиком получилось так, — вставляет Липатов. — Вечером при штурме, когда наши гранатами повредили «Ахтырца», юнкера кое-как починили его и прорвались в город. Где они всю ночь прятались — никто не знал, а поутру «Ахтырец» возле Исаакиевской площади объявился. Мечется из стороны в сторону и косит всех, кто ни попадется. Мы дождались, когда он на углу Морской показался, и выстрелами отогнали на площадь. Одна пуля в мотор попала. Он и подзастрял. Мы вначале укрылись в оконных нишах гостиницы «Астория», а когда мотор у «Ахтырца» заглох, выбежали и — в атаку. Юнкера чесанули из пулеметов. Кое-кто из наших упал. Все-таки добежали к нему. Просунули наганы в амбразуры и первым делом обезвредили шофера с пулеметчиком. Тогда юнкера сдались. Мы кое-как завели мотор и помчались к телефонной станции, на подмогу к Неволину. Возле нее броневик совсем стал, но пулеметы пригодились.

— Не забудь помянуть, комиссар, про то, как против Керенского под Гатчину ходили да юнкеров в переплет брали в Инженерном замке и в Павловском училище, — говорит Лукичев. — И про то, что Неволин с отрядом послан на помощь в Москву, а бондаревский отряд помог Совету в Рыбинске[1] власть взять.

— Чего расписывать? — отнекивается машинист Бондарь на вопрос Белышева. — Мы же всего два дня были в Рыбинске. Лучше спиши с того письма, что я тебе привез от Совета: «Благодарим команду крейсера «Аврора» за братскую революционную помощь...» И — точка.

Дверь в каюту с шумом открывается. Через порог шагает рослый матрос. Его бескозырка сдвинута на затылок, за поясом две гранаты.

---

[1] Ныне гор. Щербаков.

— Здорово, братки!

— Здравствуй, Неволин, пропавшая душа! — радостно отзываются все в каюте.

— Как же, пропавшая!.. Да мы по всей матушке России мотались! — направляясь к Белышеву, объясняет Неволин. — Докладываю, комиссар: наш отряд возвратился без потерь людьми. В пути нами взят корниловский бронепоезд. Гонялись за ним полтыщи верст...

Он присаживается к столу.

— Привез «Авроре» поклон от московских рабочих. Теперь в Москве советская власть на твердых ногах. Правда, малость запоздали мы из-за того бронепоезда. Он путь загородил. Проведали о нем не сразу. Сначала железнодорожники никуда не хотели доставлять нас. Когда наш отряд прибыл к вокзалу, на площади тыщи две людей скопилось. А вокзал закрыт. У двери какой-то жук-соглашатель торчит и речь держит: железнодорожники, дескать, ни за большевиков, ни за Керенского, и в Москву нас не повезут. Разумеется, осерчали все, да на счастье того соглашателя из другой двери паровозный кочегар нас позвал: «Сюда, товарищи! Повезем куда понадобится: в Москву, в Севастополь, во Владивосток!..» Повалили в ту дверь и расселись по эшелонам: в первом — красногвардейцы с Путиловского завода и семьдесят пять человек с нашего крейсера; в других — с Выборгской стороны, колпинцы и отряд из Второго Балтийского экипажа. Торопим железнодорожников: «Везите скорей, а то в Москве юнкера верх берут, Кремль захватили!..» Не дает паровозов железнодорожное начальство. Пришлось пригрозить. Нашлись паровозы... В Любани узнаем: от Новгорода направляется навстречу бронепоезд с корниловцами. Уже вышел со станции Чудово. Стали гадать, чем бы порадовать дорогих гостей.. Отыскали две железнодорожные платформы из-под угля, стенки обложили шпалами и мешками с песком, сверху приладили шесть пулеметов, прицепили к платформам три теплушки и — готов наш бронепоезд. Отрядили на него шестьдесят человек, понемногу из всех отрядов. Шестерых авроровцев. Снова застопорилось из-за саботажа. Никто из паровозных машинистов не желает ехать с нами. Своя шкура дороже. Наконец, уговорили одного. Дали ему в помощники и для контроля боевого парня — путиловца. Помчались

вперед. Эшелоны за нами. Через пару-другую пролетов железнодорожный телеграфист сует нам записку. Прочли. В ней несколько слов про корниловский бронепоезд: дескать, пока мы в Любани готовились, господа почтенные отработали полный назад к Бологому...

— Заслабило, — смеется Лукичев.

— Понятно, и мы поднажали. Нагоняем помалу. Тогда они начали рельсы взрывать. Два раза мы чуть не потерпели аварию. Спасибо стрелочникам: предупредили... Подкатываем к Бологому, а там еще одна новость: бронепоезд свернул на Полоцкую ветку. Мы за ним! Корниловцы и тут попортили рельсы. Все равно нагоняем. Как от них нам аукнулось, так им и откликнулось. На станции Куженкино солдаты, которые охраняли военные склады, во-время подсобили нам: разобрали рельсы перед корниловцами. Те хотели нас под откос спустить, да чуть сами не свалились. Словом, настигли их. Пошли к тому бронепоезду по-за кустами. Глядим, дело серьезное. Бронепоезд не как наш, а настоящий. Паровоз и вагоны бронированные, в башнях четыре пушки и шестнадцать пулеметов против наших шести. И команды на нем — куда против нашего! (После, когда они сдались, я считал. Сто пятьдесят человек!) Конечно, не управиться с ними, пока эшелоны не подоспеют. Стали мозговать. Направили к ним делегацию. Ходили Анатолий Железняков с «Амура» и я. Требуем: «Сдайте бронепоезд и оружие...»

— Комиссар! — приоткрыв дверь, прерывает Неволина вахтенный. — Пакет из Смольного.

Белышев осторожно вскрывает конверт.

— Предписание, товарищи, — негромко оповещает он. — Такое дело... Этой ночью председатель Совета Народных Комиссаров товарищ Ленин и Народный Комиссар товарищ Сталин вызвали к прямому проводу для переговоров главнокомандующего Духонина. Они предложили ему немедленно начать переговоры о мире с воюющими против нас правительствами и немедленно закончить войну. А Духонин заявил, что не признает советской власти. Совет Народных Комиссаров сместил Духонина, но Духонин в ставке, а ставка в Могилеве. Военно-революционный комитет предписывает нам — «Авроре» — выделить три взвода для поездки в Могилев. Надо расска-

зать правду могилевскому гарнизону и арестовать Духонина. Пошли в кубрики...

Он покидает каюту, позабыв о незаконченном рапорте.

* * *

Только спустя четверо суток, после подавления контрреволюционного мятежа Духонина и ставки, комиссар вновь принимается подводить итоги первых дней завоевания власти.

ВАЖНЕЙШИЕ ДАТЫ БИОГРАФИИ КОРАБЛЯ

1917 год, ноябрь Военно-революционный комитет приказал всем своим комиссарам доложить в письменном виде подробности участия воинских частей и красногвардейских отрядов, в которые были назначены комиссары, в Октябрьском вооруженном восстании. Письменный рапорт, представленный Военно-революционному комитету комиссаром «Авроры» А. В. Белышевым, предельно лаконичен:

«Крейсер «Аврора», находясь в ремонте у Франко-Русского завода, 22 октября должен был уйти из Петрограда на пробу машин. Но, имея в виду предполагаемый Второй Всероссийский съезд Советов, приказом Центробалта был задержан на неопределенное время, причем причина задержки была объяснена команде тем, что нам, крейсеру «Аврора», придется принимать самое активное участие в поддержке Совета и, возможно, в предстоящем перевороте. 23 октября от Военно-революционного комитета я получил назначение комиссаром крейсера «Аврора», для чего было созвано экстренное заседание судового комитета в присутствии командира и прочих офицеров, где я вкратце объяснил инструкцию комиссара и в связи с этим предупредил, что все приказы и распоряжения, исходящие как то: от Военно-революционного комитета и других, будут мною проведены в жизнь, не считаясь ни с командиром, ни с мнением других офицеров. Вечером 24 октября было получено распоряжение от Военно-революционного комитета: восстановить движение по Николаевскому мосту. Согласно инструкции — заня-

тие Николаевского моста — явилась необходимость корабль передвинуть возможно ближе к мосту, для чего мною было отдано распоряжение развести пары, прогреть машины и приготовиться сняться с якоря. И одновременно с этим восстановили связь со Вторым Балтийским экипажем, которому и было предписано со снятием крейсера «Аврора» и под прикрытием наших орудий выбить юнкеров, занять мост и восстановить движение. Но когда уже окончательно приготовились к снятию, командир отказался вести корабль, указывая на невозможность пройти крейсеру по Неве. Не затягивая дела, отдаю распоряжение промерить фарватер Невы, измерение которого показало, что крейсер свободно пройдет. С чертежом глубины невского фарватера, вторично явившись к командиру, указывал на необходимость довести корабль, но, получивши еще раз отказ, мною отдано распоряжение арестовать всех офицеров, что и было приведено в исполнение. Несмотря на отказ командира и других офицеров, мы все-таки решили хоть самим, да сняться с якоря. Не знаю, что повлияло на командира: или страх за свою шкуру, или что-нибудь другое, но он все-таки в последнюю минуту нашего приготовления согласился довести корабль до моста. И в 3½ часа утра корабль отдал якорь у Николаевского моста.

Весь день 25 октября корабль приводили в боевое состояние, приготовляли пушки, снаряды, и вся команда находилась на своих постах. Вечером получено предписание от Военно-революционного комитета — после сигнальной ракеты с Петропавловской крепости «Авроре» произвести несколько выстрелов холостых и, смотря по обстоятельствам и если нужно, — открыть боевой огонь, к чему прибегать не пришлось, так как Зимний дворец вскоре сдался. Между прочим, все это время производилась связь с Военно-революционным комитетом и другими военными судами, с пехотными частями и посылались небольшие вооруженные отряды для разведки. Благодаря этому жизнь протекала вполне нормально, команда была вполне спокойна, так как была все это время в курсе происходящих событий. Между прочим необходимо отметить храбрость авроровцев, как, например, при взятии Зимнего дворца и телефонной станции, где отряд авроровцев отбил у юнкеров броневик, но за негодностью мотора сняли с него пулеметы и притащили на корабль. Были по-

сланы отряды в Москву и небольшой отряд на позиции в качестве инструкторов-бомбобросателей.

В настоящее время жизнь хотя и проходит обычным порядком, но команда и корабль ежеминутно могут быть приведены в полную боевую готовность».

Такова была роль крейсера «Аврора» и его людей в дни Великой Октябрьской социалистической революции.

Вспоминая о тех днях, товарищ Сталин говорил:

«Выдающуюся роль в Октябрьском восстании сыграли балтийские матросы и красногвардейцы с Выборгской стороны. При необычайной смелости этих людей роль петроградского гарнизона свелась главным образом к моральной и отчасти военной поддержке передовых бойцов». (И. Сталин, Соч., т. 4, стр. 154.)

С тех пор моряки «Авроры» неизменно показывали себя верными исполнителями воли большевистской партии, беззаветными защитниками советской власти.

1917 год, декабрь

У молодой. советской власти много заклятых врагов. Разгорается гражданская война. Контрреволюционные войска, возглавляемые белогвардейцами Калединым, Корниловым и Дутовым, начинают наступление на Дону, в Оренбурге и на Кубани.

В декабре на «Авроре» сформирован отряд под командованием матроса Пашорина и машиниста Минакова. Отряд отправлен на южный фронт, под Балашов.

Остальные авроровцы несут охрану Петрограда и особенно Смольного, где находится правительство во главе с В. И. Лениным.

В двадцатых числах декабря, по распоряжению военно-морских властей, крейсер уходит в море, на пробу машин, успешно совершает испытательное плавание и, после краткой стоянки в Гельсингфорсе, возвращается в Кронштадт вместе с крейсерами «Громобой» и «Россия». Путь отряда тяжел: Финский залив уже скован льдом. Возле острова Лавансаари корабли встречает ледокол «Ермак». Он ведет отряд за собой до Большого Кронштадтского рейда. Там «Аврора» ждет, пока ледокол помогает «России» и «Громобою» войти в гавань. Проведя их, «Ермак» направляется к «Авроре» и неподалеку от нее садится на мель. В тяжелых льдах крей-

сер пробивается к «Ермаку», берет его на буксир и стягивает на глубокую воду.

Поход окончен 27 декабря на Неве в Петрограде.

1918 год, январь

Скованный льдом крейсер стоит на Неве, у Масляного Буяна, в Петрограде. Все на «Авроре» в боевой готовности. Отношение моряков к гражданской войне предельно четко высказал представитель корабля на совещании делегатов воинских частей петроградского гарнизона:

«Наши пушки к вашим услугам».

Враги народа мстят морякам за непоколебимую верность советской власти, жалят исподтишка. Какой-то негодяй пробрался на корабельный камбуз и подсыпал яд в пищу. Около ста авроровцев тяжело отравлены.

Политический отдел Верховной Морской коллегии, предупреждая моряков о бдительности, пересылает на корабль копию адресованного политическому отделу письма неизвестного патриота. Текст письма следующий:

«Товарищи!

Вчера, 4 января, в зале Калашниковской биржи, на общем собрании была предложена премия за уничтожение судна «Аврора» в сумме сто тысяч рублей, пятьдесят тысяч сразу, а остальные пятьдесят — когда взорвет.

Это было предложено шоферу, который сообщил мне; к сожалению, он никого из них не знает. Он поздно сообщил мне, что все собрание разошлось. Ввиду этого просим быть на страже, а то будет печально, если найдется негодяй, который согласится свою шкуру продать и всю трудовую массу.

Сочувствующий 2 съезду Советов рабочих и солдатских депутатов и народным комиссарам».

1918 год, март

Через два месяца после предупреждения произошло вот что: «...17/30 марта 1918 года в 8 часов утра на крейсер явился человек в форме пехотинца и заявил, что вчера 16/29, проходя мимо корабля, он увидал пакет возле форштевня. Думая, что это что-либо пригодное, он взял себе домой. Дома, развернувши сверток, он обнаружил подозрительный предмет и решил отнести его на крейсер. На крейсере пехотинец в означенное мною время отдал сверток вахтенному, причем развернул означенный предмет, разо-

брал и сказал, что наложенная масса горит. Вахтенный Найчук и подвахтенный Семенов узнали в массе толуол и отнесли сверток в судовой комитет. Человек, доставивший его, по оплошности вахтенного задержан не был. Старшим артиллерийским офицером ящик был опознан, как «адская машина» с часовым механизмом и немедленно разряжен...» (из рапорта дежурного по кораблю).

Попытка врагов вывести крейсер из строя сорвалась.

1918 год, август

Начало вооруженной интервенции четырнадцати капиталистических государств против Советской России. С первых же дней существования советской власти наша страна оказалась в кольце злейших врагов — капиталистов всего мира, среди которых наиболее лютыми ненавистниками нашего народа стали англо-американские империалисты. Они спровоцировали затяжную гражданскую войну в нашей стране, организовали и возглавили интервенцию. При поддержке англо-французских и американских вооруженных сил (флота и крупных десантных отрядов) контрреволюционные войска захватили Мурманск, Архангельск и многие другие пункты на берегах Белого моря и вдоль Северной Двины.

Предвидя маршрут наступления белогвардейцев, В. И. Ленин в телеграмме, адресованной командованию Северного фронта, приказал организовать защиту Котласа во что бы то ни стало и лично направил на Северную Двину экспедиционный отряд моряков Балтийского флота, так как город Котлас, расположенный у слияния рек Вычегда и Северная Двина, представляет собою ключевую позицию к Вятке (Кирову) и Вологде.

В состав экспедиционного отряда балтийцев входил и взвод авроровцев. Ими командовал трюмный машинист Неволин.

Вначале обстановка в районе Северной Двины сложилась не в пользу советской власти, но бой у селения Березник решил многое в положении на севере.

В ночь с 10 на 11 августа 1918 года отряд советских патриотов, возглавляемый заместителем председателя Архангельского губисполкома П. Виноградовым, на трех буксирных пароходах, на скорую руку вооруженных пулеметами и полевыми орудиями, навязал у Березника ночной бой отряду белогвардейцев и интервентов, шедшему

вверх по реке на пяти боевых кораблях, среди которых были три номерных английских монитора и канонерская лодка, приведенная интервентами из Бразилии (с Амазонки). В этом и последующих боях, продолжавшихся до ледостава, враги советской власти неизменно терпели поражение. Все их попытки пробиться в сторону Котласа закончились тем, что белогвардейская флотилия застряла у Березника в метровом льду.

Задание В. И. Ленина балтийские моряки, в том числе авроровцы, выполнили. Котлас остался советским. Враги не прошли к нему.

1918 год, август «Аврора» переведена в Кронштадт для усиления обороны морских подступов к главной базе Балтийского флота.

Смертельная опасность нависла тогда над Петроградом. Вооруженные империалистами контрреволюционные армии двигались к нему из Прибалтики, со стороны Финляндии и Мурмана, оккупированного англо-американскими войсками. С моря стремились прорваться корабли английских интервентов.

Владимир Ильич Ленин приказал Балтийскому флоту преградить с моря путь интервентам к Петрограду. Моряки поставили в Финском заливе около полуторы тысяч мин и на крайний случай решили затопить «Аврору» на фарватере у Кронштадта. Дважды, в особенно напряженные дни, крейсер выводился на внешний рейд для затопления, и дважды приказ о затоплении отменялся благодаря успешным боевым действиям кораблей Балтийского флота.

1918 год, сентябрь Из Кронштадта на Волгу посланы корабли Балтийского флота — миноносцы и подводные лодки. В составе команд этих кораблей группа авроровцев, среди них машинисты Николай Лукичев и Константин Хаберев. Корабли посланы по личному распоряжению В. И. Ленина, сделанному 6 сентября 1918 года в ответ на следующее письмо И. В. Сталина, возглавлявшего тогда оборону Царицына:

«Дорогой товарищ Ленин!

Идёт борьба за юг и Каспий. Для оставления за собой всего этого района (а его **можно** оставить за собой!) необходимо иметь несколько миноносцев лёгкого типа и штуки две подводных лодок... Умоляю Вас раз-

бить все преграды и тем облегчить — двинуть вперёд дело немедленного получения требуемого. Баку, Туркестан, Северный Кавказ будут (безусловно!) нашими, если немедля будут удовлетворены требования.

Наши дела на фронте идут хорошо. Не сомневаюсь, что пойдут ещё лучше (казачество разлагается окончательно).

Жму руку моему дорогому и любимому Ильичу. Ваш *Сталин»*. (И. В. Сталин, Сочинения, т. 4, стр. 127).

Появление на Волге балтийских кораблей оказалось немаловажным подспорьем армейским частям в борьбе за советскую власть от Казани до Астрахани, а затем на Каспийском море.

1918 год, октябрь

На многих фронтах бьются с врагами моряки «Авроры», защищая права нашего народа, добытые в дни Великой Октябрьской социалистической революции, выполняя указания Ленина и Сталина. Молодая Советская республика изнемогает в неравной борьбе. Нужны подкрепления. Их неустанно посылает и Балтийский флот. На «Авроре» из пятисот шестидесяти семи человек личного состава остается не больше десятой части.

Группа авроровцев подает заявление в Кронштадтский Военно-революционный комитет. Моряки пишут:

«Товарищи!

Мы обращаемся к вам от команды крейсера «Аврора» в количестве 13 человек. Просим вас не отказать нам в нашей просьбе. Мы изъявили свое согласие итти на фронт на Каледина, где наши товарищи проливают свою кровь, чтобы быть там против всем нам ненавистного врага. Здесь со всех кораблей уже несколько послано, но от нас нет, ввиду того, что мы стояли в Петрограде и команда была нужна во всякое время для Петрограда, но теперь мы думаем, вы не откажите в нашей просьбе и сделаете распоряжение *срочно!* нам ответить. Мы ждем вашего распоряжения.

Матросы: Огнев Евдоким, Никифоров Филипп, Новиков Кузьма, Липатов Тимофей, Герасимов Феофилат, Векшин Иван, Белоусов Иван, Бруммель Мартын, Денисов Александр, Торопов Василий, Никаноров Михаил, Бычок Александр, Сиваков Кирилл, итого 13 человек».

Просьба авроровцев была удовлетворена.

Вскоре после их отъезда Военно-революционный комитет приказал поставить на консервацию «Аврору» и ряд других кораблей, моряки которых почти поголовно ушли на фронт. Крейсер был сдан Кронштадтскому порту на долговременное хранение.

Залпы орудий, снятых с кораблей Балтийского флота и установленных на бронепоездах, гремели повсюду, где шли бои за советскую власть.

Моряки сражались на суше. Комендор Евдоким Огнев ушел с балтийским бронепоездом на Украину. Матрос Пашорин и машинист Минаков обороняли Царицын. Защищал советскую власть на Свири корабельный плотник Тимофей Липатов, нес чекистскую вахту на железных дорогах старший радиотелеграфист Федор Алонцев, крушили изменников форта Красная Горка, защищали Петроград от Юденича, брали штурмом Ямбург трюмный машинист Неволин, боцманмат Клевцов и минный содержатель Фотеев, сражались и побеждали люди в бушлатах, с красной звездочкой и боевым именем на бескозырках: «Аврора».

1922 год, 17 ноября

Мало авроровцев вернулось из смертельных боев, и те, кто вновь увидел свой корабль, не узнали его. Четыре года ржавел крейсер рядом с учебным судном «Океан» на морском кладбище Кронштадтского порта. Сгнили брезентовые чехлы на орудиях, черными язвами покрылась некогда желтая, как морской песок, верхняя палуба, промерзли механизмы, а в кубриках были сложены кирпичные печки с выведенными в иллюминаторы трубами.

Победа нашего народа над англо-американскими и прочими интервентами, над всеми многочисленными врагами советской власти была ознаменована возрождением Военно-Морского флота.

17 ноября 1922 года началось восстановление крейсера. Вместе со старыми авроровцами пришла на корабль молодежь. На призыв партии Ленинский комсомол ответил шефством над Военно-Морским флотом. Наказ IX Всероссийского съезда Советов о возрождении и укреплении Красного флота стал законом для каждого моряка.

1923 год, 25 июня Заново отремонтированная «Аврора» отдала якорь на том самом месте Невы, откуда раздался исторический выстрел по Зимнему. Прославленный корабль и его люди были снова в готовности выполнить любой приказ партии и народа.

1923 год, июль Крейсер включен в состав кораблей учебного отряда и, выдержав после восстановительного ремонта ходовые испытания в Финском заливе, готовится уйти в практическое плавание с курсантами Военно-морского училища. «Авроре» досталась почетная обязанность — быть пловучей школой будущих командиров флота.

Неподалеку от внешнего рейда, где стоит готовый к походу корабль, расположен форт Павел. На форту склад мин, вытраленных после войны из Финского залива.

В ночь на 20 июля курсанты-сигнальщики с «Авроры» заметили, что на форту загорелась мина. Огромную угрозу, нависшую над Кронштадтом, поняли все. Это могло вызвать взрыв всех мин, сложенных на форту: от детонации могли взорваться пороховые погреба и боезапас на соседних фортах. Немедленно от «Авроры» отвалила шестерка, на которой группа курсантов во главе с начальником учебного отдела училища В. Гедле отправилась на форт.

Рискуя жизнью, курсанты бросились к горящей мине, пытаясь засыпать ее песком. Однако дым не прекращался — мина продолжала гореть. Тогда смельчаки схватили ее и потащили к воде. Когда до воды оставалось всего несколько шагов, мина взорвалась. Курсанты Ушерович, Казаков и Альман погибли. Командир Гедле был смертельно ранен. Тяжелые ранения и контузии получили и остальные участники этого беспримерного дела, но цель была достигнута. Мину успели оттащить настолько, что ее взрыв не причинил тех огромных бед, которые он мог бы вызвать. Все участники героического спасения форта были награждены правительством орденами Красного Знамени.

Форты и «Аврора» были спасены.

1923 год, 3 августа По радио на «Аврору», совершавшую практическое плавание, передана торжественная весть: Президиум Центрального Исполнительного Комитета СССР постановил принять шефство над крейсером «Аврора».

1924 год, июнь

«Авроре» и учебному судну «Комсомолец» (бывш. «Океан») предстоит впервые пронести военно-морской флаг Советского Союза над чужими морями. Начата летняя кампания. На открытие ее балтийцы пригласили Иосифа Виссарионовича Сталина, под чьим непосредственным руководством они разгромили изменников с форта Красная Горка и вынудили убраться во-свояси корабли интервентов. Неустанно заботящийся об укреплении флота товарищ Сталин немедленно прислал в Кронштадт ответную телеграмму:

«Работа по подготовке предстоящего съезда партии лишает меня возможности принять ваше предложение. Прошу принять мои извинения и пожелания полного успеха вашему походу. *Сталин*».

Сорок пять суток длился поход «Авроры» и «Комсомольца» вокруг Скандинавии в Мурманск, Архангельск и обратно в Кронштадт. Корабли посетили норвежские порты Берген и Тронхейм и прошли 5 688 миль.

Поход явился школой морской практики для первого отряда молодых командиров советского Военно-Морского флота.

1925 год, июнь- июль

Первый большой поход Балтийского флота под флагом Наркомвоенмора тов. М. В. Фрунзе. Поход продемонстрировал боевую готовность советских военно-морских сил, охраняющих подступы к городу Ленина. В походе участвовало тридцать кораблей. Флагманским судном второго отряда был крейсер «Аврора».

27 июня, по окончании похода, товарищ Фрунзе провел смотр крейсера. Вскоре после смотра «Аврора» снова рассталась с Кронштадтом. Приняв на борт слушателей Военно-морского училища, крейсер вышел во второй заграничный поход.

1927 год, 2 ноября

Президиум ЦИК СССР постановил наградить крейсер «Аврора» орденом Красного Знамени. В постановлении сказано: «Среди славных, полных исключительного революционного героизма подвигов флота и флотских частей в дни Октябрьского переворота особенно выделяется подвиг крейсера «Аврора».

В то время как Ленинградский пролетариат восстал за власть Советов и вел подготовку к боям с наступающими контрреволюционными силами Корнилова и Керенского, а в Зимнем Дворце засел защищенный штыками юнкеров и женского батальона штаб руководителей подавления восставших пролетариата и солдатских масс — Временное Правительство, — в этот исторически ответственный момент крейсер «Аврора», который с полным правом можно назвать первым судном Красного Флота, выполнил свой революционный долг, и его пушечный выстрел по Зимнему Дворцу явился одновременно вестником окончательной гибели контрреволюционных сил и салютом Великому Октябрю.

Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР, с искренним восхищением вспоминая в дни 10-летия Октябрьской Революции борьбу крейсера «Аврора» на передовых позициях революции, **награждает его, как отдельную войсковую часть Красного Флота, орденом Красного Знамени** — за проявленные им отличия в дни Октября, и не сомневается, что и в дальнейшем крейсер «Аврора» будет в первых рядах борцов за Октябрьскую Революцию, за ее завоевания, за Союз Советских Социалистических Республик.

Председатель Центрального
Исполнительного Комитета Союза ССР
М. КАЛИНИН».

1927 год, 7 ноября

В день десятилетия Великой Октябрьской социалистической революции «Аврора» занимает традиционное место на Неве, с которого был произведен исторический выстрел из бакового орудия по Зимнему дворцу.

На борту крейсера собрались делегации трудящихся города Ленина. Представитель Правительства вручил командованию корабля орден Красного Знамени, которым награждена «Аврора», и почетный флаг, затем прикрепил к башне бакового орудия мемориальную доску с надписью в честь выстрела по Зимнему и зачитал текст грамоты Президиума ЦИК СССР.

С этого дня 7 ноября — корабельный праздник.

1928 год, август Третий заграничный поход «Авроры» из Кронштадта в Осло, Копенгаген и обратно. На стоянке в Копенгагене в гости к авроровцам пришли сотрудники советской колонии в Дании. Они оставили в книге почетных посетителей следующую запись:

«...Видя краснофлотцев на крейсере, на берегу и в личном общении, пришли еще раз к убеждению, что Советское государство может не беспокоиться за новое поколение, за будущее социалистическое строительство».

1928 год, 7 сентября На борту крейсера почетные гости — вождь Германской коммунистической партии товарищ Эрнст Тельман и член Политбюро Французской коммунистической партии товарищ Марсель Кашен. Гости познакомились с кораблем и оставили свои записи в книге почетных посетителей.

1929 год, август Четвертый заграничный учебный поход «Авроры» (в Свинемюнде). Личный состав краснознаменного крейсера и курсанты военно-морских училищ, проходившие летнюю морскую практику на корабле, снова продемонстрировали за рубежом отличную выучку моряков советского Военно-Морского флота — и как специалистов, и как дисциплинированных воинов.

1929 год, 12 сентября Вторичный смотр крейсера Наркомвоенмором и Председателем Реввоенсовета СССР тов. К. Е. Ворошиловым. (Первый смотр состоялся 12 августа 1928 г.) Товарищ Ворошилов объявил личному составу корабля благодарность за отлично проведенный поход.

1930 год, июнь — август Пятый заграничный поход «Авроры» под советским флагом из Кронштадта в Архангельск вокруг Скандинавии. Делегация архангельских комсомольцев оставила запись на страницах книги почетных посетителей: «Помните Северный край. Знайте, что всегда в любую минуту мы готовы и рады видеть вас опять в наших северных водах. Комсомол Севера даст лучшее пополнение флоту».

1930 год, 6 ноября Ветеран Парижской Коммуны Густав Инар записал в книге почетных посетителей краснознаменного крейсера:

«Я счастлив, что посетил эскадру Балтийского моря и что вошел в среду офицеров и матросов этой эскадры;

я убедился, сколько братства в отношениях моряков. Моя мысль обратилась к моей несчастной стране, и я почувствовал, как глубока моя любовь к Советскому Союзу, любовь, которая еще усилилась с этим посещением».

1931—1939 годы

Ежегодно на крейсере «Аврора» проходят практику будущие командиры флота. Вряд ли найдется боевой корабль под советским флагом, в экипаже которого нет хотя бы одного воспитанника краснознаменной «Авроры». Это неустанно действующая кузница флотских кадров, где получило закалку и морскую практику в дальних плаваниях почти все старшее поколение офицеров и адмиралов советского Военно-Морского флота.

Чувства нашего народа к «Авроре», разделяемые трудящимися всего мира, нашли свое отражение и на страницах книги почетных посетителей. В ней множество записей простых советских людей, ветеранов флота, старых большевиков, государственных деятелей, работников искусства, стахановцев, студентов, представителей городов, краев и областей нашей страны, делегаций трудящихся зарубежных стран — Германии, Норвегии, Италии, Дании, Швеции, Франции, Китая, Испании и других.

Тысячи людей считают своим долгом посетить легендарный корабль и написать несколько слов в книге почетных посетителей:

«...Я, бывший моряк Черноморского флота и старый ветеран революции, обещаю молодому поколению, что в нужную минуту и пока у меня будут силы я готов помогать добивать нашего общего врага. Почетный моряк Красного Черноморского флота Федор Григорьевич Мартыненко».

«Мы, делегация комсомольцев Нижегородского края в количестве 21 чел., за двухдневное свое пребывание на крейсере «Аврора» получили твердое убеждение, что наш пролетарский Военно-Морской флот является самым крепким и могучим по своему составу и политическому состоянию массы краснофлотцев и командного состава, по той атмосфере революционной сплоченности и товарищеских отношений, которая везде замечается между всеми краснофлотцами и комсоставом... Уезжая отсюда, мы еще более по-ударному будем бороться за выполнение пятилетки в четыре года и вместе с этим будем учиться военной технике, будем укреплять обороноспособность нашей страны...»

«Побывав на крейсере, мы еще раз убедились, что путем укрепления знаний, дисциплины, политподготовки еще лучше, еще зорче будут охраняться наши границы. Мы уверены, что личный состав исторического краснознаменного крейсера «Аврора» будет одним из лучших защитников СССР. Группа московских учеников».

Среди множества записей в книге почетных посетителей хранятся телеграфные приветствия, подписанные М. Калининым и А. Горкиным от имени шефа крейсера — Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР:

«...С глубоким удовлетворением прочли сообщение в советской прессе о больших успехах в боевой и политической учебе личного состава крейсера. Будьте верны славным большевистским традициям краснознаменного крейсера «Аврора», активного участника Октябрьского переворота, неустанно крепите мощь Советского Военно-Морского Красного флота».

«...Ваши успехи по выращиванию большевистских кадров Военно-Морского флота — одна из гарантий того, что советский народ может спокойно делать свое великое социалистическое дело в полной уверенности, что его родина защищена не только с суши, но и с моря. Испытывая вместе с вами большую радость и удовлетворение результатами вашей боевой и политической подготовки, твердо убеждены, что и впредь все курсанты, командиры и политработники будут работать не покладая рук над усовершенствованием своих знаний военно-морского дела и дадут Военно-Морскому флоту высококвалифицированных командиров...»

«...Президиум ЦИК Союза уверен, что краснофлотцы, командиры и политсостав крейсера «Аврора» с честью продолжат славные боевые большевистские традиции крейсера «Аврора»... что краснознаменная «Аврора» всегда готова к отпору всяким попыткам врага помешать победоносному строительству социализма в нашей великой Родине».

1939—1940 годы, ноябрь—март

Это — месяцы суровой зимы и боев с бандами белофиннов. Тысячи моряков-балтийцев, прошедших в недавнем прошлом школу морской и артиллерийской практики на борту «Авроры», доказали в боях за Родину беззаветную преданность великому делу партии Ленина — Сталина, вер-

ность большевистским традициям краснознаменного крейсера.

Иные корабли сошли к тому времени с заводских стапелей на смену «Авроре». Седые мастера верфей, привыкшие исчислять время не по годам, а по датам закладки и спуска очередного судна, уже не в состоянии запомнить названий своих пловучих детищ, оснащенных всей мощью социалистической техники.

Тем не менее «Аврора» остается в строю. В месяцы боев с белофиннами легендарный корабль несет вахту в системе противовоздушной обороны города Ленина, готовый защищать его своей зенитной артиллерией. В составе десантных частей, очищающих острова Финского залива от шюцкоровских банд, находится отряд авроровцев. Буксирные катера под командованием моряков краснознаменного крейсера — лейтенанта Антонова, старшины Агафонова и старшины Евдокимова — выполняют самые ответственные задания: под огнем противника, в шторм, пробиваясь через льды, исследуют подходы к пристаням, идут через минные поля, доставляют боезапасы на передовые позиции.

1941—1945 годы

Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков застала «Аврору» в гавани Ораниенбаума[1], напротив Кронштадта. Очередной выпуск курсантов ушел с крейсера прямо в бой, на защиту Ленинграда. С полным правом, с гордостью, разделяемой всем нашим народом, они называли себя авроровцами.

Годы Великой Отечественной войны показали всему миру, насколько крепка верность советских моряков большевистским традициям «Авроры», идеям бессмертного дела Ленина — Сталина. На всех участках огромного фронта — в осажденных фашистами Ленинграде, Севастополе, Одессе, на Балтике и на Черном море, в Заполярье и на Волге у Сталинграда, на Днепре и на Дунае, в снегах под Москвой, на Тихом океане и на датском острове Борнхольм, освобожденном нашими людьми,— советские моряки вели себя так же самоотверженно, как их старшие братья и отцы в дни Великой

[1] Ныне г. Ломоносов.

Октябрьской социалистической революции, в годы интервенции и гражданской войны.

«Флот до конца выполнил свой долг перед Советской Родиной» (И. В. Сталин).

Снятая на время войны на берег артиллерия крейсера «Аврора» — звено в огневом поясе обороны — была установлена у Пулковских высот, а знаменитое баковое орудие находилось на бронепоезде «Балтиец».

Тем не менее фашисты предпринимали все, чтобы уничтожить ненавистный им корабль, ибо дело было в символическом значении «Авроры». Вот почему гитлеровские артиллеристы вели обстрел корабля, а их пилоты сбрасывали на него фугасные бомбы, пользуясь тем, что на борту разоруженного крейсера не было даже зенитных установок для самозащиты.

В течение девятисот дней блокады фашисты не оставляли в покое «Аврору».

Однако даже в самое тяжелое время, когда любой поход из устья Невы по Морскому каналу в Кронштадт сопровождался артиллерийским обстрелом с берегов Финского залива, захваченных гитлеровцами, всякий раз, когда взоры моряков обращались к гавани Ораниенбаума, каждый мог видеть в туманной дали неизменное: высокие тонкие трубы и очертания известного всему миру корабля.

...Черепа и кости фашистов сгинули в приневских болотах, осадные орудия, в свое время отлитые на заводах порабощенной гитлеровцами Европы, очутились на Выставке трофеев Отечественной войны в Ленинграде, но крейсер «Аврора» — символ нашей свободы — остался вечным памятником начала социалистической эпохи истории человечества.

После разгрома фашистских войск корабль был переведен из Ораниенбаума в Ленинград, к причалу судоремонтного завода. Искусные руки ленинградских судоремонтников залатали массу пробоин в корпусе и трубах, привели в полный порядок надстройки и палубу, мостики и мачты.

1945 год, август

По специальному постановлению Ленинградского Совета краснознаменный крейсер «Аврора» после окончания ремонта будет поставлен на Неве как памятник, навечно, и передан Ленинградскому нахимовскому училищу.

Орден Красного Знамени, которым награжден крейсер „Аврора", прикрепленный к древку почетного корабельного знамени

1946 год, 7 ноября Экипаж «Авроры» и юные нахимовцы торжественно отметили очередную годовщину Великой Октябрьской социалистической революции и корабельный праздник краснознаменного крейсера.

Незадолго до восьми часов, в сумраке осеннего утра, все, кто находился на корабле, выстроились двумя шеренгами вдоль обоих бортов на баке, лицом к щиту шестидюймового орудия, того самого, из которого прозвучал исторический выстрел по Зимнему дворцу. Оно было возвращено на корабль после разгрома фашистских войск под Ленинградом, установлено на своем месте и теперь снова глядело поверх бывшего Николаевского моста, ныне носящего имя черноморского революционера лейтенанта Шмидта, в сторону Зимнего дворца.

На правом фланге, где почти смыкались обе шеренги нахимовцев, застыл знаменосец. Он держал корабельное знамя с прикрепленным к древку орденом Красного Знамени.

Сумрак над кораблем и Невой таял. Быстро светлело. Занимался по-настоящему праздничный день. Лучи солнца засверкали на позолоте шпиля Петропавловской крепости, на массивном куполе Исаакиевского собора.

Как только замерло эхо последнего удара в колокол, в тишине раскатисто прозвучало:

— Флаг поднять!..

По фалам кормового штока медленно и торжественно пополз вверх флаг краснознаменного корабля, а вслед за ним взвились между мачтами разноцветные флажки сигнального свода.

Тогда заговорил командир крейсера-школы. Держа перед собой раскрытую папку, он напомнил юным морякам о боевых революционных традициях «Авроры», затем огласил текст грамоты — обращения правительства, ежегодно зачитываемый перед строем авроровцев в день корабельного праздника.

Закончив чтение, командир корабля прикрепил снятую с крейсера на время войны мемориальную доску с датой исторического выстрела на прежнем месте — к

щиту бакового орудия. И все, кто стоял в строю, прочли четко выведенные слова надписи:

„КРЕЙСЕР „АВРОРА“ ГРОМОМ СВОИХ ПУШЕК, НАПРАВЛЕННЫХ НА ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ, ВОЗВЕСТИЛ 25 ОКТЯБРЯ НАЧАЛО НОВОЙ ЭРЫ — ЭРЫ ВЕЛИКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ“

1947 год, 7 ноября

Праздничным ноябрьским вечером, когда тысячные толпы ленинградцев заполнили набережные Невы, чтобы полюбоваться фейерверком и артиллерийским салютом в честь очередной годовщины победы советской власти, у моста имени лейтенанта Шмидта остановился легковой автомобиль. Из автомобиля вышли два пожилых человека в штатской одежде, пробрались сквозь поток гулявших горожан к решетчатой баллюстраде моста и, опершись на чугунные перила, стали молча разглядывать невскую панораму.

Вид с моста был изумительный. Всюду, куда только проникал взгляд, искрились, отражаясь в речной глади, огни иллюминации. Гирлянды разноцветных электрических лампочек окаймляли портреты и панно на фасадах зданий вдоль набережных. Световые пунктиры эффектно обрамляли контуры дальних мостов через Неву, башню Адмиралтейства, увенчанную золоченым изображением плывущего в звездной выси парусника, высокий силуэт Петропавловской крепости, военные корабли, кильватерный строй которых протянулся от устья реки вплоть до поворота за Литейным мостом. Десятки прожекторов, установленных на крышах домов и на марсовых площадках кораблей, излучали неиссякаемые струи голубоватого света.

Впрочем, внимание двух человек в штатском у балюстрады было поглощено не общей панорамой. Их привлекала только одна деталь этой панорамы: корабль, который стоял неподалеку от моста, ближе к набережной Васильевского острова. Корабль резко выделялся среди остальных судов. Казалось, он парил над студеной, слегка дымившейся от холода рекой, невесомый, как призрачное видение, возникшее на фоне праздничной феерии. Такое впечатление создавала иллюминация. Све-

товые линии в точности воспроизводили контуры корабля, знакомого по старинным фотографиям, картинам и репродукциям с них: обводы массивного корпуса, надстройки и вентиляторы, орудия в квадратах полупортиков и мачты, мостики и три тонкие высокие трубы между ними. На фасаде переднего мостика, почти заслоняя его, выпукло проступал видный издалека, огромный, сплошь в электрических лампочках рубинового цвета, орден Красного Знамени с надписью-девизом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Название корабля нельзя

Шестидюймовое орудие, из которого прозвучал исторический выстрел по Зимнему дворцу

было прочесть с моста; однако и оба старика у балюстрады, молча смотревшие на феерическое зрелище, и толпившиеся вокруг, на мосту и на берегах Невы, тысячи ленинградцев, даже мельком глянув на обозначенный световыми штрихами корабельный облик, могли безошибочно произнести известное всему миру бессмертное имя.

— Хорошо нарядили именинницу. Как всегда наша «Аврора» красивее других, — проговорил, обращаясь к спутнику, один из стариков.

— Еще бы! — отозвался сосед. — Именинница и есть.

Спохватившись, он посмотрел на ручные часы, затем показал вниз, на гранитную стенку набережной Красного

Флота и усыпанный светляками разноцветных фонариков спуск.

— Видишь? Дожидается шлюпка-то. Пора, Тимофей Иванович.

— Значит, в самый раз подоспеем, как условились,— ответил тот, кого сосед назвал Тимофеем Ивановичем.— Что же, Александр Викторович, заглянем в историю. На страх врагам советской власти.

Старики подтянулись, приосанились и степенно зашагали к иллюминованному спуску, возле которого над продолговатым пятном вельбота у подножья чернели фигуры гребцов.

* * *

Несколько минут спустя вельбот подвалил к парадному трапу «Авроры», и оба гостя взобрались на верхнюю палубу крейсера.

Там, у площадки трапа, их встретил командир корабля:

— Товарищи почетные авроровцы! Воспитанники старших классов Ленинградского нахимовского училища, а также матросы, старшины и офицеры краснознаменного крейсера «Аврора» построены в честь годовщины Великой Октябрьской социалистической революции и корабельного праздника!

Гости поздоровались и, сопровождаемые командиром корабля, прошли вдоль строя.

Моряки, стоявшие в строю, среди них юные нахимовцы, впервые попавшие на корабельное торжество, да еще на борту «Авроры», в свою очередь с нескрываемым интересом всматривались в изборожденные морщинами лица обоих гостей. Каждый человек на крейсере слышал о предстоящем в этот праздничный вечер визите двух ветеранов — участников исторического события, происшедшего в 1917 году. И вот, ничего примечательного, если судить по внешности, не было в стариках, шедших вдоль строя. Они обращали внимание на себя только штатской одеждой. Трудно, пожалуй, совсем невозможно было угадать в них боевых матросских вожаков, непосредственных руководителей исполнения приказа Военно-революционного комитета в тот давний вечер, когда условный выстрел из бакового орудия «Авроры» послужил сигналом к штурму Зимнего дворца

и к началу вооруженного утверждения советской власти в нашей стране. Один из гостей — сухощавый, сутулый — напоминал празднично одетого мастерового с дореволюционной Выборгской стороны. Это был человек, любое слово которого означало в дни Октябрьской революции безоговорочный приказ для команды: Александр Викторович Белышев, первый партийный большевик на крейсере и председатель судового комитета, получивший из рук Якова Михайловича Свердлова мандат первого комиссара «Авроры», бывший минный машинист корабля, а ныне главный механик ремонтного завода Ленэнерго. Спутник Белышева казался еще старше и неприметнее. С 1910 года он служил на крейсере плотником и навечно вошел рядом с Белышевым в историю революционных событий на корабле, как первый секретарь ячейки РСДРП(большевиков), член судового комитета и представитель команды «Авроры» при военной организации большевистской партии в месяцы подготовки вооруженного восстания. Это был Тимофей Иванович Липатов.

Едва смотр закончился, командир корабля пригласил почетных гостей осмотреть заново отремонтированную «Аврору».

Старики спустились вниз, в лабиринт специальных отсеков, отделений, жилых палуб, и удивленно огляделись. Корабль был неузнаваем: и по сравнению с тем, каким они запомнили его еще задолго до революции; и по сравнению с тем, что они увидели на нем после гражданской войны, когда восстановленный руками комсомольцев первого призыва крейсер стал учебным судном; и по сравнению с горестным зрелищем, какое предстало глазам старых авроровцев после прорыва блокады, когда израненная фашистскими бомбами и снарядами, в тысячах пробоин от осколков, притопленная «Аврора» на буксире была приведена из гавани Ораниенбаума в Ленинград к причалу мастерских. Даже следов разрушений не осталось на восстановленном ленинградскими судостроителями и судоремонтниками корабле. Все было новым, блистало свежестью краски, безукоризненной чистотой, присущей военному кораблю, и в то же время на каждом шагу напоминало о совершенно ином, чем прежде, назначении крейсера. Его история как боевого корабля, начатая в сражении при Цусиме, была дописана в октябрьские дни 1917 года. Теперь он значился не в списке бое-

вых кораблей, но в мировой сокровищнице самых драгоценных реликвий человечества: корабль-памятник социалистической революции и одновременно школа корабельной практики нахимовцев перед вступлением их в долгую и суровую жизнь моряка-профессионала.

— До салюта еще полчаса,— предупредил командир, когда Белышев и Липатов, обойдя корабль, возвратились в кают-компанию. — Прошу ко мне, дорогие гости.

Он провел их в свою каюту и достал из сейфа объемистую тетрадь.

— Вот что вместе с мемориальной доской, прибитой к щиту бакового орудия, мы хранили, как святыню, все девятьсот суток блокады, — сказал командир, раскрыв тетрадь. — Это книга записей, сделанных почетными посетителями «Авроры». Документ для истории. Памятка поколению, которое сменит нас. Послушайте...

Перелистывая страницу за страницей, он прочитал вслух несколько записей:

«Аврора» — это означает заря. И действительно, выступление «Авроры» на сцену революции было именно зарей революции. Несомненно, что в будущей большой революционной борьбе матросы капиталистических флотов последуют славному примеру «Авроры».

Вторая запись подкрепляла первую:

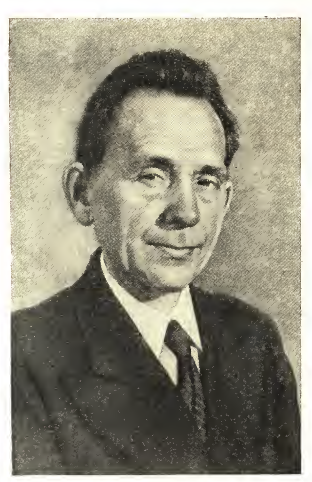
«Аврора» в сознании трудящихся масс всего мира — это символ боевой революционной готовности, беззаветной преданности делу освобождения трудящихся всего мира, школа неутомимого труда, учебы военно-морского дела и высокой сознательности...»

Командир положил тетрадь на стол перед гостями и обратился к ним с одинаковой просьбой:

— Александр Викторович, Тимофей Иванович, может быть, прибавите что и от своего имени?

Надев очки, Белышев перелистал тетрадь. Она была испещрена записями на разных языках. Под ними стояли имена известных политических деятелей нашей страны, старых моряков — ветеранов борьбы против царизма, множества иностранных гостей...

— Подумать надо, прежде чем записать и прибавить,— проговорил Белышев, откладывая тетрадь. — Мыслей-то много, а сказать все — не уложишься и на страницу...

Александр Викторович Белышев,
первый партийный большевик на крейсере и председатель судового комитета, получивший из рук Якова Михайловича Свердлова мандат первого комиссара „Авроры“, бывший минный машинист корабля, а ныне главный механик ремонтного завода Ленэнерго

* * *

...Мысли просились на язык, слова сами складывались в страстную речь. Белышев хотел произнести ее перед новым поколением моряков краснознаменного крейсера. Он шел издавна знакомым путем на бак, обдумывая все, что намеревался сказать, и повторяя про себя:

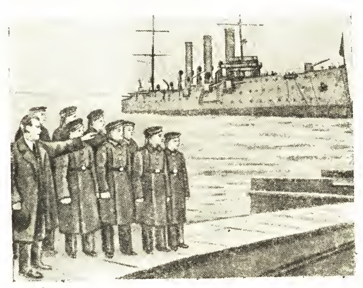
«— Товарищи авроровцы! Сыны и внуки! Потомки наши!

Уверенность большевиков в моряках крейсера «Аврора» полностью оправдалась в самое решающее время, с первого до последнего часа исторических суток установления советской власти. Через несколько минут наступит момент, когда из бакового орудия, у которого мы с вами собрались, в такой же вечер тысяча девятьсот семнадцатого года, во исполнение предписания Военно-революционного комитета, был произведен по моему приказанию комендором Евдокимом Огневым выстрел по Зимнему дворцу. Этот выстрел явился сигналом для революционных отрядов. После него начался штурм Зимнего дворца, где укрылись министры-капиталисты Временного правительства. Что значил этот выстрел в дальнейшей судьбе нашей родины, вы знаете из надписи на мемориальной доске, прикрепленной к щиту этого орудия: «Крейсер «Аврора» громом своих пушек, направленных на Зимний дворец, возвестил 25 октября начало новой эры — эры Великой социалистической революции».

Так сказано в книге Иосифа Виссарионовича Сталина об истории нашей партии, единственной партии, которой мы, старые авроровцы, еще задолго до октябрьских событий тысяча девятьсот семнадцатого года поклялись, что выполним любой приказ ее: партии большевиков. И мы, авроровцы, выполнили все, что нам поручила партия, не щадя сил и жизни в борьбе за советскую власть.

На всех флотах и флотилиях судьбы многих людей непосредственно связаны с именем «Авроры», потому что тысячи советских моряков получили в свое время практику на борту корабля-школы, которой стал крейсер еще после гражданской войны. Вот почему они имеют полное право называть себя авроровцами, и вот почему незримыми, но крепчайшими нитями связана история этого корабля со всей историей Военно-Морского флота нашей страны, с бессмертными делами всего советского народа.

Большевистские традиции «Авроры» служили путеводной звездой участникам гражданской войны, тем, кто творил революцию и отстаивал ее завоевания в боях против белогвардейцев и интервентов. На большевистских традициях «Авроры» воспитано второе поколение советских людей — ровесников Семнадцатого года, которое встало плечо к плечу с отцами в годы Отечественной войны. Третьему поколению — вам, молодёжи, сверстникам прекрасного, что несет торжество коммунизма, — еще предстоит расправить свои крылья

„...Будьте же и вы, потомки наши, преемники и носители большевистских традиций моряков „Авроры", достойны своих дедов и отцов! За вами будущее!.." (А. В. Белышев рассказывает нахимовцам об октябрьских днях 1917 года на крейсере „Аврора")

Будьте же и вы, потомки наши, преемники и носители большевистских традиций моряков «Авроры», достойны своих дедов и отцов! За вами будущее!..»

И окунулся в прошлое, как только занял свое прежнее место у бакового орудия, где стоял в тот памятный ненастный вечер, ожидая, когда вспыхнет красной точкой фонарь на стене Петропавловской крепости — условный

знак для «Авроры». Явственно ощутил студеное прикосновение штормового ветра, дувшего тогда над Невой, острые струйки дождя, хлеставшего по щекам.

— ...Да здравствует советская власть! — будто сквозь ветер послышалось Белышеву множество голосов.

Оглядясь, он встретил понимающий взгляд Липатова, думавшего, вероятно, о том же, что было здесь, у бакового орудия, о тех, с кем стоял тогда на баке, не сводя настороженных глаз с кровавой махины Зимнего дворца, освещенной лучами прожекторов. Острее, чем когда-либо, осознал, что старые друзья, вместе с которыми заново открывал мир, ушли безвозвратно, сложив головы на фронтах гражданской войны с предсмертным словом — здравицей советской власти, с мечтой о том, что начатое ими непременно завершат сыны и внуки... Внимательно всмотрелся в сотни лиц молодых моряков, окружавших его, и, услышав повторную здравицу, громогласно провозглашенную нахимовцами, скомандовал прерывистым, как тогда, в первые минуты торжества революции, голосом:

— Пли!

В гуле выстрела растворился звон корабельного колокола. Грохочущее эхо ринулось за борт, к мосту, понеслось над Невой, над гранитными берегами, над Ленинградом, в бескрайнюю даль. Тотчас в небо, рассеченное голубыми лезвиями прожекторных лучей, взлетели мириады разноцветных ракет. Огненная зарница полыхнула по горизонту над заколебавшимися громадами городских кварталов, и протяжное эхо выстрела-сигнала «Авроры» слилось воедино с перекатами голосов береговых и корабельных орудий, салютовавших в честь Великого почина, сделанного на земле в 1917 году.

1948 год, 17 ноября

Краснознаменный крейсер «Аврора» совершил свой последний переход — от причала Масляного Буяна, возле Горного института в Ленинграде, вверх по Неве — к месту вечной стоянки.

В 10 часов утра к борту исторического корабля ошвартовались три буксирных парохода. С них на «Аврору» подали буксирные канаты. Через несколько минут началась буксировка.

Один за другим, как бы салютуя прославленному кораблю, открывая ему путь против течения, вздымались

створки пролетов мостов — имени лейтенанта Шмидта, Дворцового... Тысячи ленинградцев, собравшихся на берегах Невы, наблюдали необычную буксировку.

Гордо реял развевающийся на ветру краснознаменный флаг «Авроры». Крейсер медленно двигался за буксирами вдоль берегов, мимо Адмиралтейства, Зимнего дворца, Петропавловской крепости, к устью Большой Невки. Внешний вид корабля радовал взгляды всех. Ленинградские судоремонтники постарались. Капитально отремонтированный, по сути восстановленный крейсер выглядел вновь построенным кораблем.

В полдень буксирные пароходы повернули неподалеку от Литейного моста налево, к специально углубленному фарватеру, и повели по нему «Аврору» в котлован, вырытый дноуглубительными машинами со стороны Большой Невки напротив здания Ленинградского нахимовского училища. Там, на парапете набережной, поджидали «Аврору» стоявшие в строгом строю, со знаменем и оркестром, нахимовцы.

С каждой минутой крейсер приближался к месту вечной стоянки. Под звуки Гимна Советского Союза, торжественно исполняемого оркестром нахимовцев, высокий корпус корабля вырос над набережной. Разнеслись четкие слова, спокон веку сопровождающие швартовку. Исполняя приказ, матросы завели и наглухо закрепили тяжелые стальные концы.

Последний переход «Авроры» был закончен.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

В самом центре Ленинграда, между Кировским и Литейным мостами, возле причала на правом берегу Невы, где высится здание Ленинградского нахимовского училища, стоит большой старинный корабль, какие давно уже не строят для Военно-Морского флота. Из трех тонких длинных труб корабля нет-нет и покажутся дымки, по бортам и в носовой части видны стволы орудий; на верхней палубе и на мостиках снуют люди в черной флотской форме; на корме развевается краснознаменный флаг, поднимаемый только на тех кораблях нашего флота, которые награждены орденом Красного Знамени за исключительные заслуги перед Родиной, перед народом.

Название старинного корабля, стоящего у слияния Невы и Большой Невки, знают люди всего мира. Оно упоминается в замечательном труде товарища И. В. Сталина — Кратком курсе истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) и в других исторических документах. В честь этого корабля его имя носят колхозы и заводы в разных местах Советского Союза. Многие поэты посвятили ему свои стихи. Многие художники запечатлели его в картинах, широко известных нашему народу. Талантливейший поэт нашей эпохи В. Маяковский неоднократно говорил о нем в своих поэмах «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо».

Это краснознаменный крейсер «Аврора» — корабль-памятник, поставленный на вечную стоянку на Неве в ознаменование его роли в истории Союза Советских Социалистических Республик. В то же время это корабль-школа. Будущие моряки — юные нахимовцы — живут на

этом корабле, несут вахты, получают знания из обширной области морской практики и с гордостью называют себя авроровцами.

Они вправе гордиться своим кораблем, как гордятся им все советские люди. Его история, боевые и революционные дела его моряков увековечены в надписи на мемориальной доске, прикрепленной к броневой башне бакового орудия. Лаконичная надпись напоминает каждому человеку, приходящему на крейсер, о бессмертном величии подвига, совершенного моряками легендарного корабля, о большевистских традициях авроровцев — непоколебимой верности народу, нашей социалистической Родине, партии Ленина — Сталина.

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор В. С. ЛУПАЧ
Художник Н. К. ЗИКЕЕВ
Технический редактор Г. Н. НИКИТИН   Корректор Е. П. ПУШКАРЕВА

ГМ-'857062   Подписано к печати 24.6.50.   Изд. № 4/1   Зак. 5449
Формат бумаги $84 \times 108^1/_{32}$ 2,5 бум. л. = 8,2 печ. л.   8,35 уч.-изд. л.

Отпечатано с матриц 1-ой типографии Управления Военного Издательства Военного Министерства Союза ССР имени С. К. Тимошенко

3-15

Цена 3 р. ~~50~~ к